
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7-2 (160). Ноябрь, 2016

Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия
«Общественные и гуманитарные науки»

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)	Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)
Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7-2 (160). November, 2016

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)
- Y. INOUE**
Professor (Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)
- M. VOCHOZKA**
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)
- V. LEVIN**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)
- V. MAEVSKIY**
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)
- N. MEL'NIKOV**
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- V. ORPHINSKIY**
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
- P. PELKONEN**
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- I. ROMANOVSKIY**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
- E. SENYAVSKAYA**
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- R. YUSUPOV**
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board
“Social Sciences & Humanities”

- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- S. KASCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- U. KILIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- A. PASHKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
- M. SHUMILOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ*Антощенко А. В.*

Роль Г. П. Федотова в преобразовании Свято-Владимирской духовной семинарии в академию 7

Бутвило А. И.

Внутриполитические предпосылки упразднения Карело-Финской ССР в 1956 году 16

Дианова Е. В.

Народный театр и кооперация Европейского Севера (по материалам 1910-х годов) 24

Пащикова Т. В.

Персонифицированные болезни и способы их лечения в народной культуре карел 31

Ружинская И. Н.

Схиигумен Лука (Земсков): православное монашество в реалиях XX века 35

Урванцева Н. Г.

Олонецкий отдел Императорского православного палестинского общества в конце XIX – начале XX века 44

Филимончик С. Н.

Деятельность Союза советских писателей Карелии в 1930-е годы 49

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ*Гусева Е. Р.*Местоименное наречие *зде* и дериваты в русских говорах Карелии и сопредельных областей 57*Кюришнова И. А.*

Структура именования лица в памятниках письменности Карелии XV–XVI веков (модели именований) 62

Михайлова Л. П.

Модификация русской лексики в полиэтнической зоне (слова с начальными плавными) 70

Шарапенкова Н. Г.

Драма Г. Ибсена «Пер Гюнт»: современное прочтение в постановке театра «Ленком» 78

Абрамова О. Г., Хоменко М. В.

О переводе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на шведский язык 83

Дехтяренко А. В.

Реминисценция и интерпретация библейских мотивов в поэтическом творчестве Д. С. Мережковского 87

Литинская Е. П.

«Непереводимое» в переводе: особенности передачи безэквивалентной лексики русского и новогреческого языков 92

Минеева И. Н.

Творческая история повести Н. С. Лескова «Аскалонский злодей. Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)»: источники, генезис, поэтика 95

Нилова А. Ю.

Гомеровские традиции в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино» 102

Скоропадская А. А.

И. С. Тургенев о Вергилии (на примере одного письма) 105

Аганитова Е. К.

Цензурная и авторская правка романа И. А. Ефремова «Таис Афинская» 109

Рецензии*Линник Ю. В.*

Рец. на кн.: Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов 114

Память

Памяти Н. Ф. Славина 117

Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор Е. В. Иванова. Переводчик О. Л. Добрынина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.11.2016. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 85 экз.). Изд. № 154

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ant@petsu.ru

РОЛЬ Г. П. ФЕДОТОВА В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В АКАДЕМИЮ*

Рассматривается важный эпизод в деятельности известного историка-эмигранта Г. П. Федотова в американский период его жизни (1941–1951 годы). Основу исследования составили документы, хранящиеся в архиве Православной церкви в Америке (Сайосет). Предложенный историком проект преобразования Свято-Владимирской духовной семинарии в академию был утвержден на VII Всеамериканском православном соборе в Кливленде (штат Огайо) и успешно осуществлен. Особая роль Г. П. Федотова в этом процессе определялась следующими обстоятельствами. Во-первых, его знание истории и современного положения Православной церкви в США дало ему возможность убедительно обосновать необходимость создания там высшей богословской школы. Во-вторых, его опыт преподавания в Свято-Сергиевском православном институте в Париже позволил ему оценить способности своих бывших коллег и пригласить ряд из них в Америку. Наконец, в-третьих, его авторитет, приобретенный в результате участия в экуменическом движении, обеспечил поддержку проекта американскими «друзьями православия».

Ключевые слова: Православная церковь в Америке, Свято-Владимирская духовная семинария, Г. П. Федотов

Свято-Владимирская православная духовная семинария являлась преемницей семинарии, созданной в Северной Америке в 1905 году. Возникшая благодаря усилиям архиепископа Тихона (впоследствии патриарха Московского), она располагалась первоначально в Миннеаполисе (до 1912 года), а затем переехала в Тенафлай (штат Нью-Джерси), где просуществовала еще десять лет (до 1923 года), готовя священников для американских православных приходов. Причиной прекращения ее учебной деятельности стали революция и Гражданская война в России, приведшие к отсутствию финансирования и фактическому отрыву Северо-Американской митрополии от Русской православной церкви (РПЦ), подвергшейся гонениям в Стране Советов.

3 октября 1938 года она была вновь открыта в Нью-Йорке в соответствии с решениями прошедшего год назад здесь же VI Всеамериканского собора. Поскольку это был юбилейный год Крещения Руси князем Владимиром, учебное заведение было названо в его честь Свято-Владимирской семинарией. Последующее десятилетие было трудным периодом существования семинарии, особенно в годы Второй мировой войны. Однако завершилось оно важным для семинарии событием – утверждением советом управляющих департамента образования штата Нью-Йорк ее временного устава, которым закреплялось ее преобразование в духовную академию, то есть в высшее учебное заведение. В данной статье речь пойдет о той роли, которую сыграл в этом преобразовании Георгий Петрович Федотов (1886–1951).

Творческое наследие известного историка, религиозного мыслителя и публициста за последние десятилетия вернулось на родину, наиболее значимым свидетельством чего является завершение публикации Собрания сочинений Г. П. Федотова [1]. Однако его полная биография еще до сих пор не написана. Особенно слабо изученным является так называемый американский период его жизни, что во многом определяется недоступностью источников для отечественных историков. В юбилейных изданиях о Свято-Владимирской семинарии (академии) имя Г. П. Федотова неизменно упоминается среди тех, кто содействовал ее преобразованию в середине прошлого столетия [2: 7], [3: IV], [4: 13]. Но характер таких изданий не позволяет детально представить его заслуги в этом процессе. На устранение данного недостатка направлено наше исследование, основанное на документах, хранящихся в архивах и библиотеках США.

Г. П. Федотов после переезда из Франции в США в 1941 году первые три года провел в Нью-Хейвене, где при поддержке Гуманитарного фонда, созданного Б. А. Бахметьевым, занимался подготовкой книги о религиозности русского народа¹. Летом 1943 года он вновь оказался лицом к лицу с проблемой поиска места работы. Среди возможных вариантов рассматривалась и Свято-Владимирская семинария. В меморандуме от 26 июня 1943 года, подготовленном не без участия его нового друга П. П. Зубова, человека широко известного в православных кругах русских эмигрантов, указывалось на желательность для семинарии включения профессора Г. П. Федотова в ее штат².

Однако в 1943 году, судя по документам, такой возможности не представилось. Только со следующего, 1944/45, академического года Г. П. Федотов начал преподавание в Свято-Владимирской семинарии и в Общей богословской семинарии в Челси (г. Нью-Йорк), в здании которой арендовалось несколько комнат для занятий и проживания будущих православных священников³. Осенью этого же года руководством православной семинарии ему было предложено вести занятия по истории Западной церкви за довольно скромное вознаграждение в 107 долларов в год. К ним вскоре добавились часы по церковнославянскому языку⁴, переданные, правда, в начале 1945 года иеромонаху о. Ионе Штальбергу.

Деятельность Г. П. Федотова в Свято-Владимирской семинарии не ограничивалась только преподаванием. Ему пришлось включиться в решение насущных вопросов совершенствования учебного процесса. 20 октября 1944 года под председательством декана Свято-Владимирской семинарии епископа Макария состоялось совместное совещание представителей семинарии и колледжа Колумбийского университета, в котором одновременно с учебной в семинарии обучались почти все семинаристы, чтобы получить юридически признаваемую степень бакалавра. В совещании участвовали «уполномоченные от семинарии Владыкой Митрополитом» Г. П. Федотов, П. П. Зубов, Е. А. Москов и представитель Студенческого фонда А. Р. Вирен, а также декан колледжа Колумбийского университета профессор Г. Дж. Карман и профессор К. А. Манинг. Главной целью совещания было наметить пути решения вопроса о согласовании программы семинарии с курсами колледжа. На совещании отмечалась необходимость «по примеру прочих иноверных теологических школ равного положения добиваться признания за семинарией звания и прав высшего учебного заведения наравне с университетом и с прочими теологическими учебными заведениями, включая права выдачи дипломов и степени окончившим курс, а также присуждения высших научных степеней»⁵. При этом представители университетского колледжа выразили уверенность в том, что руководство Колумбийского университета окажет необходимую поддержку в этом вопросе.

5 декабря 1944 года Г. П. Федотов выступил с речью о миссионерской деятельности РПЦ в Северной Америке на торжественном собрании в семинарии, посвященном 150-летнему юбилею начала этой деятельности⁶. Знакомство с историей РПЦ в Америке позволило ученому более четко, с учетом исторической перспективы, представлять ее современное положение в США.

Через два дня Г. П. Федотов был извещен, что является членом комиссии, на которую возлагается обязанность «обсудить и рассмотреть подробно содержание указанных собором епископов предметов в первом академическом курсе и пригласить для преподавания их право-

мочных преподавателей»⁷. Речь шла о решении малого архиерейского собора об объединении в целях экономии сил и средств пастырской школы в Тихоновском монастыре в Саут-Кейнани и Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, в результате которого предполагалось также повысить уровень подготовки семинаристов путем создания академического курса.

Заседание академической комиссии, возглавляемой архиепископом Виталием, состоялось 15 марта 1945 года. В ходе всестороннего обсуждения вопроса выяснились главные препятствия на пути к открытию академического курса в Свято-Владимирской семинарии. Прежде всего – недостаток кандидатов, желавших продолжить обучение. Однако, несмотря на это, члены комиссии определили круг предметов, которые должны преподаваться на академическом курсе, а также составили список «возможных кандидатов-преподавателей для ведения указанных учебных предметов» и наметили их предварительное распределение. Главная ставка при этом делалась на наличные преподавательские силы семинарии с учетом возможности привлечения к обучению иерархов Американской митрополии. Комиссия утвердила также примерные сроки занятий, которые должны были длиться семь месяцев «за вычетом времени для Рождественских и Пасхальных вакаций». Наконец, члены комиссии сочли возможным принимать на академический курс «вольнотрудателей», то есть тех, кто не оканчивал курса Свято-Владимирской семинарии или Свято-Тихоновской пастырской школы. При этом подчеркивалась важность данного шага в финансовом отношении, так как предполагалось, что такие слушатели будут оплачивать обучение и проживание в общежитии за свой счет, а это означало получение около 1000 долларов от каждого «вольного» учащегося за слушание лекций⁸.

Обсуждение вопроса на заседаниях педагогического совета Свято-Владимирской семинарии 15 июня 1945 года выявило еще одно препятствие к открытию академического курса – отсутствие официально утвержденного юридического статуса учебного заведения⁹. Попытки выяснить возможности официального утверждения устава и статуса семинарии не дали определенного ответа: ссылки на необходимость для этого иметь капитал в 50 000 долларов были необоснованными, как свидетельствовал опыт Свято-Тихоновской пастырской школы, которая получила регистрацию без данной суммы. В результате было решено обратиться к митрополиту Феофилу с просьбой «предложить надлежащим органам управления» выяснить вопрос о возможностях и условиях регистрации семинарии, осуществить ее и разработку устава. В качестве примера, по совету коллег из Колумбийского университета, преподаватели Свято-Владимирской семинарии считали возможным использовать опыт регистрации «пастырской школы» в Пенсильвании с учетом того, что там иные,

чем в Нью-Йорке, законы. Педагогическим советом была избрана специальная комиссия «для получения указанных сведений, для выяснения порядка утверждения устава и для дальнейшего о том и другом ходатайства» в составе декана архимандрита о. Дионисия и инспектора семинарии о. Ионы, а также Е. А. Добрянского.

К неопределенности юридического положения учебного заведения следует добавить и некоторые финансовые трудности. Финансовый отчет за период с 1 августа 1944 года по 31 августа 1945 года показал, что бюджет семинарии не покрывается 1032 долларами, что составляло около 10 % его общей суммы. И если из этой недостающей суммы 300 долларов составляли долг семинаристов «за обучение и стол», а около 417 долларов находились в виде наличных денег в кассе, то 315 долларов были «дефицитом», который необходимо было изыскать в ближайшее время¹⁰. Введение академического курса означало увеличение числа учащихся и, соответственно, расходов на их обучение и проживание.

Несмотря на трудности, педагогический совет семинарии 25 сентября 1945 года утвердил расписание занятий в 5-м, выпускном, классе только на первый семестр, так как со второго семестра все же предполагалось начать обучение на академическом курсе, на который переводился «в полном составе» ее выпускной класс. Г. П. Федотову было предложено преподавание нравственного богословия в этом классе, и он согласился на это¹¹.

Через неделю после педсовета прошло очередное заседание комиссии под председательством архиепископа Виталия по открытию первого академического курса в Нью-Йорке, которое продемонстрировало решимость осуществить задуманное. По предложению митрополита Феофила предполагалось сформировать академический курс из успешных семинаристов 5-го класса, окончивших колледж Колумбийского университета и способных внести необходимые суммы за слушание лекций. Правда, после собеседования с возможными кандидатами в абитуриенты академического курса выяснилось, что многие из них вынуждены совмещать учебу с работой, чтобы платить за занятия в семинарии, или же зачислены на бесплатные курсы в Епископальной семинарии. Желавших оказалось только двое, да и те указали на возможность изучения лишь ряда предметов по выбору и если это «не будет сопряжено с дополнительными расходами»¹².

Сложившуюся ситуацию не могли изменить ни торжественное собрание в ознаменовании 40-летия русской православной духовной семинарии в Америке, состоявшееся 6 декабря 1945 года в зале при кафедральном соборе, где с докладом об истории семинарии выступил Г. П. Федотов, ни официальное решение совместного заседания педсовета семинарии и академической комиссии 16 января 1946 года открыть во втором полугодии 1945/46 академического года академический

курс на основе программы пятого класса «с дополнением ее богословскими предметами и церковным пением»¹³. Уже на следующем заседании педагогического совета семинарии указывалось на то, что отсутствие устава порождает ряд сложностей, во-первых, с решением вопроса об освобождении семинаристов от призыва на воинскую службу и, во-вторых, невозможностью выдавать дипломы бакалавра или кандидата¹⁴.

В этих условиях митрополит Феофил по предложению П. П. Зубова поручил Г. П. Федотову подготовить записку о возможности открытия православной духовной академии в США как высшего учебного заведения¹⁵. Обосновывая необходимость такого шага, Георгий Петрович исходил из общей исторической оценки положения Северо-Американской митрополии. В отличие от ставшего основой распространения православия в Европе «временного беженства», «которое через несколько лет рассеется», в Америке православие опирается на миллион «американских православных граждан, которые нашли в Америке свою новую родину», – подчеркивал он. Характеризуя современное положение как «переходное», Г. П. Федотов отмечал изменения, происходившие в среде русских эмигрантов в США. Новое поколение, приходящее на смену поколению русских эмигрантов, сформировавшемуся из крестьян-карпатороссов и «по своему культурному уровню» не нуждавшемуся в «образованных священниках», отличается более высоким уровнем образования, полученного в американских средних школах и колледжах. «Сейчас они составляют самое активное ядро наших прихожан, охотнее других жертвуют на церковные нужды и создают прицерковные организации, – констатировал автор записки. – Живя в протестантском мире, они чувствуют потребность в разумной защите своей веры. Они хотят знать православие. Пасторы протестантских сект, как и католические священники, почти всегда люди с высшим образованием. В духовной борьбе за веру отсутствие высокообразованного духовенства является серьезным препятствием для будущего Русской Церкви в Америке»¹⁶. Этим определялась необходимость создания духовной академии «в старом русском смысле слова», так как Богословский институт в Париже не может решать задачи подготовки пастырей для Америки: «у него своя европейская область – с эмигрантской паствой и несколько иные задачи»¹⁷.

Главным из трех условий создания высшей богословской школы – «профессора, студенты и материальные условия» – Г. П. Федотов считал наличие «лиц, самостоятельно работающих в своей научной области». Указывая на опыт Богословского института в Париже, он предлагал собрать тех ученых и богословов, кто в настоящее время остался без работы в Европе. Предложенный им «неполный список» включал профессора Н. С. Арсеньева, специалиста по истории мистики, читавшего в Варшавском университете

курс догматического богословия; профессора М. В. Зызыкина, историка церкви, бывшего профессора Варшавского университета, автора диссертации о патриархе Никоне; С. В. Троицкого, канониста, профессора Белградского университета, о местопребывании которого в то время не было сведений; И. А. Стратонова, историка и канониста в Париже; Н. О. Лосского, известного философа в Париже, и его сына В. Н. Лосского, прекрасно знающего патристику; С. Л. Франка, философа и социолога в Лондоне; Е. В. Спекторского, философа, социолога и юриста в Италии; Б. П. Вышеславцева, философа в Швейцарии. Наконец, Г. П. Федотов указал и на о. Павла Лютова, знатока Ветхого завета и семитических языков в Вашингтоне. Из представителей более молодого поколения Г. П. Федотов назвал также Евгения Ламперта, талантливый догматиста, ученика о. Сергия Булгакова; Н. М. Зернова, историка церкви и автора многочисленных работ о русской церкви и православии; Игоря Смолича, историка, «выпустившего в Германии ряд солидных исследований по истории монашества, старчества, славянофильства», о судьбе которого в тот момент он ничего не знал. К ним Г. П. Федотов добавлял выпускников Парижского богословского института, которые в то время замещали своих старших коллег, вынужденных покинуть Францию. Возвращение последних привело бы, по мнению Г. П. Федотова, к тому, что более молодые преподаватели вынуждены были бы искать работу. Ряд профессоров Богословского института в Париже – о. Георгия Флоровского, о. Касиана Безобразова, Б. И. Сове и Н. Н. Афанасьева, которых Георгий Петрович не включил в список, он считал возможным использовать в качестве «приглашенных профессоров» (visiting professors).

Очерчивая общий контур преподавания в высшем богословском учебном заведении, Г. П. Федотов считал достаточным «для первоначального состава Академии» пяти профессоров. «Философ мог бы читать нравственное богословие и основное (апологетику), историк – каноническое право, – писал он. – Трудно заместить кафедру Нового завета, патристики и литургики. Временно кафедра Нового завета могла бы быть соединена с Ветхим, патристика с догматическим богословием или историей церкви. Литургика могла бы преподаваться практически»¹⁸.

Определяя собственные предпочтения в предложенном списке, Г. П. Федотов называл в качестве кандидатов на профессорские должности имена Н. С. Арсеньева, Н. О. Лосского, М. В. Зызыкина и П. Т. Лютова. Вместе с тем он замечал, что в Америку прибыл о. Иоанн Шаховской, «человек без научной специальности, но чрезвычайно одаренный проповедник, который мог бы с успехом преподавать ряд “пастырских” предметов (гомилетику, литургику, аскетику, пастырское богословие)»¹⁹.

Указывая на то, что ряд кандидатов находились в юрисдикции Московского патриарха, Г. П. Федотов считал, что духовная академия должна, несомненно, подчиняться митрополиту Феофилу и Собору русских епископов в Америке, «но в вопросе личной юрисдикции учащих и учащихся должна быть проявлена условная терпимость»²⁰.

Наконец, признавая необходимость выработки программы обучения, опираясь на опыт дореволюционных духовных академий в России, он считал важным учитывать вызванные временем изменения и особенные американские условия. В этой связи необходимо было включение в программу, по примеру Богословского института в Париже, предметов среднего, семинарского образования. Но главное – необходимы были две существенные перемены: пересмотреть отношения с Колумбийским университетом, чтобы учащиеся академии не тратили основную часть времени на учебу в университетском колледже, и ввести систему двуязычного преподавания. Последнее, по мысли Г. П. Федотова, «дало бы возможность открыть некоторые курсы, читающиеся на английском языке, для православных других наций, а также и для инославных друзей»²¹.

15 февраля 1946 года П. П. Зубов препроводил митрополиту Феофилу записку Г. П. Федотова со своими соображениями по финансовому вопросу, заручившись относительно последнего поддержкой Б. А. Бахметьева и А. Р. Вирена²².

19 февраля митрополит рассмотрел предложения Г. П. Федотова и П. П. Зубова и вынес резолюцию: «Иметь о сем суждение в педагогическом совете Свято-Владимирской духовной семинарии»²³, а значительно позже, 11 апреля, на записке П. П. Зубова по финансовому вопросу митрополит Феофил написал благодарность Г. П. Федотову и особую признательность П. П. Зубову. Правда, потребовалось еще двадцать дней, чтобы митрополичий совет переслал им эту благодарность за записки и сообщил, что они будут рассмотрены в митрополичьем и педагогическом советах семинарии.

Положительное отношение к рассмотренным запискам иерархов и коллег позволило П. П. Зубову вновь обратиться к митрополиту с предложением создать две комиссии – для переговоров с Колумбийским университетом и финансовую. 19 июня 1946 года митрополит передал записку П. П. Зубова на рассмотрение академической комиссии во главе с архиепископом Виталием, заседание которой состоялось 29 июля. На нем были утверждены комиссия для переговоров с Колумбийским университетом в составе председателя студенческого фонда А. Р. Вирена, Г. П. Федотова и П. П. Зубова с правом кооптации в случае необходимости «других русских профессоров в американских университетах» и финансовая комиссия под председательством доктора Колтона в составе доктора Доггана, А. Р. Вирена и П. М. Фекулы (в качестве исполнительного секретаря), а также казначей Свято-

Владимирской духовной семинарии протоиерея И. Пиштя с правом кооптации американцев из тех учреждений, которые отзовутся на призыв финансово поддержать академию.

Вторым пунктом постановления академической комиссии было решение «в возможно скорейший срок выписать из Европы трех профессоров: проф. догматического богословия Варшавского университета и Кенигсбергского – Арсеньева, проф. богослова и философа Варшавского университета Зызыкина и бывшего ректора Киевского университета – Спекторского (канониста)»²⁴.

Для осуществления программы академического курса, отмечалось также в постановлении, иметь в виду проживающих в Америке профессоров Г. П. Федотова и о. Павла Лютова, архимандритов Дионисия и Иоанна (Шаховского), иеромонаха Иону, доктора Е. А. Москва, Е. А. Добрянского и Л. П. Троицкого²⁵.

Резолюция митрополита Феофила, написанная 18 августа на постановлении академической комиссии, гласила: «Исполнить возможно без промедления».

Новый импульс решение вопроса о создании академии получило благодаря переписке между митрополитом Феофилом и архиепископом Леонтием. В письме от 3 октября 1946 года архиепископ Леонтий предлагал митрополиту, во-первых, провести заседание комиссии из заинтересованных лиц для выработки программы преподавания уже на следующий учебный год во время VII Всеамериканского православного собора, который должен был состояться в конце ноября 1946 года в Кливленде. При этом, считал он, нужно подчеркнуть, что создаваемая академия будет работать для нужд «именно Американской Православной Церкви», что важно и в моральном плане, и для сбора финансовых средств. «Если же начало занятий Комиссии будет открытым, в сопresутствии всех наших Пресвященных Владык, во главе с Вами, Владыко Святой, это будет акт соборно-священного характера и исторической важности и силы...». Во-вторых, нужно было представить схему перехода от семинарии к академии, которая, как считал Леонтий, должна была быть «переделкой» уже имевшейся программы. В качестве докладчика об этой схеме он предлагал Е. А. Добрянского или Е. А. Москва. Но докладчик на соборе, по мнению архиепископа, обязательно должен быть, так как одобрение схемы на соборе придаст ей характер дела, в котором заинтересована «ВСЯ Американская Православная Русь “ин корпоре”». В-третьих, на соборе должен «прозвучать четко» доклад о финансовой стороне вопроса, с которым лучше всего мог бы выступить П. П. Зубов, «стоящий в курсе сей операции». Он «постоит на Соборе в сем случае за себя и за академию...»²⁶.

Предложение было учтено при подготовке к Собору, на который приглашались с докладом о создании духовной академии Г. П. Федотов

и с докладом о финансовом обеспечении ее деятельности П. П. Зубов. Их доклады были заслушаны на третьем заседании 28 ноября. В своем докладе Г. П. Федотов представил ранее сформулированные им в записке аргументы в пользу создания академии с привлечением профессоров из Европы. Докладчик уточнил необходимые изменения во взаимоотношениях с Колумбийским университетом: «Ввиду повышенного преподавания в академии сравнительно с семинарской программой ведутся переговоры с Колумбийским университетом о зачете для наших студентов их богословских курсов и, тем самым, о сокращении срока пребывания в колледже с 4-х лет до 3-х (или даже 2-х). Таким образом, общий срок обучения будет составлять 6 или 5 лет». Повторив мысль о необходимости двуязычного преподавания в академии, он отметил, что следует сохранить пастырскую школу для подготовки «низших священно- и церковно-служителей», перевесть ее в Нью-Йорк и соединив ее «в той или иной форме с академией и ее преподавателями»²⁷. Выступивший вслед за Г. П. Федотовым П. П. Зубов обосновал возможности финансового обеспечения высшего богословского образования. Оценив общую сумму ассигнований на академию в 27 000 долларов в год, он в качестве главных источников пополнения бюджета назвал плату за учебу и содержание самих учащихся, пожертвования от ряда эмигрантских благотворительных фондов (православного и студенческого фондов, федерации клубов молодежи, фондов Б. А. Бахметьева, М. О. Зворыкина и других), а также поступления от англоязычных богословских курсов. Недостающую сумму в 6000 долларов предполагалось «достать от иностранных научных организаций, производящих исследования по разным ветвям русской культуры и не имеющих, до приезда наших профессоров, группы ученых, способных снабдить их сведениями об истории развития русской религиозно-философской мысли»²⁸.

Собор одобрил доклады, признал необходимым «иметь ректором означенной академии, ответственным за ее управление и православный характер преподавания и за состав профессоров, митрополита всея Америки и Канады», поручил собору епископов утвердить устав и программу, выразил согласие с необходимостью сохранить пастырскую школу в связи с академией, поблагодарил их преподавателей за самоотверженный труд и призвал приходы организовать сбор на богословское образование²⁹.

Однако вплоть до весны 1947 года никаких официальных собраний или решений по данному вопросу не было. Только 3 марта под председательством епископа Леонтия состоялась «неформальная встреча» руководителей православных молодежных организаций, представителей благотворительных фондов и преподавателей семинарии, на которой были обсуждены проблемы богословского образования и вновь подчеркнута

необходимость безотлагательно приступить к реорганизации семинарии в академию. «Наиболее логичным» на собрании было признано считать епископа Леонтия «лицом, призванным принять активное участие в управлении обеими школами»³⁰. Однако это не изменило существенным образом положение дела.

Неудивительно, что в письме Г. В. Флоровскому от 3 сентября 1947 года Г. П. Федотов писал: «Но главный вопрос, о нашей академии, все еще висит в воздухе. Весной я считал его уже похороненным, гл[авным] обр[азом] из-за равнодушия иерархии. Но сейчас П. П. Зубов опять развивает успешную деятельность, добился обещаний от американских кругов и уверен, что с октября можно будет начать половинчатое существование – со Спекторским, Лосским и частью старого состава семинарии. В связи с этим Зубов просил меня запросить Вас, согласны ли Вы будете приехать как *visiting professor*³¹ на год, если план осуществится»³².

Новый учебный год семинария начала, как обычно, в октябре, когда в Америку уже приехали профессора Н. О. Лосский и Е. В. Спекторский и ожидалось скорое прибытие профессора Н. С. Арсеньева, а во втором семестре – протоиерея о. Г. Флоровского. Предложенные ими предметы – философия, каноническое право, догматическое богословие, патристика – были включены в расписание занятий семинарии, а курс Н. О. Лосского «Достоевский и его мировоззрение» на английском языке предлагался также интересующимся русской культурой учащимся Юнионистской богословской семинарии³³. Помимо этого профессора Свято-Владимирской семинарии предлагали курсы, которые могли быть зачтены студентам университета, – история церкви (общей, западной, русской, американской), литература Ветхого и Нового заветов, христианская этика и другие, часть которых была одобрена совместным комитетом по религии Колумбийского университета³⁴. Местом проведения занятий семинаристов с этого года стала арендованная квартира № 31 по адресу: 537 Вест 121-я улица и ряд аудиторий Юнионистской богословской семинарии Колумбийского университета, расположенной напротив.

15 октября 1947 года по инициативе П. П. Зубова состоялось собрание «американских друзей» создаваемой православной академии, на котором был создан комитет советников³⁵. Почетным председателем комитета стал лауреат Нобелевской премии мира за 1946 год Дж. Р. Мотт, председателем – президент Юнионистской богословской семинарии Г. Ван Дюсен, а исполнительным секретарем – американский христианский миссионер Г. С. Лейпер. В целях сбора недостающих для преобразования семинарии в академию средств было решено использовать несколько способов «финансового сотрудничества»: 1) контакты известных лиц «с ключевыми фигурами различных вероисповеданий», напри-

мер Э. Веста и епископа Жильбера, которые являлись членами комитета, или посредничество Епископальной церкви в целом; 2) составление подписных листов с соответствующей информацией для распространения в США; 3) обращение к Сербской и Болгарской церквам и, возможно, 4) преподавание профессоров академии в других богословских учебных заведениях. При этом подчеркивалось, что жалование профессорам от академии должно составлять не менее 2000 долларов в год.

6 ноября 1947 года новый декан семинарии о. Иоанн Шаховской направил рапорт архиерейскому собору в Америке³⁶, в котором он сообщал об успехах в деле преобразования семинарии в академию и указывал на насущные меры, необходимые для завершения этого процесса. «Настоящий академический год является переходным и сейчас настоятельно ощущается потребность в скорейшей легализации успешно начатого дела, – писал он. – Необходимо официальное открытие академии указом высокопреосвященного митрополита Феофила и собора епископов, а также назначение комиссии из декана, профессоров и юрисконсульта нашей Церкви для выработки устава и порядка регистрации академии как высшего учебного заведения по законам штата Нью-Йорк». Несмотря на то что Г. П. Федотов весьма скептически относился к возможным решениям архиепископского собора³⁷, именно ему вместе с Е. В. Спекторским пришлось начать подготовку устава академии³⁸ после того, как собор одобрил преобразование.

Подготовленный Г. П. Федотовым вместе с Е. В. Спекторским проект устава был переведен на английский язык Георгием Петровичем весной 1948 года³⁹, а в первой половине мая перевод исправил юрисконсульт Р. М. Аркуш⁴⁰. Состоявшийся 2–3 июня 1948 года в Свято-Тихоновском монастыре малый архиерейский собор с участием митрополита Феофила, архиепископа Чикагского и Миннеаполисского Леонтия, епископа Филадельфийского и Пенсильванского Никона, епископа Бруклинского Иоанна постановил «считать православную духовную академию в Северной Америке открытой с 1 июня 1948 г. в г. Нью-Йорке», а также предоставил этому высшему учебному заведению право именоваться в честь святого князя Владимира и утвердил состав его профессоров и лекторов. Однако проект устава академии вызвал «некоторые недоумения относительно взаимоотношений между советом директоров и попечительным и педагогическим советами» и требование зафиксировать в нем принадлежность данного учебного заведения к Русской православной церкви в Северной Америке и «праве ее через собор архиереев, в лице митрополита, руководить всей постановкой учебно-воспитательного дела в академии и принимать непосредственное участие во всех сторонах ее жизни». Указывалось в решении собора и на необходимость ряда частных поправок, а именно:

установить подписку для профессоров с обязательством прослужить в академии не менее трех лет с уведомлением об уходе не менее чем за шесть месяцев; определить сроки пребывания и порядок обновления совета директоров и попечительного совета; принимать в академию лиц мужского пола православного исповедания, имеющих свидетельство об окончании «хай скул» (high school) или соответствующем богословском образовании, в возрасте не старше 35 лет и с рекомендацией настоятеля своего прихода; допускать в вольнослушатели лиц христианского вероисповедания по решению педагогического совета; наконец, считать праздником академии день святого апостола Иоанна Богослова, то есть 26 сентября (9 октября)⁴¹.

Требуемые изменения были внесены, и 18 июня 1948 года Совет управляющих от имени Департамента образования штата Нью-Йорк утвердил временный устав академии. «Уставом академия признается институтом высшего образования для богословской подготовки кандидатов в духовенство в Русской Православной Греко-Кафолической Церкви Северной Америки или любой другой ветви православного вероисповедания», – информировала своих читателей «Нью-Йорк Таймс»⁴².

Торжественный акт открытия академии состоялся 22 октября 1948 года в Свято-Покровском кафедральном соборе. Перед началом собрания был отслужен торжественный молебен с участием митрополита Феофила, епископов Андрея Болгарского, Никона Филадельфийского и Пенсильванского и Иоанна Бруклинского. Среди речей профессоров, произнесенных после выступления митрополита Феофила «о значении богословского образования, рассадником которого должна явиться Духовная Академия не только для русских, но и для иностранцев», было и выступление Г. П. Федотова об истории преобразования семинарии в академию «с указанием ее организации и программы»⁴³. 4 ноября 1948 года в связи с открытием Свято-Владимирской духовной академии торжественный акт прошел в Джемс Меморал Чапел Юнионистской семинарии Колумбийского университета, явившийся «публичным оповещением для американской профессуры и студенческой среды о начале занятий в Академии»⁴⁴.

12 ноября 1948 года П. П. Зубов и Г. П. Федотов подали митрополиту Феофилу рапорт о результатах преобразования Свято-Владимирской семинарии в академию. В рапорте авторы охарактеризовали процесс утверждения устава академии, ее преподавательский состав и взаимоотношения с Колумбийским университетом, не забыв отметить вклад многочисленных протагонистов преобразования семинарии в высшее учебное заведение⁴⁵. На рапорте митрополит Феофил написал: «Профессора Г. П. Федотова и Члена Правления Свято-Владимирской Духовной Семинарии-Академии П. П. Зубова глубоко благодарю за этот обзор. Вместе с сим считаю

необходимым приятным долгом своим выразить благодарность всем поименованным в этом рапорте лицам за содействие и участие в открытии в Америке Православной Духовной Академии во Славу Божию и на благо Святой Православной Церкви Христовой»⁴⁶.

Упомянулось в рапорте и то, что план обучения на 1948/49 академический год был представлен в напечатанном «Бюллетене Свято-Владимирской православной духовной семинарии и академии». В нем Г. П. Федотов значился как член правления, представляющий преподавателей и профессоров, а в его учебные обязанности входило чтение лекций на русском языке по истории Древней христианской церкви (3 часа в неделю для учащихся 4-го курса), по истории Западной церкви и по истории Русской православной церкви в Америке (по 2 часа в неделю по каждой дисциплине для учащихся 5-го курса), а также курс по выбору на английском языке «Russian Religious Mind» (Русская религиозность, 2 часа в неделю)⁴⁷. В следующем академическом году его нагрузка по тем же дисциплинам на 4-м и 5-м курсах немного сократилась, составив по одному лекционному часу, а курс по выбору сохранился в прежнем объеме⁴⁸. Еще через год часовой курс по ранней истории христианства читался на 2-м году обучения, а остальные курсы вновь стали двухчасовыми и были перенесены на 4-й год учебы⁴⁹.

Помимо преподавательской работы Г. П. Федотов занимался разработкой проектов распределения предметов между преподавателями Свято-Владимирской академии и выяснением возможности приема ее учащихся в Нью-Йоркский университет или Сити-колледж на условиях, сходных с теми, что предлагались колледжем Колумбийского университета⁵⁰. Постоянные контакты с коллегами из американских университетов привели к установлению тесных отношений с Вашингтон Сквер колледжем Нью-Йоркского университета, а 25 апреля 1950 года помощник директора Школы общего образования Колумбийского университета Ч. П. Хард сообщил, что по примеру университетского колледжа школа будет засчитывать выпускникам академии 34 балла при рассмотрении их кандидатур на выпускные звания и научные степени⁵¹.

Наконец, следует упомянуть еще одно важное событие, которое ознаменовало существенную финансовую помощь процессу становления академии. 18 марта 1949 года Фонд Рокфеллера предоставил субсидию в 5000 долларов до 31 декабря 1949 года на развитие преподавания и исследований в академии⁵². И хотя Г. П. Федотов лично не принимал участия в подготовке заявки в фонд, думается, что его публикации на английском языке в престижных американских издательствах, упоминавшиеся в ней и в отчетах о реализации проекта⁵³, были весомым аргументом в пользу принятия решения не только в 1949 году, но и в следующем году. 24 февраля

1950 года Фонд Рокфеллера выделил еще 13 500 долларов на поддержку исследовательской работы и подготовку работ профессорами Свято-Владимирской академии⁵⁴.

Такая весомая поддержка существенно дополняла материальные средства, поступавшие для обеспечения деятельности академии от эмигрантских и американских благотворительных организаций, и способствовала увеличению бюджета академии за период с 1948 по 1951 год с 27 000 до 58 000 долларов. Число учащихся

в академии за это время возросло с 12 до 46. Среди студентов были кандидаты из Сербской, Армянской, Сирийской, Индийско-малабарской и Карпато-русской церквей, а в 1948/49 академическом году в нее были зачислены последователи римско-католического, протестантского и православно-кафолического вероисповеданий⁵⁵.

Лично для Георгия Петровича Федотова поддержка Фонда Рокфеллера означала возможность продолжить его работу по изучению русской религиозности.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...» (Письма Г. П. Федотова к Б. А. Бахметьеву и сопутствующие материалы) / Публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 402–440.
- ² Memorandum in regard to Professor Fedotov // Archives of Orthodox Church in America (АОСА). Zouboff's file. St. Vladimir's seminary (2 of 3). R–2. 5–6. B. 52. F. 2.
- ³ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 16 мая 1944 г.; Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 19 июня 1944 г. // АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1946.
- ⁴ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 14 декабря 1944 г. Расписание уроков в Свято-Владимирской духовной семинарии на 1944–45 учебный год // Ibid.
- ⁵ Соповещение в Свято-Владимирской духовной семинарии 20 октября 1944 г. // Ibid.
- ⁶ О подготовке торжественного собрания см.: Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 19 июня 1944 г.; St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, 12 ноября 1944 г. // Ibid.
- ⁷ Профессору П. Г. Федотову, Свято-Владимирская семинария, Нью-Йорк, 7 декабря 1944 г. // Ibid.
- ⁸ Протокол № 1 заседания комиссии по вопросу об открытии академического курса [15 марта 1945 г.] // Ibid.
- ⁹ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 15 июня 1945 г. // Ibid.
- ¹⁰ Рапорт казначея семинарии прот. А. Кукулевского, 17 октября 1945 г.; St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary of New York Year report. 1945. August 31 // Ibid.
- ¹¹ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 25 сентября 1945 г.; Расписание занятий в Свято-Владимирской духовной семинарии. Осенний семестр 1945–1946 учебного года // Ibid.
- ¹² Протокол заседания комиссии по открытию 1-го академического курса в г. Нью-Йорке, состоявшегося 2-го октября 1945 г. // Ibid.
- ¹³ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 16 января 1946 г. // Ibid.
- ¹⁴ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 6 февраля 1946 г. // Ibid.
- ¹⁵ Машинописный вариант записки сохранился среди бумаг П. П. Зубова: АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's seminary. R–2. 5–6. B. 60. F. 15.
- ¹⁶ Ibid. P. 1–2.
- ¹⁷ Ibid. P. 2.
- ¹⁸ Ibid. P. 4–5.
- ¹⁹ Ibid. P. 5.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. P. 6.
- ²² Ibid. P. 2.
- ²³ Письмо П. П. Зубова митрополиту Феофилу, 15 февраля 1946 г. // АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2 St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir's seminary. 1944–1946.
- ²⁴ Протокол заседания академической комиссии, состоявшегося 29 июля 1946 года в помещении Св.-Владимирской духовной семинарии // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's seminary. 1944–1946. Копия протокола отложилась в бумагах П. П. Зубова. См.: АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir Seminary (1 of 3). R–2. 9–6. B. 52. F. 1.
- ²⁵ АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's seminary. 1944–1946.
- ²⁶ Письмо архиепископа Леонтия к митрополиту Феофилу от 3 октября 1946 г. // Ibid.
- ²⁷ См.: Доклад Профессора Г. П. Федотова по вопросу об открытии в Америке Русской Православной Академии // Протоколы 7-го Всеамериканского церковного собора, состоявшегося в Свято-Феодосиевском соборе г. Кливленд штата Огайо ноября 26-го, 27-го, 28-го и 29-го 1946 года. Б. м.: б. г. С. 17–19.
- ²⁸ Доклад П. П. Зубова о финансировании богословского образования // Там же. С. 20.
- ²⁹ Там же. С. 21.
- ³⁰ Theological Education. Agreement Reached at Informal Meeting March 3, 1947 // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's seminary. 1947–1948.
- ³¹ Приглашенный профессор (англ.).
- ³² Письмо Г. П. Федотова к Г. В. Флоровскому от 3 сентября 1947 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. C0586. George Florovsky Papers. Box 32. II Correspondence. B To Florovsky.
- ³³ Добрянский Е. А. Введение новых курсов преподавания в Св.-Владимирской духовной семинарии // Новое русское слово. 1947. 2 октября. Аналогичная заметка была опубликована Е. А. Добрянским в газете «Россия».
- ³⁴ The Dean and the Committee of Instruction of Columbia College, November 12, 1947 // АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's Seminary. R–2. 9–6. B. 60. F. 5.
- ³⁵ The Meeting of the Committee on the Russian Orthodox Academy in New York City, October 15, [1947] // Ibid.
- ³⁶ St. Vladimir's Theological Seminary 1947 // Ibid.

- ³⁷ В письме жене от 11 ноября 1947 года он писал: «В русской семинарии заплатили обещанное жалованье (166 дол[ларов]), но митрополит, который при смерти (рак), все еще не подписал ни одной бумажки об Академии. Сейчас у них епископ[ский] собор в С[ан-]Франциско. Боимся, что напекут новых архиереев из подонков Америк[анской] церкви». См.: Письмо Г. П. Федотова к Е. Н. Федотовой от 11 ноября 1947 г. // BAR. Ms Coll Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G. P. Fedotov to his wife, 1947.
- ³⁸ Русский текст первого варианта устава напечатан: Наш первый проект (Комиссии профессоров Спекторского и Федотова). Устав Свято-Владимирской Духовной Академии // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. С. 457–459. При публикации ошибочно указано, что текст написан рукой Е. В. Спекторского с правкой Г. П. Федотова. И текст, и исправления написаны рукой Г. П. Федотова. Ср.: BAR. Ms Coll Fedotov. Box 8. Folder: Subject file – St. Vladimir's Orthodox Seminary.
- ³⁹ Рукописные варианты правки Г. П. Федотова сохранились среди бумаг П. П. Зубова: АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's seminary. R–2. 5–6. В. 56. F. 5.
- ⁴⁰ Letter of Ralf M. Arkush to George P. Fedotov, May 14, 1948 // АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's Seminary (2 of 3). R–2. 5–6. В. 52. F. 2.
- ⁴¹ Из журнала заседания малого архиерейского собора Русской Православной Церкви в Америке, состоявшегося 2–3 июня 1948 г. в Свято-Тихоновском монастыре // Русско-американский православный вестник. 1948. № 6 (июнь). С. 7–8.
- ⁴² Regents Approve Course in Hebrew // New York Times. 1948. June 19.
- ⁴³ См.: Открытие Св.-Владимирской православной духовной академии в Нью-Йорке. Торжественные акты 22-го октября и 4-го ноября 1948 г. Нью-Йорк, 1948. С. 3–5.
- ⁴⁴ Там же. С. 6–12.
- ⁴⁵ Рапорт. 12 ноября 1948 г. // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1947–1948. Копия отложилась в бумагах П. П. Зубова. См.: Zouboff's file. St. Vladimir Seminary (2 of 3). R–2. 9–6. В. 52. F. 2.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ St. Vladimir Orthodox Theologian Seminary and Academy Bulletin 1948–1949. P. 4, 25–27.
- ⁴⁸ St. Vladimir Orthodox Theologian Seminary and Academy Bulletin 1949–1950. P. 23, 24, 26, 28.
- ⁴⁹ St. Vladimir Orthodox Theologian Seminary and Academy Bulletin 1950–1951. P. 17, 19–20, 22–23. См. также: Announcement of courses for 1950–1951 academic year // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵⁰ Russian Orthodox Greek Catholic Church in North America, 13 февраля 1949 г.; Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной академии 2 июля 1949 г. // Ibid.; St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary and Academy, 27 января 1950 // АОСА. XII. Records Relating to Church Institutions. 1860, 1891–93, 1898–1980. St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, Crestwood, NY, 1928, 1947–62, 1969–79, n. d. Box 1: Correspondence & Records 1928, 1947–62, n. d. Folder: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. Correspondence and records. 1950–1951.
- ⁵¹ Columbia University of the City of New York, the office of admissions, April 25, 1950 // Ibid.
- ⁵² The Rockefeller Foundation, March 22, 1949 // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵³ Mr. H. B. van Wesep. The Rockefeller Foundation, November 25, 1949 // АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir Seminary (2 of 3). R–2. 9–6. В. 52. F. 2; Statements concerning the progress of St. Vladimir's seminary (academy) // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵⁴ The Rockefeller Foundation, February 27, 1950 // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵⁵ Remarks concerning the budget for academic year 1950–1951; Projected Budget for the 1950–1951 Academic Year // Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотов Г. П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Sam&Sam, 1996–2014.
2. St. Vladimir's Seminary, 1938–1958. Reprint from St. Vladimir's Seminary Quarterly, summer 1958. P. 1–7.
3. Schmemmann A. Thoughts for the Jubilee // Thirtieth Anniversary St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary 1938–1968. NY, 1968. P. I–V.
4. Meyendorff J. St. Vladimir's Faculty Our Predecessors // A Legacy of Excellence. St. Vladimir's Orthodox Seminary 1938–1988. NY, 1988. P. 9–16.

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GEORGE FEDOTOV'S ROLE IN TRANSFORMATION OF ST. VLADIMIR'S ORTHODOX SEMINARY INTO AN ACADEMY

The article reconstructs in detail an important episode in the activity of a famous Russian historian-emigrant George Fedotov during “American period” of his life (1941–1951). The documents stored in the archive of the Orthodox Church in America (Suyosset, NY) are the basis of the research. The most important document among them is a historian project of transformation of St. Vladimir's Orthodox Seminary into an academy. The VIIth All-American Orthodox Sobor in Cleveland (Ohio) approved this project in 1946 and it was successfully implemented. A special role of George Fedotov in this process was determined by the following circumstances. Firstly, his knowledge of history and current situation of Orthodoxy in the United States made it possible to justify convincingly the need for a higher theological school there. Secondly, his teaching experience at St. Sergius Orthodox Institute in Paris allowed him to assess the ability of his former colleagues and to invite some of them to America. Last not least, thirdly, his participation in the ecumenical movement has established his authority, which provided support for the project by the US counterparts.

Key words: Russian Orthodox Church in America, St. Vladimir's Orthodox Seminary, George Fedotov

REFERENCES

1. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy: V 12 t.* [Collected Works. 12 vols.]. Moscow, Sam&Sam Publ., 1996–2014.
2. St. Vladimir's Seminary, 1938–1958. Reprint from St. Vladimir's Seminary Quarterly, summer 1958. P. 1–7.
3. Schmemmann A. Thoughts for the Jubilee // Thirtieth Anniversary St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary 1938–1968. NY, 1968. P. I–V.
4. Meyendorff J. St. Vladimir's Faculty Our Predecessors // A Legacy of Excellence. St. Vladimir's Orthodox Seminary 1938–1988. NY, 1988. P. 9–16.

Поступила в редакцию 13.05.2016

АНДРЕЙ ИЗЫДОРОВИЧ БУТВИЛО

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
butvilo@petsu.ru

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УПРАЗДНЕНИЯ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР В 1956 ГОДУ

Проанализированы события в политической жизни Карело-Финской ССР, непосредственно предшествовавшие и послужившие одной из причин принятия решения об изменении ее национально-государственного статуса. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных источников из фонда Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории исследованы конфликты в республиканской партийно-государственной элите и реакция на них со стороны центрального партийного аппарата. Показано, что явно нездоровая обстановка в региональных руководящих кругах на фоне тяжелого социально-экономического положения Карелии была использована центром для преобразования союзной республики в автономную, что стало беспрецедентным случаем в истории советского национально-государственного строительства.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, союзная республика, автономная республика, Карело-Финская ССР

В 2016 году исполнилось 60 лет с момента уникального события в истории советского национально-государственного строительства. 16 июля 1956 года была упразднена союзная республика – Карело-Финская ССР. Несмотря на то что ситуация была беспрецедентной, историки уделили ей немного внимания. В советский период это было вызвано недоступностью соответствующих источников, а в постсоветские времена распад Советского Союза заслонил собой один из эпизодов в его истории. Советские историки, говоря об этих событиях, ограничивались изложением официальной точки зрения, представленной в законодательных актах о преобразовании Карело-Финской ССР. В постсоветский период появились предположения о взаимосвязи произошедшего преобразования с потеплением советско-финляндских отношений [3: 675]. В настоящее время есть возможность изучить внутривнутриполитические предпосылки принятого решения, опираясь на ряд документов, имеющих в Российском государственном архиве новейшей истории, в фонде аппарата ЦК партии. В свое время нами этот вопрос уже был частично освещен в пособии по новейшей истории государственного управления. Впоследствии этот материал был использован С. Г. Веригиным [1]. Но каких-либо дополнительных сведений он не привел. Определенный интерес представляет статья В. А. Тебенко, основанная лишь на опубликованных материалах, но она достаточно подробно прослеживает эволюцию советско-финляндских отношений в послевоенный период как внешнеполитический контекст интересующих нас событий [5].

Впервые вопрос о ликвидации Карело-Финской ССР возник еще в годы Великой Отечественной войны в связи с обвинениями со стороны командо-

вания Карельского фронта населения республики в коллаборационизме [2: 418–434]. Вопрос рассматривался на самом высоком уровне, и карелы почти что чудом избежали попадания в число репрессированных народов. Во многом благодаря усилиям первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова удалось разрядить ситуацию, и дело ограничилось принятием Оргбюро ЦК ВКП(б) 22 ноября 1944 года постановления «О работе ЦК ВКП(б) Карело-Финской ССР» [6: 236].

Новый виток напряженности возник уже в связи с делом самого Г. Н. Куприянова. 2 декабря 1949 года Секретариат ЦК ВКП(б) рассмотрел вопрос «о проверке заявлений, поступивших в ЦК ВКП(б) на первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянова Г. Н.», констатировал крупные недостатки в его работе по руководству партийной организацией республики, а также факты, «порочащие его как партийного руководителя». 20 декабря инспектор ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецов представил члену Политбюро и Оргбюро, секретарю ЦК ВКП(б), заместителю Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкову записку с крайне жесткой оценкой положения дел в республике [6: 235]. 26 декабря 1949 года Оргбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклад Г. Н. Куприянова о работе ЦК КП(б) КФССР. 12 января 1950 года Секретариат, а 14 января – Политбюро ЦК ВКП(б) приняли решение об освобождении Г. Н. Куприянова от обязанностей первого секретаря ЦК КП(б). 15 марта его арестовали. Был арестован и Председатель Совета Министров КФССР В. М. Виролайнен. Новым руководителем партийной организации республики был утвержден инспектор ЦК ВКП(б) А. А. Кондаков. Правительство республики повторно возглавил

отозванный из Москвы П. С. Прокконен. Но уже 26 сентября того же года А. А. Кондаков был отправлен на пенсию по состоянию здоровья и первым секретарем ЦК КП(б) стал первый секретарь Брянского обкома ВКП(б) А. Н. Егоров. Супруга П. С. Прокконена вспоминала: «Основная задача, которую поставила перед ним Москва, – уничтожить “куприяновщину”. Честно говоря, до сих пор не знаю, в чем она заключалась, но задача перед ним была именно такая. <...> Павел Степанович мог вполне попасть под эту борьбу с “куприяновщиной”. Но его в тот момент поддерживала Москва... Егоров при встрече один на один с Павлом Степановичем говорил просто: “Не я буду, если в тюрьму тебя не посажу”. Павел Степанович эти угрозы воспринимал всерьез...» [4: 151].

А. Н. Егоров рьяно взялся за наведение «порядка» в республике, но основное его внимание действительно привлекала идеология и, конечно же, кадровая работа. Спустя 4 месяца после вступления в должность он докладывал в ЦК ВКП(б) о первых своих достижениях. ЦК, райкомы и горкомы партии стали чаще обсуждать вопросы работы с кадрами. Активизировалась работа по выдвижению перспективных работников «с меньшей на большую работу». Сократилось число вакантных должностей в партийном аппарате. 115 ответственных работников аппарата ЦК КП(б), Совета Министров и министерств в рамках теоретического семинара «изучают гениальное произведение И. В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”»¹. Заменено руководство республиканской партийной школы, укреплен ее преподавательский состав. Из редакции газеты «Тотуус» уволено 12 человек, из Государственного издательства – 6 «не внушающих доверия»². Укреплены также руководство филиала АН СССР, включая сектор истории и литературы, и государственный университет. А. Н. Егоров сообщал о борьбе с крупными недостатками и ошибками. «Институт истории, языка и литературы филиала Академии наук допустил грубые политические и методологические извращения в разработке истории Карело-Финской ССР»³. ЦК коренным образом обновил авторский коллектив. Выявлены «серьезные ошибки политического и теоретического характера в учебных программах, разработанных Карело-Финским государственным университетом, в особенности в трактовке вопросов истории и литературы республики, литературы буржуазной Финляндии, а также некоторых вопросов естественных наук»⁴. Бюро ЦК рассмотрело вопрос «об ошибочных взглядах писателя тт. Тимонена и Викстрема в вопросах отношения к литературе буржуазной Финляндии» и т. д.⁵

Но очень скоро в Москву начала поступать информация иного рода, из которой следовало, что деятельность А. Н. Егорова начала вызывать недовольство местного партийно-государственного чиновничества. 25 мая 1953 года в ЦК КПСС обратился первый секретарь Сортавальского

горкома партии К. Бедов: «...стиль руководства райкомами – горкомами партии со стороны ЦК Компартии республики, и особенно его первого секретаря т. Егорова, страдает очень серьезными недостатками, которые не только не изживаются, а наоборот, принимают затяжной, хронический характер»⁶. Поясняя свое заявление, К. Бедов указывал далее на поверхностное и формальное руководство работой районных и городских партийных организаций, смутное представление о реальной ситуации на местах, обвинительный уклон и нетоварищеский стиль поведения руководства. А. Н. Егорову пришлось писать объяснительную записку по этому поводу на имя заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е. И. Громова. Он формально признал наличие недостатков в руководстве работой райкомов и горкомов партии, но в то же время отметил, что «письмо т. Бедова продиктовано не интересами объективного освещения вопроса о состоянии руководства ЦК Компартии республики райкомами и горкомами, а скорее чувством обиды. ...14 мая... тов. Бедов отчитывался на бюро ЦК Компартии за работу Сортавальского горкома... На заседании... т. Бедов был подвергнут весьма резкой критике за крупные и серьезные недостатки... Считаю необходимым также довести до сведения ЦК КПСС, что после отчета на бюро ЦК... в тот же день прийдя к т. Глинскому – зав. Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК Компартии, т. Бедов недвусмысленно заявил: “вы осторожнее будьте в части критики, не забывайте, что будет съезд Компартии республики”»⁷. Своей главной ошибкой А. Н. Егоров признал не недочеты в стиле руководства, а то, что не внес на обсуждение бюро ЦК заявление Бедова по поводу предстоящего съезда. Казалось бы, речь идет о рядовом конфликте, о вполне обычном эпизоде в тяжелых буднях чиновничьей жизни, каких было много. И вроде бы в Москве так ситуацию и восприняли. 30 июля заместитель заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС доложил члену Президиума, секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о состоявшейся беседе с карельским руководителем: «Тов. Егоров не отрицает наличие отмеченных в заявлении недостатков в работе бюро и секретарей ЦК Компартии республики, одновременно сообщает, что ЦК принимает меры к улучшению руководства партийными организациями... Считаю возможным рассмотреть заявления т. Бедова на этом закончить»⁸. Но, судя по последующим событиям, в ЦК, прежде всего в Отделе руководящих партийных, профсоюзных и комсомольских органов, начало складываться мнение о том, что положение дел в Карелии не слишком изменилось со времен разгрома «куприяновщины».

Тем временем в политической повестке дня появился еще один вопрос, который со временем сыграет немаловажную роль при принятии

решения об изменении национально-государственного статуса Карелии. Возглавивший после смерти И. В. Сталина Совет Министров СССР и ставший на короткое время фактическим руководителем страны Г. М. Маленков предпринял попытку совершенствования работы партийного и государственного аппарата страны. Первым шагом было резкое сокращение числа союзных министерств, осуществленное уже в последний день жизни И. В. Сталина. Вторым – постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках партийного и государственного аппарата» от 25 января 1954 года. Этим постановлением, в частности, предлагалось местным партийным и советским органам внести предложения по совершенствованию работы, расширению прав и повышению ответственности местных органов управления. 25 декабря 1954 года заместитель заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Я. В. Сторожев доложил Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, что в ЦК поступило более 1000 предложений. «Представленные материалы показывают, что на протяжении ряда лет складывалась неправильная практика излишней централизации руководства хозяйственным и культурным строительством на местах. Это приводит к тому, что огромный и дорогостоящий аппарат в районах, областях, краях и союзных республиках затрачивает много времени и сил на обсуждение, переписывание и пересылку в низовые организации директив, присылаемых сверху, либо оформление многочисленных просьб низовых организаций и пересылку их на рассмотрение вышестоящих органов»⁹. «Просят, например, чтобы Правительство РСФСР установило основные цены на такие изделия, как петля унитазная, кронштейн для смывного бачка, полухомут для ухвата, пипетка...»¹⁰. В документе давался подробный анализ поступивших предложений. Этот материал будет учтен Н. С. Хрущевым при подготовке реформы 1957 года. В записке А. Н. Егорова на имя Н. С. Хрущева, направленной в Москву 16 апреля 1954 года, предлагалось сократить на 10 % аппарат ЦК КП КФССР, предоставить райкомам и горкомам партии право окончательно решать вопрос о выдаче коммунистам новых партийных документов вместо утраченных, отменить ежемесячную и ежеквартальную отчетность о составе республиканской партийной организации, сократить отчетность об уплате коммунистами партийных взносов¹¹. Более серьезные предложения были направлены в ЦК КПСС 26 апреля 1954 года. Они касались расширения прав Совета Министров КФССР, республиканских и районных органов управления в сфере промышленности, капитального строительства, бюджета, штатов, труда и кадров¹². Для нас важно следующее предложение: «Учитывая небольшое количество населения в республике и наличие при этом громоздкого административно-управленческого аппарата, считать целесообразным сократить

административно-управленческий персонал всех органов управления, включая города и районы республики, в среднем на 15 %»¹³. На деле успехи оказались не столь впечатляющими, а «канцелярско-бюрократические методы работы» неизжитыми. Другое дело, что не стоит заблуждаться насчет возможностей решения этих проблем в рамках существовавшей системы партийно-государственного управления и основных принципов ее функционирования, тем более в одной отдельно взятой республике. Тем не менее нельзя не признать, что А. Н. Егорову удалось привнести в эти методы свой яркий вклад.

В мае 1955 года в Петрозаводске побывала очередная проверка из ЦК КПСС, выявившая не слишком привлекательную картину. «Для руководства и управления делами такой маленькой республики создан непомерно большой партийный, советский, хозяйственный и профсоюзный аппарат, в основном повторяющий схему союзных руководящих органов, учреждений и организаций»¹⁴. Проверяющие предложили сократить аппарат Совета Министров КФССР со 105 до примерно 70 человек, упразднить министерства юстиции, государственного контроля, лесной промышленности, совхозов, Управление по делам архитектуры, резко сократить заготовительный аппарат (он съедает 50 % от стоимости заготовленной сельскохозяйственной продукции). В записке по итогам проверки, в частности, говорилось: «Для всех местных работников ясно, что существование Министерства лесной промышленности вызвано только тем, что это хозяйство располагается на территории союзной республики, так как при наличии трестов оно для промышленных предприятий не нужно, а является лишь необходимым атрибутом республики. На такой объем лесозаготовок в РСФСР имеются два комбината»¹⁵. Е. И. Громов на основании этой записки внес соответствующие предложения руководству ЦК, но они остались без последствий.

Тем временем А. Н. Егоров продолжал совершать ошибку за ошибкой. На этот раз он умудрился поссориться с Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко. 4 сентября 1955 года тот обратился в ЦК КПСС с жалобой на самоуправство партийного руководителя Карелии. Генеральный прокурор СССР сообщал, что 28 декабря 1950 года Совет Министров Карело-Финской ССР обратился в Прокуратуру СССР с просьбой выделить необходимые средства на постройку административного здания для Прокуратуры КФССР, поскольку та располагалась в двухэтажном деревянном доме, не приспособленном для работы. Генеральная прокуратура дала положительный ответ, и 22 декабря 1953 года Совет Министров СССР принял соответствующее постановление. Однако «несмотря на вышеназванное постановление Совета Министров СССР и неоднократные постановления Прокуратуры СССР, Совет Министров КФССР не включил в программу работ на 1954 год строительство дома

Прокуратуры республики на том основании, что секретарь ЦК КП КФССР тов. Егоров запрещает это строительство, ссылаясь на то, что необходимо строить жилые дома. Не входя в обсуждение вопроса, что необходимо строить в первую очередь в Петрозаводске, жилые дома или административные здания, ясно одно, что т. Егоров своей властью не вправе отменять постановление Совета Министров СССР»¹⁶. Мы, в свою очередь, не будем входить в обсуждение вопроса о том, что двигало в данном случае А. Н. Егоровым: действительная забота о жилищном строительстве или полная потеря чувства реальности при оценке собственного статуса. Для этого нет досточных свидетельств источников. Но сам он в ответе на запрос из ЦК КПСС сообщил, что мощности республиканского Главстроя не позволяют полностью удовлетворить потребности министерств и ведомств. «Поэтому ЦК Компартии и Совет Министров республики сочли необходимым, в первую очередь, завершить строительство ранее начатых объектов, постройка которых растянулась на много лет (республиканская больница, молококомбинат, публичная библиотека, дом физкультуры и др.), и форсировать жилищное строительство с тем, чтобы несколько разрядить тяжелое положение с удовлетворением трудящихся жильем»¹⁷. Москву такой ответ не устроил. 1 октября 1954 года заместитель заведующего Отделов партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам И. Шишкин доложил руководству: «... т. Егоров в беседе... признал неправильным, что Совет Министров и ЦК Компартии Карело-Финской республики своевременно не поставили перед Советом Министров СССР вопроса о перенесении строительства здания прокуратуры на 1955 год. Строительство здания для прокуратуры включено в план работ на 1955 год. Первый заместитель Генерального прокурора СССР т. Баранов с решением согласен. Считали бы возможным на этом рассмотрении вопроса закончить»¹⁸. Но для А. Н. Егорова «рассмотрение вопроса» не закончилось. Историю со зданием для Прокуратуры КФССР ему припомнили спустя почти год при выяснении отношений на закрытом заседании бюро ЦК КП КФССР 1 августа 1956 года. Второй секретарь ЦК Н. П. Вторушин заявил: «В соответствии с решением Совета Министров СССР о постройке здания прокуратуры состоялось и решение ЦК Компартии по этому вопросу, которое, правда, было принято в отсутствие т. Егорова. На строительство этого здания затратили около 200 тыс. рублей, через некоторое время т. Егоров, ни с кем не посоветовавшись, самочинно запретил строительство этого здания на том основании, что оно находится рядом с ЦК Компартии»¹⁹. Как видим, эта версия отличается от декларируемой самим А. Н. Егоровым заботы о строительстве жилья для трудящихся. Но до этого, повторимся, оставался еще год.

Пока же обстановка в партийно-государственных карельских верхах продолжала накалять-

ся, что не оставалось незамеченным в Москве. 2 декабря 1954 года заведующий сектором Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Б. С. Шарков направил руководству записку об итогах поездки в Карелию, в которой отметил «ряд серьезных недостатков в руководстве хозяйственной деятельностью республики». К их числу он отнес лесную промышленность: невыполнение планов лесозаготовок (в 1952 году – 83,3 %); низкую производительность труда (до 40 % рабочих не выполняют норм выработки); запущенность партийно-политической работы; плохой подбор и расстановка кадров (10 из 36 директоров леспромпхозов не имели специального образования). Не лучше была обстановка и в сельском хозяйстве: не восстановлены многие разрушенные в годы войны колхозы; с 50 тыс. в довоенный период до 16,7 тыс. сократилось число трудоспособных колхозников (10 тыс. ушло на работу в лесную промышленность, 14 тыс. не вернулось из эвакуации); в среднем в колхозе работает 45 чел., в отдельных – 4–5, в основном женщины; урожайность сельскохозяйственных культур значительно ниже довоенной; сокращается поголовье скота; низкая продуктивность (надой молока на корову в 1953 году составил 774 литра – 59 % к плану); многие колхозы находятся на иждивении у государства; в 1953 году 38 колхозов не выдавали на трудодни хлеба, 287 – картофеля, 12 – денег и т. д.²⁰ Тяжелое положение в экономике республики московский ревизор объяснил «запущенностью партийно-политической работы, низким уровнем критики и самокритики, серьезными ошибками в подборе и воспитании кадров, неправильным стилем работы ЦК КП и его первого секретаря т. Егорова»²¹. Далее в записке рассказывалось о бурной дискуссии на пленуме ЦК КП Карело-Финской ССР 25–26 сентября 1954 года. По всей видимости, часть членов ЦК решила воспользоваться присутствием представителя ЦК КПСС и попытаться избавиться от постылого руководителя. А. Н. Егорова обвинили в высокомерии и грубости, в нежелании общаться с низовыми партийными работниками и прислушиваться к их советам. В документе цитировалось выступление секретаря Сегежского райкома КПСС М. А. Гуськова: «Во многом виноват сам т. Егоров, который редко бывает в районах, к секретарям райкомов относится с высокомерием, никогда с ними не советуется, а если секретари приезжают в ЦК, то они предпочитают также не обращаться к т. Егорову, так как от него кроме окриков и брани ничего не слышат»²². М. А. Гуськова поддерживали секретари Пудожского, Беломорского, Пряжинского, Шелтозерского, Лоухского райкомов партии, министр культуры КФССР И. И. Цветков, председатель Олонецкого райисполкома Н. А. Дильденкин. Обобщая их выступления, Б. С. Шарков писал: «...выступавшие подчеркивали порочный стиль руководства бюро ЦК КП и Совета Министров Карело-Финской

ССР... заключающийся в поверхностном знании дел на местах, непрерывной посылке уполномоченных, которые мало помогают местным партийным организациям в налаживании партийной работы, а больше интересуются сводками, поступаемыми из колхозов и леспромхозов о выполнении ими планов. <...> В бюро отсутствует принципиальная критика и самокритика недостатков работы секретарей и отдельных членов бюро. Секретари и члены бюро терпимо относятся к личным недостаткам и ошибкам т. Егорова. Сам т. Егоров не способствует развитию критики и самокритики. На заседаниях... он своими репликами сбивает выступающих, не дает возможности высказать свои критические замечания и предложения по обсуждаемым вопросам. ...Егоров не прислушивается к советам других работников, свои суждения считает безапелляционными и единственно правильными. От ответственных работников аппарата ЦК, побывавших на приеме у т. Егорова, можно слышать, что он им "всыпал", "прочесал" и т. п. Поэтому многие руководящие работники ЦК КП и Совета Министров, а также секретари райкомов партии стараются к т. Егорову не заходить»²³. Любопытен и показателен рассказ Б. С. Шаркова о его беседе с самим первым секретарем ЦК КП КФССР. Тот пожаловался на отсутствие помощи и поддержки, а также дал нелицеприятные характеристики своим коллегам из высшего республиканского руководства. Второго секретаря ЦК И. М. Петрова он охарактеризовал как человека ленивого и беспринципного, секретаря ЦК по промышленности Н. П. Вторушина – как незрелого работника, склонного к карьеризму, хотя и способного. Досталось от него ряду министров. Не избежал «теплого» отзыва и глава республиканского правительства. «...Егоров высказал мысль, что в целях укрепления руководства республикой целесообразно было бы заменить Председателя Совета Министров т. Проконена, который, по его словам, уже "выработался", свыкся с недостатками и малотребователен к своим подчиненным»²⁴. Получив эту записку, заведующий Отделом ЦК КПСС по союзным республикам Е. И. Громов 3 декабря 1954 года переправил ее в Секретариат ЦК КПСС, сопроводив следующим предложением: «Неудовлетворительное состояние хозяйственных дел и низкий уровень партийной работы в Карело-Финской ССР есть прямой результат слабого руководства республикой со стороны ЦК Компартии и Совета Министров. Надо к тому же сказать, что т. Егоров... глубоко не вникает в дела, плохо работает с кадрами, на что ему уже указывалось, а главное, слабо прислушивается к критике своих недостатков со стороны партийного актива. Исходя из этого считаем целесообразным заслушать и обсудить в ЦК КПСС отчет о деятельности ЦК КП Карело-Финской ССР с участием всех членов бюро ЦК КП»²⁵. Следует напомнить, чем подобный отчет за пять лет до этого закончился для Г. Н. Куприянова. Но

то ли высшему партийному руководству было не до А. Н. Егорова (в этот момент Н. С. Хрущев активно перехватывал руководство страной у Г. М. Маленкова), то ли у него были влиятельные на тот момент покровители, но он сумел продержаться еще несколько месяцев.

2 марта 1955 года Е. И. Громов внес в Секретариат ЦК КПСС «предложение об укреплении руководства ЦК Компартии Карело-Финской ССР. Первый секретарь ЦК КП т. Егоров А. Н. допускает в работе серьезные ошибки и недостатки и не обладает серьезными качествами, чтобы осуществить правильное руководство республиканской парторганизацией. ...т. Егоров не вникает в хозяйство и не пытается его изучить, не делает выводов из критики недостатков в своей работе, к мнению партийного актива не прислушивается. Не обладая необходимыми деловыми качествами и не пользуясь авторитетом среди партийного актива, т. Егоров положение дел в республике выправить не сумеет»²⁶. Е. И. Громов, отметив постоянное ухудшение дел в лесной промышленности и сельском хозяйстве республики, указал, что его предложение поддерживают Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР и Сельскохозяйственный отдел ЦК партии. В качестве преемника А. Н. Егорова предлагался первый секретарь Архангельского областного комитета КПСС И. С. Латунов. Через две недели Е. И. Громов направил в Секретариат ЦК КПСС еще одну записку, судьбоносную для Карелии: «Вносится предложение о преобразовании Карело-Финской Советской Социалистической Республики в Карельскую автономную область, включив ее в состав РСФСР»²⁷.

Между тем верхушку карельского руководства продолжали раздирать конфликты. 31 марта 1955 года Первый секретарь Петрозаводского городского комитета КПСС В. П. Смирнов обратился к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с заявлением о возвращении на работу в Калинин, откуда он был переведен в Петрозаводск в ходе кадровой чистки 1950 года. Просьба обосновывалась состоянием здоровья и тяжелыми климатическими условиями, но, кроме того, в заявлении говорилось: «Поводом для постановки вопроса... является, в известной мере, та ненормальная обстановка, которая в течение продолжительного времени складывается с первым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР тов. Егоровым. Вследствие этого я вынужден сейчас работать с оглядкой, боясь где-нибудь и в чем-нибудь ошибиться. Дальнейшая работа при создавшихся отношениях с т. Егоровым может привести к нежелательным для меня последствиям»²⁸. Но уже 4 мая инструктор Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Иванов доложил руководству, что В. П. Смирнов сообщил по телефону о снятии своей просьбы²⁹. Поскольку за столь короткое время принципиальные изменения в состоянии здоровья партийного функционера и тем более

в карельском климате произойти не могли, можно предположить, что В. П. Смирнов получил информацию о том, что вопрос о судьбе А. Н. Егорова практически решен.

25 мая 1955 года заместитель Е. И. Громова И. В. Шикин направил в Секретариат ЦК КПСС записку инспектора Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам М. А. Туркина об очередной проверке работы ЦК КП(б) и Совета Министров КФССР. В ней говорилось о целом ряде недостатков: «...беспечное и пренебрежительное отношение партийных, советских и хозяйственных органов... к вопросам экономики...»; рост убытков; перерасход фондов заработной платы; «...ЦК КП и Совет Министров Карело-Финской ССР главную функцию своей деятельности по руководству сельским хозяйством видят прежде всего в том, чего бы еще запросить от центральных органов... Чего только и каких только видов помощи они не просили»; «...объем произведенной сельскохозяйственной продукции ничтожен»³⁰. Особо жесткой критике он подверг раздутость партийного и государственного аппарата республики. Принятые меры по его сокращению он назвал «робкими», отметив, что при уменьшении численности административно-управленческих работников на 11,4 % расходы на содержание соответствующего аппарата не уменьшились, а по центральному аппарату даже выросли: «...уже после принятия постановления ЦК КПСС от 25 января 1954 года... без особой на то нужды из Министерства промышленности продовольственных товаров выделены... Министерство рыбной промышленности и Главное управление при Совете Министров мясной и молочной промышленности»³¹. И. В. Шикин предложил сократить двух заместителей Председателя Совета Министров КФССР из четырех, уменьшить аппарат правительства на 25–30 человек, упразднить Министерство юстиции (сохранив из 21 сотрудника аппарата 3–4 человека при уполномоченном союзного министерства), Управление по делам архитектуры (оставив 2–3 работников в аппарате Министерства коммунального хозяйства), Министерство государственного контроля (60 человек), Министерство лесной промышленности и пять лесозаготовительных трестов, оставив два комбината с непосредственным подчинением Министерству лесной промышленности СССР, Министерство совхозов. Предлагалось также в большинстве министерств сократить количество заместителей министров. Кроме того, выдвигались предложения о ликвидации районных комитетов партии в Петрозаводске и упразднении Карело-Финского филиала АН СССР³².

25 июня 1955 года Е. И. Громов вновь обращается к руководству ЦК КПСС: «Положение дел в Карело-Финской ССР продолжает оставаться неудовлетворительным. Первый секретарь ЦК КП... т. Егоров не сделал должных выводов из критики недостатков его работы

и по-прежнему в вопросы развития хозяйства глубоко не вникает, к мнению актива прислушивается плохо и не опирается на него. Вся деятельность за последнее время т. Егорова показывает, что он не сумеет поднять парторганизацию на борьбу с недостатками, а следовательно, и выправить положение дел в республике. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос об укреплении руководства Карело-Финской парторганизации»³³. В качестве нового руководителя КП КФССР на этот раз выдвигался первый секретарь Минского областного комитета КПСС Л. И. Лубенников. Е. И. Громов предложил до окончательного решения вопроса перевести его на должность инспектора ЦК КПСС и в Карелию направить уже в качестве сотрудника ЦК. И вновь реакции сверху не последовало. Зато последовал второй «бунт» против А. Н. Егорова со стороны членов партийно-государственного руководства республики. Источники не содержат прямых свидетельств того, что за их спинами стоял Е. И. Громов, но предположить это можно, тем более что при сем непосредственно присутствовал очередной его подчиненный Иванов. 1 августа 1955 года он передал в Москву по «ВЧ» срочную информацию об остром конфликте на заседании бюро ЦК КП КФССР. Обсуждались итоги состоявшегося 29 августа собрания республиканского партийно-хозяйственного актива, на котором резкой критике подверглась работа бюро, секретарей ЦК КП КФССР и лично А. Н. Егорова. На заседании бюро А. Н. Егоров получил новую порцию критики. Секретарь ЦК Н. П. Вторушин заявил: «В бюро ЦК КП нет слаженной работы, отсутствует критика недостатков, каждый работает сам по себе. Отношения между секретарями ЦК... натянутые, а взаимоотношения между т. Егоровым и т. Прокконе-ном явно нездоровые и это пагубно отражается на делах республики. ...В работе т. Егоров администрирует. <...> Т. Егоров выживает из республики секретаря Петрозаводского горкома партии т. Смирнова только потому, что тот не смотрит ему в рот. Зав. отделами ЦК... не идут к т. Егорову потому, что он на них без толку кричит»³⁴. Н. П. Вторушина поддержал второй секретарь ЦК И. М. Петров, заявивший о невозможности продолжать работу сложившимися методами: «В прошлую отчетно-выборную кампанию партийных органов т. Егоров ни с кем не советовался в подборе кадров секретарей райкомов партии, решал это сам единолично. Если кто-либо из секретарей ЦК... даст поручение работнику аппарата, то тов. Егоров, узнав об этом, обязательно вызовет этого работника и отругает. ...С членами бюро не советуется. С решениями Президиума ЦК КПСС секретарей ЦК... не знакомит. При выездах в Москву... запрещает без него на бюро ЦК... утверждать кадры. С зав. отделами ЦК... больше года не было совещаний»³⁵. Не мог не выступить и «лидер оппозиции» П. С. Прокконен, обвинивший А. Н. Егорова в создании нерабочей

обстановки среди республиканского партийного актива, высокомерном отношении к кадрам, унижении человеческого достоинства других руководителей. «Т. Егоров иногда обзывает работников недостойными для руководителя словами. Например, меня назвал “бабой”»³⁶. Инструктор ЦК сообщал далее, что члены бюро «отметили, что собрание республиканского партийного актива... по сравнению с прошлыми пленумами и собраниями... прошло на более высоком уровне. Была острая и справедливая критика недостатков в работе. Однако т. Егоров не сумел правильно построить заключительное слово и неправильно ориентировал партийный актив, заявив, что якобы на бюро ЦК Компартии договорились критиковать друг друга и в том числе и его т. Егорова. Такое заявление вызвало у актива недоумение»³⁷. Сам «виновник торжества» явно недооценил критичность ситуации. Он уже привычно признал недостатки, обещал приложить все усилия для их исправления и впредь работать по-новому, хотя не преминул упрекнуть членов бюро в том, что они до этого не говорили ему об ошибках в работе. В тот же день инструктор ЦК КПСС Иванов опять же по «ВЧ» передал в Москву информацию о партийно-хозяйственном активе, ставшем поводом для конфликта. Из нее следовало, что разногласия возникли уже при подготовке доклада А. Н. Егорова: члены бюро подвергли его критике и настаивали на коренной переработке. Первый секретарь внес правку только в завершающую часть доклада, в которой признавалось тяжелое положение в промышленности и сельском хозяйстве республики, а ответственность за это возлагалась на членов бюро и секретарей ЦК. Далее ряд выступавших на собрании руководителей подвергли жесткой критике работу и бюро, и секретарей ЦК, и самого А. Н. Егорова. «В заключительном слове т. Егоров... признал, что критика в адрес бюро и секретарей ЦК правильна. Он сказал, что на бюро ЦК была договоренность о том, чтобы самокритично доложить на активе о положении дел в республике. Критические замечания в его адрес он учет и постарается исправить. Находящиеся в президиуме председатель Петрозаводского

горисполкома т. Бояринов и первый секретарь Медвежьегорского райкома т. Гришин бросили т. Егорову реплику: “Вы каждый раз заявляете, что будете исправлять ошибки, а сами продолжаете работать по старинке”. Тов. Егоров на это ничего не ответил. Тогда выступил Гришин и внес предложение созвать закрытый пленум ЦК для обсуждения ситуации в руководстве республики. Предложение было встречено аплодисментами и возгласами “Правильно!”». Свою информацию сотрудник ЦК КПСС завершил следующим резюме: «Обстановка в ЦК Компартии сложилась явно нездоровая. Ответственные работники, с кем мне приходилось разговаривать... выражают недовольство методами руководства т. Егорова и заявляют, что он не в состоянии исправить положение дел в республике»³⁸. Получив эти сообщения, Е. И. Громов поспешил переслать их 2 августа в Секретариат ЦК КПСС, сопроводив своим комментарием: «...изменений в руководстве ЦК Компартии не произошло и положение дел в республике не улучшается. В связи с этим считал бы необходимым ускорить рассмотрение вопроса об укреплении руководства ЦК КП Карело-Финской ССР»³⁹.

На этот раз на «партийном Олимпе» решили, что вопрос действительно назрел. 5 августа 1955 года Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам подготовил для руководства сводную записку, обобщившую все вышеупомянутые документы, и приложил к ней справку об основных показателях хозяйственной деятельности Карело-Финской ССР. На основании этих документов было принято решение, формально реализованное 16 августа 1955 года пленумом ЦК КП КФССР, освободившим А. Н. Егорова от обязанностей первого секретаря ЦК и избравшим на этот пост Л. И. Лубенникова. Казалось бы, партийно-государственная элита Карело-Финской ССР одержала победу в упорной и длительной борьбе. Но эта победа, несомненно, ускорила наступление гораздо более серьезного поражения. Прибывший в республику выдвиженец Е. И. Громова не мог не знать о планах своего куратора по ликвидации союзной республики, на реализацию которых ему понадобится ровно год.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 136.
- ² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 137.
- ³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 139.
- ⁴ Там же.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 141.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 160.
- ⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 164.
- ⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 427. Л. 180.
- ⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 458. Л. 1.
- ¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 458. Л. 12.
- ¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 461. Л. 80.
- ¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 461. Л. 82–85.
- ¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 461. Л. 82.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 33.
- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 35–36.
- ¹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 19.

- ¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 21.
¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 23.
¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 11.
²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 28–32.
²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 34.
²² Там же.
²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 36.
²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 37.
²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 10. Л. 27.
²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 20.
²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 59. Л. 35.
²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 25.
²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 26.
³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 30–32.
³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 34.
³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 35–40.
³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 9.
³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 11.
³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 12.
³⁶ Там же.
³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 13.
³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 19.
³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 30. Л. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. История создания и упразднения Карело-Финской ССР // Федерализм. 2009. № 4. С. 147–160.
2. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
4. Прокконен П. С. Жизнь – Карелии! Воспоминания Павла Степановича Прокконена, его супруги, сына, невестки / Авт.-сост. А. А. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 2010. 192 с.
5. Тебенко В. А. Еще раз о преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую АССР в 1956 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 4. С. 72–81.
6. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прокументшиков, О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.

Butvilo A. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INTERNAL POLITICAL FACTORS OF KARELO-FINNISH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC ABOLITION IN 1956

Multiple postwar events, which occurred in the political life of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, are analyzed in the article. They served as a direct prerequisite and one of the impelling causes for the subsequent decision to change the national and the state status of the republic. Numerous conflicts, which took place among republican representatives of the partisan and state elite, and the feedback response of the central party apparatus are studied. The present research was carried out with the help of archival materials obtained from the fund of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of the Russian State Archive of Recent History. The archival documents are introduced into the scientific circulation for the first time. The conducted analysis demonstrates how the then existing among the circles of regional elite unhealthy environment and poor social and economic conditions were used by the Center to reorganize the state republic into the autonomous one. This case has become one of the most unprecedented events in the history of the Soviet national and state development.

Key words: national and state development, union republic, autonomous republic, Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic

REFERENCES

1. Verigin S. G. The history of development and abolition of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic [Istoriya sozdaniya i uprazdneniya Karelo-Finskoy SSR]. *Federalizm*. 2009. № 4. P. 147–160.
2. Verigin S. G. *Kareliya v gody voennykh ispytaniy: Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Karelii v period Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg.* [Karelia in the years of war hardships: Political, social, and economic state of Karelia in the period of the Second World War in 1939–1945]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2009. 544 p.
3. *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [The history of Karelia from ancient times till present days]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 943 p.
4. Prokkonen P. S. *Zhizn' – Karelii! Vospominaniya Pavla Stepanovicha Prokkonena, ego suprugy, syna, nevestki* [The life to Karelia! Reminiscences of Pavel Stepanovich Prokkonen, his wife, son, and daughter-in-law] / Author-comp. A. A. Makarov. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 2010. 192 p.
5. Tebenko V. A. One more time on the reorganization of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic into the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1956 [Eshche raz o preobrazovanii Karelo-Finskoy SSR v Karel'skuyu ASSR v 1956 g.]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2014. № 4. P. 72–81.
6. *TsK VKP(b) i regional'nye partiyne komitety. 1945–1953* [Central Committee of the All-Russian Communist Party of Bolsheviks and regional party committees. 1945–1953] / Comp. V. V. Denisov, A. V. Kvashonkin, L. N. Malashenko, A. I. Minyuk, M. Yu. Prozumentshchikov, O. V. Khlevnyuk. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 496 p.

Поступила в редакцию 25.07.2016

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

кандидат исторических наук, доцент (Петрозаводск, Российская Федерация)
elena-dianowa@yandex.ru**НАРОДНЫЙ ТЕАТР И КООПЕРАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ 1910-х ГОДОВ)***

Анализируется роль северной кооперации в развитии театрального дела на Европейском Севере. Рассмотрена деятельность культурно-просветительной комиссии Вологодского общества сельского хозяйства по организации спектаклей силами кооперативов и культурно-просветительных кружков, обеспечению их театральным реквизитом. Также представлена деятельность Архангельского союза кооперативов и Петрозаводского союза кооперативных товариществ по оказанию помощи культурно-просветительным кружкам в постановке спектаклей. Из архивных источников приводятся сведения о репертуаре народных театров в 1910-е годы, наиболее популярных классических пьесах и постановках агитационного характера. Затронут вопрос об использовании театрального искусства в целях кооперативного просвещения и поднятия общего культурного уровня членов кооперативных объединений.

Ключевые слова: народный театр, кооперация, спектакли, пьесы, репертуар, музыкально-драматические и культурно-просветительные кружки

Народные театры являлись значительным явлением русской культуры. Они удачно вписались в социокультурное пространство русской провинции, соединив сценическую деятельность профессиональных актеров с творчеством самодеятельных артистов-любителей, выходцев из простого народа. История и деятельность народных театров, в том числе в Карелии, отражены в работах таких авторов, как А. И. Афанасьев [2], [3], П. Н. Гордеев [4], В. С. Жидков [5], О. И. Родионова [7], В. Л. Соскин [8], [9], С. Н. Филимончик [10], Г. А. Хайченко [11], И. Е. Честнодумов [12], [13].

В первые десятилетия XX века в развитии театрального дела принимали участие просветительные и общественные организации, в том числе кооперативные общества и союзы. В этот период появился целый ряд публикаций о сотрудничестве кооперации с народными театрами. Их авторами были известные кооперативные деятели Л. М. Арманд и А. А. Евдокимов [1], А. А. Николаев [6], М. Д. Шишкин [14]. Для кооператоров народный театр являлся «наиболее привлекательной и доступной для самых широких масс формой культурно-просветительной работы, дающей полный простор творчеству и самодеятельности, вносящей праздничность и яркость в народную жизнь»¹.

В России народными считались театры с дешевыми билетами, которые посещались преимущественно лицами незнатного происхождения и с невысоким доходом. Для народных театров предназначался особый репертуар, который могли использовать кооперативы для своих постановок. Традиционно театральные представления устраивались на рождественские святки, масленицу и пасхальной неделе. Развлекательные

мероприятия не разрешалось устраивать во время длительных постов, после Октября 1917 года стало возможным показывать спектакли в любое время.

На Европейском Севере постановкой спектаклей одними из первых занялись кооперативы Вологодской губернии. Вологодские кооператоры были убеждены, что «народный театр имеет серьезное эстетическое и воспитательно-образовательное значение, а потому организации его должно быть отведено одно из первых мест в общих мероприятиях по внешкольному образованию»². Так, уже с 1910 года спектакли ставились в Николо-Комьянских кооперативах Грязовецкого уезда³.

Основной ячейкой народного театра выступал театральный или драматический кружок. Кооперативы взялись за создание музыкально-драматических кружков или кружков любителей сцены, оказание помощи по устройству спектаклей. Первые музыкально-драматические кружки были созданы в Говоровских и Мироносицких кооперативах.

Культурно-просветительная комиссия Вологодского общества сельского хозяйства (ВОСХ) взяла на себя работы, связанные с постановкой спектаклей и подбором репертуара. Для театральной библиотеки комиссия получила уставы драматических кружков, выписала 100 русских и переводных пьес для народных театров, что значительно облегчало кружкам выбор репертуара. С целью оказания помощи кружкам культурно-просветительной комиссией были приобретены передвижные декорации с видами леса, реки, крестьянской избы, господской комнаты, зимним пейзажем; парики, театральные костюмы, гримерные принадлежности. Все эти предметы

выдавались кружкам напрокат за плату, включая путевые расходы инструктора, руководившего постановкой⁴.

Работа культурно-просветительной комиссии ВОСХ способствовала расширению театральной деятельности вологодских кооператоров. В дни рождественских праздников 1913/14 и 1914/15 годов были устроены спектакли в Николо-Комьянских, Говоровских и Стризневских кооперативах Грязовецкого уезда, в районе Больше-Ивановских кооперативов Вологодского уезда. Кооператоры увидели, что спектакли кроме разумного заполнения досуга «дают знания, оживляют и заставляют работать мысль деревни»⁵.

В 1915 году Говоровские, Стризневские, Христорождественские, Мироносицкие, Николо-Комьянские, Серковские маслодельные артели и потребительные общества Вологодского и Грязовецкого уездов при содействии культурно-просветительной комиссии провели около 30 спектаклей. При этом средняя посещаемость одного спектакля составляла 150–170 человек. В деревнях порой не было специальных помещений для театральных постановок, а полиция запрещала устройство спектаклей в зданиях школ, волостных управлений, в частных домах. Сначала театральные постановки проходили прямо под открытым небом. Затем устроители спектаклей и члены музыкально-драматических кружков все чаще стали приходить к мысли о необходимости иметь свой Народный дом со сценой и залом, артистическими уборными и гримерными комнатами. В 1914 году в Вологодской губернии было всего два кооперативных Народных дома, где ставились спектакли, – Говоровский и Стризневский. В 1915 году в губернии имелось уже шесть Народных домов, в которых регулярно шли спектакли⁶.

Как правило, по случаю открытия Народных домов ставились спектакли. 31 мая 1915 года состоялось торжественное открытие Народного дома Непотяговского кредитного товарищества Вологодского уезда. Устроенный по этому случаю спектакль по поэме «Кулак» И. С. Никитина в обработке кооператора М. Д. Шишкина привлек до 600 зрителей мужчин и женщин из соседних деревень⁷.

Культурно-просветительная комиссия ВОСХ получила приглашение на Всероссийский съезд деятелей народного театра, который проходил в Москве с 27 декабря 1915 года по 5 января 1916 года. На съезде с докладом «О деятельности культурно-просветительной комиссии при Вологодском Обществе сельского хозяйства» выступил член правления ВОСХ А. И. Швецов. Он рассказал о том, что устройство спектаклей было обусловлено «потребностью в организации разумных развлечений и огромным значением среди них народного театра». Несколько раз ставились пьесы «Не в свои сани не садись»

и «Бедность не порок» А. Н. Островского; «Канитель», «Предложение», «Хирургия», «Трагик поневоле» А. П. Чехова; «Перед весной» и «Кулак» М. Д. Шишкина; «В низинах» А. К. Клепикова. По одному разу прошли спектакли по пьесам «Девушка за стеной» А. С. Серафимовича, «На дне» А. М. Горького, «На чужой каравай рта не раскрывай» С. Т. Семенова, «Тяжкая доля» Е. П. Карпова, «Женитьба» Н. В. Гоголя. Многие из этих пьес были трудны для постановки в деревенском театре, и «потому исполнение их не всегда было удачным»⁸. Тем не менее богатый опыт вологодских кооператоров по организации деревенских театров подтверждал взаимосвязь театрального дела и кооперативного движения.

В 1916 году любительские спектакли проводились перед Великим постом во время масленицы и на пасхальной неделе во всех Народных домах, в том числе в Народном доме Орловских кооперативов Никольского уезда Вологодской губернии. В Мироносицком Народном доме Грязовецкого уезда на масленицу было устроено несколько детских спектаклей, исполнителями были сами дети. На масленичной неделе 1916 года в Вологодском уезде были показаны спектакли в Говоровском, Непотяговском и Семеновском Народных домах, в районе Христорождественских кооперативов спектакль был поставлен в школе. Во второй день Пасхи 24 апреля 1916 года состоялся спектакль по пьесе А. Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье – лучше» в Говоровском Народном доме Вологодского уезда⁹.

Во время рождественских праздников 27 декабря 1916 года в помещении Несвойского земского училища кружком местной интеллигенции под руководством инструктора ВОСХ А. И. Грацианского были поставлены комедия «На бойком месте» А. Н. Островского и шутка «Предложение» А. П. Чехова. 10 февраля 1917 года в помещении Несвойского земского училища состоялся любительский спектакль по пьесе А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся». Самодеятельные артисты, «несмотря на трудность исполнения пьесы», справились со своими ролями, а публика, «прибывшая на спектакль в большом количестве, осталась довольна как пьесами, так и исполнением»¹⁰.

Член ВОСХ С. С. Маслов в своей книге «Мирской человек» описал впечатление, которое театральные постановки производили на крестьян: «Когда поднимается занавес, народная душа до самой глубины своей раскрывается духовному свету, который льется со сцены, и тогда свет может проникнуть в самые темные глухие углы». Спектакли – это «первая сила для просвещения деревни, и на них должны быть положены главные силы деревенских просветителей»¹¹.

После революции 1917 года сценическая деятельность кооперативов приобрела большой размах благодаря возникавшим повсеместно

культурно-просветительным кружкам. Действительно, «революция породила невиданную тягу простых людей к участию в разного рода театрализованных представлениях, желание непосредственно играть на сцене». В основе этого явления – массового распространения театральных представлений и спектаклей – «лежало не стремление к актерству как профессии; в этом была одна из наиболее доступных форм проявления общественной активности» [9: 14]. С точки зрения кооператоров, интерес народа к театру был «связан с общим пробуждением гражданского сознания и стремлением пользоваться всеми благами культуры»¹².

Кружки организовывались по инициативе сельской интеллигенции и молодежи. Нередко кружки создавались при Народных домах. К примеру, во Враговском Народном доме в Шуйской волости Тотемского уезда действовал культурно-просветительный кружок. С момента открытия Народного дома кружок сразу приступил к постановке спектаклей. За первые четыре месяца 1918 года в помещении Враговского Народного дома было устроено четыре спектакля, один из них – в пользу местной начальной школы. На масленицу 1918 года в помещении Народного дома Враговским культурно-просветительным кружком были поставлены комедия «Женитьба» Н. В. Гоголя и пьеса «Заработал» К. Лукашевича, которая была инсценирована силами учащихся местного Флоро-Лаврского начального земского училища под руководством учительниц Е. Андроновой и А. Бубковой¹³.

В Грязовецком уезде Панфиловским кружком 30 июня 1918 года была поставлена пьеса А. Н. Островского «На бойком месте», а 2 августа – его же пьеса «Не так живи, как хочется, а как Бог велит». Роли исполняли члены кружка, в основном учащиеся местного двухклассного училища¹⁴. Сеньговский культурно-просветительный кружок деревни Заломаево Раменской волости Грязовецкого уезда 6 июля 1918 года поставил спектакль по пьесе А. К. Клепикова «В низинах». Организаторы спектакля проявили самостоятельность, почти все было устроено своими руками (сцена, декорации, костюмы, даже парики)¹⁵.

Театральным делом занимался неторговый отдел Грязовецкого союза кооперативов: помогал обществам и кружкам в постановке спектаклей, а также сам устраивал театральные представления. 9 февраля 1919 года неторговым отделом и служащими союза был устроен спектакль по комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся»¹⁶.

В 1918 году сообщения о деревенских спектаклях постоянно поступали из Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского уездов. Кружки ставили спектакли по таким произведениям, как: драма В. А. Александрова «Песнь горя»; драма из народного быта А. А. Брян-

чанинова «Бездольная»; драма Л. Н. Толстого «Власть тьмы»; пьеса А. Н. Островского «Две собаки грызутся – чужая не приставай»; пьесы А. П. Чехова «Предложение» и «Юбилей»; пьеса С. С. Юшкевича «Гувернантка». Также зрители могли получить удовольствие, посмотрев комедию Е. П. Карпова «Вольная пташка»; комедии И. И. Мясницкого «Два часа правды» и «Маленькая война»; комедии «Весеннее солнышко», «Шутка», «Приемный день», «Папаша на отдыхе», «Горе от фотографии»; водевиль И. К. Лисенко-Конныча «Крыса»¹⁷.

Кооперативные работники заботились об организации разумных развлечений и для детей. Весной 1918 года в Тотемском уезде Леденгским культурно-просветительным кружком был подготовлен детский спектакль «Клад в лесу» по пьесе-сказке С. И. Рерберг. Нижнеслободский культурно-просветительный кружок Кадниковского уезда показал инсценировку басни А. И. Крылова «Стрекоза и муравей». В Вологодском уезде в Говоровском Народном доме силами местного кружка разумных развлечений были поставлены детские спектакли «Шемякин суд» и «Красная шапочка»¹⁸.

Сценическим искусством увлекались культурно-просветительные сельскохозяйственные общества Грязовецкого, Никольского, Тотемского уездов. Культурно-просветительное общество при Сеньговских кооперативах Грязовецкого уезда начало свою работу 12 мая 1918 года, в этот день состоялись спектакли по пьесе М. Д. Шишкина «Перед весной» и драме французского писателя Ф. Коппе «Стачка кузнецов». В селе Черное Никольского уезда культурно-просветительное сельскохозяйственное общество весной 1918 года ставило спектакли по пьесам А. Н. Островского¹⁹. Средства, получаемые от спектаклей, шли на благотворительные цели, содержание Народных домов, приобретение театрального реквизита.

Театральное дело было одним из направлений работы Архангельского союза кооперативов. Правление союза рекомендовало низовым кооперативам обратить внимание на организацию народного театра, «ибо в театре в наиболее понятной, доступной и очень наглядной форме изображается сама жизнь с ее правдами и неправдами». Призывая кооперативных работников на местах заняться постановкой спектаклей, инструкторы союза напоминали, что «народный театр кроме места культурного развлечения и отдыха является могучим воспитательным средством»²⁰.

Полагая, что у зрителей «представление на сцене действительной жизни, особенно, когда оно выполняется хорошо и задушевно, поднимает немало мыслей и затаенных чувств», архангельские кооператоры стремились совмещать просветительную и воспитательную функции театра. В 1919 году в журнале «Товарищеское дело»,

органае Архангельского союза кооперативов, были напечатаны тексты таких популярных пьес, как: комедия «Сорочинская ярмарка» (по повести Н. В. Гоголя), кооперативная пьеса «В низинах» А. К. Клепикова, комедия «От нее все качества» Л. Н. Толстого²¹.

На складе инструкторского отдела Архангельского союза кооперативов имелись специальные подборки драматических произведений для народных театров, инструкции по различным вопросам театрального дела, в том числе по устройству сцены и декораций. В репертуаре пьес для народного театра были представлены практически все наиболее известные произведения русских драматургов, писателей и поэтов. Организаторы народных театров могли ставить исторические пьесы «Царская невеста» и «Псковитянка» Л. А. Мея, «Ветеран и новобранец» и «Милославские и Нарышкины» А. Ф. Писемского. Для детей предлагалась пьеса по сказке Н. Новича «Сказание о граде Леденец»²².

Руководители культурно-просветительных кружков Архангельской губернии, обращаясь с различными просьбами в инструкторский отдел Архангельского союза кооперативов, просили оказать помощь в организации сценических постановок, выслать пьесы для деревенского театра. Так, выписывая книги со склада инструкторского отдела, культурно-просветительный кружок «Свет и Знание» Архангельского уезда составил собственную театральную библиотеку, где имелись кооперативные пьесы А. К. Клепикова «В низинах» и А. Флоринского «Две силы»; пособия по организации музыкально-драматического кружка и народного театра; книги «Несколько слов о работе режиссера» А. К. Клепикова и «Новый метод упрощенных постановок (устройство сцены и декораций)» Н. В. Скородумова; «Сборник рецензий пьес для народного театра»²³.

Архангельский союз кооперативов оказывал действительную помощь в организации народных театров. К примеру, Красногорскому кружку были отправлены тексты пьес, благодаря чему в селе Красная Гора 19 декабря 1918 года был поставлен спектакль «из крестьянской жизни». В Пинежском уезде Карпогорский кружок, получив поддержку кооператоров, 12 марта 1919 года в честь открытия Народного дома, приуроченного ко второй годовщине Февральской революции, поставил спектакль по пьесе А. П. Чехова «Медведь»²⁴. Инструкторский отдел союза также выдавал на прокат декорации, краски и парики, наложенным платежом отправлял прочие театральные принадлежности. Для кружка разумных развлечений «Прогресс» по просьбе его руководителя И. М. Дурова в село Сумский Посад из Архангельска был выслан театральный грим²⁵.

Для кооператоров Олонецкой губернии театр выступал в качестве важной формы культурно-

просветительной работы, поскольку они считали, что спектакли «служат хорошим средством художественного воспитания, отвлекают народ от карт и пьянства», а для безграмотных крестьян «театральные образы заменяют недоступную им книгу»²⁶, поэтому кооперативы на местах должны оказывать всемерное содействие народному театру.

Каждый кооператив должен был создать культурно-просветительную комиссию и поручить ей работу по устройству разумных развлечений. В 1916 году культурно-просветительная комиссия была создана при Ребольском обществе потребителей. 1 августа 1916 года в селе Реболы Повенецкого уезда был устроен спектакль. Исполнителями явилась местная интеллигенция, преимущественно земская, и крестьяне. Для постановки была выбрана пьеса из крестьянской жизни народного писателя С. Т. Семенова «Раздор»²⁷.

Культурно-просветительные кружки Олонецкой губернии создавали свои самодеятельные актерские труппы, состоявшие главным образом из деревенской молодежи и школьников. В своей деятельности помимо народных чтений и бесед кружки устраивали театральные постановки, а кооперация оказывала им помощь, предоставляя необходимые для спектаклей костюмы, грим, декорации. Так, в Типиницкой волости Петрозаводского уезда культурно-просветительный кружок, открытый при местном кооперативе в июне 1918 года, показывал спектакли каждую неделю. В ноябре 1918 года культурно-просветительный кружок Надпорожской волости Каргопольского уезда при помощи кооперации и по инициативе местных учителей, активных членов кружка, осуществил постановку пьесы А. М. Горького «На дне». Для постановки были приглашены артисты из Каргополя²⁸. Зимой 1918/19 года кружок в селе Шокша Петрозаводского уезда устраивал театральные постановки по произведениям Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, А. Н. Некрасова²⁹.

Весной 1919 года на съезде культурно-просветительных кружков Петрозаводского уезда, созванного по инициативе Петрозаводского союза кооперативных товариществ, отмечалось, что в кружках редко проводились лекции и беседы, в основном их деятельность заключалась в постановке спектаклей. Об отношении сельских жителей к кружкам на съезде было сказано, что «пожилое население относилось в большинстве случаев недружелюбно к организации кружков; молодежь же шла охотно навстречу». Такое же неприязненное отношение было и к сценической деятельности кружков, но в дальнейшем пожилые люди охотно смотрели спектакли³⁰.

У крестьян всегда большим успехом пользовались постановки по пьесам А. Н. Островского. В мае 1919 года в Петрозаводском уезде спектакль по пьесе «Не так живи, как хочется, а как

Бог велит» с участием местных учителей поставил Ивинский культурно-просветительный кружок, а в селе Яндомозеро был показан спектакль «В чужом пиру – похмелье»³¹. В Пудожском уезде театральная секция в Бережно-Дубровском Народном доме весной 1920 года ставила пьесу «На бойком месте» А. Н. Островского, а также комедию «Женитьба» Н. В. Гоголя, спектакли для детей «Снежная королева», «Степка отпетый», «На лесной полянке»³².

В сельских кружках также шли спектакли по пьесам и рассказам А. П. Чехова. К примеру, в селе Остречины Лодейнопольского уезда культурно-просветительный кружок начал свою работу с июля 1918 года, к маю 1919-го поставил 10 спектаклей, в том числе по пьесе А. П. Чехова «Предложение», в которой «деревенские артисты исполнили свои роли довольно удачно». Кружок «сумел возбудить в населении стремление к просвещению и этим положил начало продуктивной работе». В селе Пидья Олонецкого уезда кружок с участием кооператоров ставил сценки по рассказам А. П. Чехова «Хирургия» и «Злоумышленник». Шокшинский кружок Петрозаводского уезда поставил спектакль по пьесе А. П. Чехова «Медведь»³³.

Культурно-просветительные кружки, создававшиеся при обществах потребителей, получали помощь со стороны кооперации, в том числе Петрозаводского уездного союза кооперативных товариществ. В 1919 году неторговый отдел Петрозаводского союза получил 25 комплектов грима, отделом принимались заказы на театральные декорации. В неторговый отдел Петрозаводского союза поступали заявки на предмет снабжения кооперативов и кружков и театральным реквизитом, и пьесами, которые рассматривались инструкторами союза. Так, на заседании 17 апреля 1919 года было решено выполнить просьбу Ялгубского культурно-просветительного кружка выслать тексты пьес³⁴.

Летом 1919 года в некоторых уездах Олонецкой губернии театральная деятельность кружков была приостановлена в связи с военными действиями. Многие культурно-просветительные учреждения были эвакуированы. Их работа восстанавливалась по мере возвращения из эвакуации. Так, 9 ноября 1919 года состоялось совещание неторговых отделов Олонецкого краевого кредитно-производительного кооперативного союза и Петрозаводского союза кооперативных товариществ. На совещании было решено «приступить к организации разумных развлечений», прежде всего театральных представлений. Неторговый отдел Олонецкого краевого союза начал вести переговоры с труппой передвижного театра П. П. Гайдебурова и местными артистами о театральных постановках для членов кооперативов и о помощи в сценической деятельности культурно-просветительным кружкам³⁵.

Кооператоры настаивали на том, что сценическое искусство можно широко использовать в просветительных целях в учебных заведениях. В целях повышения культурного уровня курсистов на кооперативных курсах устраивались театральные постановки. В Архангельской губернии на кооперативных курсах в Онеге в 1917 года был организован драматический кружок. К постановке была намечена пьеса А. В. Подсосова «В борьбе». В устройстве спектакля приняли участие все курсисты, «постановка спектакля на курсах и работа драматического кружка была своего рода школой театрального дела в деревне, у многих курсистов появилось желание организовать драматические кружки в родных местах»³⁶.

В Олонецкой губернии в 1918 году слушатели кооперативных курсов в Пудоже не только посещали лекции по истории и практике кооперативного движения в Англии, Германии и России, знакомились с теорией кооперации, кооперативного законодательством, счетоводством, но и организовывали вечера хорового пения, спектакли с инсценировками рассказов А. П. Чехова «Канитель» и «Хирургия»³⁷.

Для многих слушателей, приехавших на кооперативные курсы из деревенской глуши, самодеятельные спектакли порой были первым опытом приобщения к театральному искусству. Во время кооперативных курсов, проходивших в сентябре 1920 года в Повенце, был дан концерт, где выступала группа артистов-любителей из Петрозаводска, приглашенная Олонецким губернским союзом. Как отмечали организаторы курсов, «курсисты, большинство которых пришло из темных углов Повенецкого уезда, имели возможность – многие первый раз в жизни – получить духовное наслаждение. Остается пожелать, чтобы слушатели, наряду с деловой работой в кооперативах, приняли бы участие в культурно-просветительной работе своих деревенских кружков, освещая темную и однообразную жизнь деревни». Впечатления, полученные курсистами от концерта, должны были стать «для них побудителями к созданию в своих деревнях новой красивой духовной жизни»³⁸.

Во время кооперативных инструкторско-счетоводных курсов в Вологде 19 октября 1920 года курсисты посетили спектакль «Сверчок на печи», поставленный служащими губернского союза, а 27 октября – литературно-вокальный вечер. Накануне Нового года, 30 декабря 1920 года, в Народном доме села Говорово силами самих учащихся был поставлен спектакль «В чужом пиру похмелье» по пьесе А. Н. Островского³⁹.

Таким образом, северная кооперация внесла определенный вклад в развитие самодеятельного театрального искусства. На этом поприще весьма серьезных успехов достигла вологодская кооперация, получившая признание кооперативных работников всей страны. Широкое развитие

театральной деятельности вологодских кооператоров объяснялось содействием Вологодского общества сельского хозяйства, которое создало культурно-просветительную комиссию, занимавшуюся снабжением кооперативов театральными принадлежностями. Общество имело собственный склад декораций и буафории, театральную библиотеку, обеспечивая кооперативы пьесами и реквизитом по их заявкам.

Театральными постановками занимались музыкально-драматические и культурно-просветительные кружки, которые рассматривались как особые кооперативные объединения. Вологодское общество сельского хозяйства, Архангельский союз кооперативов и Петрозаводский союз кооперативных товариществ помогали кружкам в постановке спектаклей, предоставляя им тексты пьес,

театральный реквизит, оказывая инструкторскую помощь. Самодеятельные театральные постановки и посещение спектаклей были неизменным элементом обучения на кооперативных курсах.

Репертуар народных театров отражал стремление кооператоров сделать театр важным фактором развития культуры, превратить его в средство кооперативного просвещения. В народных театрах с помощью кооперативов ставились классические пьесы и инсценировки по произведениям русских писателей, а также постановки кооперативных пьес агитационного характера. С переходом культурно-просветительных кружков в ведение отделов народного образования кооперативы были оттеснены от театрального дела, но их опыт сотрудничества с народными театрами оказался востребованными в 1920-е годы.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первый Всероссийский съезд по кооперативному просвещению и культурно-просветительной деятельности кооперации. М.: Центросоюз, 1919. С. 13.
- ² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 653. Оп. 3. Д. 44. Л. 2.
- ³ Труды первого совещания по внешкольному образованию, состоявшегося при Вологодской губернской управе 2–8 августа 1916 года. Вологда, 1916. С. 99.
- ⁴ Северный хозяин. 1914. № 1. С. 7.
- ⁵ Северный хозяин. 1915. № 1. С. 16.
- ⁶ Труды первого совещания по внешкольному образованию, состоявшегося при Вологодской губернской управе 2–8 августа 1916 года. Вологда, 1916. С. 103.
- ⁷ Северный хозяин. 1915. № 11–12. С. 12–13.
- ⁸ Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве. 27 декабря 1915 г. – 5 января 1916 г. Пг., 1919. С. 82, 83.
- ⁹ Северный хозяин. 1916. № 2. С. 24; № 3–4. С. 29; № 8. С. 22.
- ¹⁰ Северный хозяин. 1917. № 4. С. 21.
- ¹¹ Маслов С. С. Мирской человек. М., 1916. С. 17.
- ¹² Общее дело. 1918. № 11. С. 10.
- ¹³ Северный хозяин. 1918. № 3–4. С. 22; Вольный голос Севера. 1918. 23 апреля. С. 3.
- ¹⁴ Северный хозяин. 1918. № 11–12. С. 19; № 16. С. 20.
- ¹⁵ Вольный голос Севера. 1918. 11 июня. С. 3; 12 июля. С. 3.
- ¹⁶ Северный хозяин. 1919. № 2–3. С. 20.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. 653. Оп. 3. Д. 42. Л. 50.
- ¹⁸ Вольный голос Севера. 1918. 30 мая. С. 3.
- ¹⁹ Вольный голос Севера. 1918. 29 июня. С. 4; 30 июля. С. 4.
- ²⁰ Товарищеское дело. 1917. № 2. С. 5.
- ²¹ Товарищеское дело. 1919. № 4–5. С. 37.
- ²² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 362. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.
- ²³ ГААО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 32. Л. 2, 3.
- ²⁴ ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 104. Л. 8.
- ²⁵ ГААО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 30. Л. 13; Д. 25. Л. 19.
- ²⁶ Олонецкий кооператор. 1918. № 2. С. 12, 13.
- ²⁷ Вестник Олонецкого губернского земства. 1916. № 17. С. 11.
- ²⁸ Олонецкий кооператор. 1918. № 2. С. 11, 16; 1919. № 3–4. С. 67.
- ²⁹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 16/210. Л. 67.
- ³⁰ Народное образование Олонецкой губернии. 1919. № 7–12. С. 77.
- ³¹ Олонецкая коммуна. 1919. 10, 24 мая.
- ³² НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 35/416. Л. 82.
- ³³ Олонецкая коммуна. 1919. 8, 16 мая, 27 июня.
- ³⁴ НА РК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3/50. Л. 73; Олонецкий кооператор. 1919. № 4–5. С. 26.
- ³⁵ Олонецкий кооператор. 1919. № 15–16. С. 34.
- ³⁶ Общее дело. 1918. № 11. С. 21.
- ³⁷ Олонецкий кооператор. 1919. № 1. С. 19.
- ³⁸ Олонецкий кооператор. 1920. № 7–9. С. 38.
- ³⁹ ГАВО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 158. Л. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арманд Л. М., Евдокимов А. А. Народный театр и кооперация. М., 1917. 24 с.
2. Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии, 1918–1927. Петрозаводск: Карелия, 1983. 238 с.

3. Афанасьева А. И. Массовое театральное движение в Карелии в первые годы Советской власти (1918–1920) // Научная конференция по итогам работ Института за 1963 год. Секция истории, археологии, этнографии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1964. С. 17–20.
4. Гордеев П. Н. «Запрещенные» дни в 1917 году // Российская история. 2015. № 5. С. 148–157.
5. Жидков В. С. Театр и власть, 1917–1927: От свободы до «осознанной необходимости». М.: Алетея, 2003. 655 с.
6. Николаев А. А. Кооперация и театр // Общее дело. 1919. № 1–2. С. 11–14.
7. Родионова О. И. Народное театральное-художественное творчество в российской провинции в конце XIX – начале XX в.: (на примере Нижневолжского региона) // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. Сер. 4. 2009. № 1 (15). С. 180–185.
8. Соскин В. Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. 454 с.
9. Соскин В. Л. Советская художественная культура (1917–1927 гг.): социально-политический аспект. Ч. 1. Художественная культура на сломе эпох: период революции и Гражданской войны. Новосибирск, 2002. 175 с.
10. Филимончик С. Н. Театральная жизнь Карелии в 1918 – начале 1920-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 12–20.
11. Хайченко Г. А. Русский народный театр конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1975. 365 с.
12. Честнодумов И. Е. Народный театр – как объект социального исследования // Вопросы культурологии. 2008. № 8. С. 49–51.
13. Честнодумов И. Е. Народный театр: культурно-исторический аспект // Вопросы культурологии. 2008. № 7. С. 34–36.
14. Шишкин М. Д. Театр и потребительные общества. М., 1912. 8 с.

Dianova E. V., Petrozavodsk, Russian Federation

FOLK THEATER AND COOPERATION OF THE EUROPEAN NORTH (ON MATERIALS OF THE 1910-s)

This article focuses on participation of northern cooperation in the development of theatrical business in the European North. The author has considered the activities of the cultural and educational commission of the Vologda society of agriculture to organize performances by cooperatives and cultural and educational clubs and to provide them with theatrical requisite. Activities of the Arkhangelsk union of cooperatives and the Petrozavodsk union of cooperative associations to assist cultural and educational clubs through performances staging are also described. Information on the repertoire of folk theaters in the 1910-s, on the most popular classical plays and statements of propaganda character are provided on the basis of archival sources. The issue of theater use for cooperative education and for general cultural level increase of cooperative associations' members is also considered.

Key words: folk theater, cooperation, performances, plays, the repertoire, musical and drama and cultural and educational clubs

REFERENCES

1. Armand L. M., Evdokimov A. A. *Narodnyy teatr i kooperatsiya* [Folk theater and cooperation]. Moscow, 1917. 24 p.
2. A fanas'eva A. I. *Velikiy Oktyabr' i stanovlenie sovetskoy kul'tury v Karelii, 1918–1927* [Great October and formation of the Soviet culture in Karelia, 1918–1927]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1983. 238 p.
3. A fanas'eva A. I. The mass scale theatrical movement in Karelia in the first years of the Soviet power (1918–1920) [Massovoe teatral'noe dvizhenie v Karelii v pervye gody Sovetskoy vlasti (1918–1920)]. *Nauchnaya konferentsiya po itogam rabot Instituta za 1963 god. Sektsiya istorii, arkhologii, etnografii: Tezisy dokladov*. Petrozavodsk, 1964. P. 17–20.
4. Gordeev P. N. The “forbidden” days in 1917 [“Zapreshchennye” dni v 1917 godu]. *Rossiyskaya istoriya*. 2015. № 5. P. 148–157.
5. Zhidkov V. S. *Teatr i vlast', 1917–1927: Ot svobody do “osoznannoy neobkhodimosti”* [Theater and power, 1917–1927: From freedom to “conscious need”]. Moscow, Aleteya Publ., 2003. 655 p.
6. Nikolaev A. A. Cooperation and theater [Kooperatsiya i teatr]. *Obshchee delo*. 1919. № 1–2. P. 11–14.
7. Rodionova O. I. Folk theatrical and art in the Russian province at the end of XIX – the beginning of the 20th century: (on the example of the Lower Volga region) [Narodnoe teatral'no-khudozhestvennoe tvorchestvo v rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX v.: (na primere Nizhnevolzhskogo regiona)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Ser. 4*. 2009. № 1 (15). P. 180–185.
8. Soskin V. L. *Rossiyskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927 gg.): ocherki sotsial'noy istorii* [Russian Soviet culture (1917–1927): sketches of social history]. Novosibirsk, 2004. 454 p.
9. Soskin V. L. *Sovetskaya khudozhestvennaya kul'tura (1917–1927 gg.): sotsial'no-politicheskiy aspekt. Ch. 1. Khudozhestvennaya kul'tura na slome epokh: period revolyutsii i Grazhdanskoj vojny* [Soviet art culture (1917–1927): socio-political aspect. P.1. Art culture at the crash of eras: the period of revolution and Civil war]. Novosibirsk, 2002. 175 p.
10. Filimonchik S. N. Theater life of Karelia in 1918 – beginning of the 1920-s [Teatral'naya zhizn' Karelii v 1918 – nachale 1920-kh godov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 7 (152). P. 12–20.
11. Khaychenko G. A. *Russkiy narodnyy teatr kontsa XIX – nachala XX veka* [The Russian folk theater of the end of XIX – the beginning of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 365 p.
12. Chestnodumov I. E. Folk theater – as the object of social research [Narodnyy teatr – kak ob'ekt sotsial'nogo issledovaniya]. *Voprosy kul'turologii*. 2008. № 8. P. 49–51.
13. Chestnodumov I. E. Folk theater: cultural and historical aspect [Narodnyy teatr: kul'turno-istoricheskiy aspekt]. *Voprosy kul'turologii*. 2008. № 7. P. 34–36.
14. Shishkin M. D. *Teatr i potrebitel'nye obshchestva* [Theater and cooperative societies]. Moscow, 1912. 8 p.

Поступила в редакцию 24.06.2016

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЕ БОЛЕЗНИ И СПОСОБЫ ИХ ЛЕЧЕНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ КАРЕЛ*

Целью данной статьи является исследование персонифицированных болезней в представлениях карел. Исходя из цели поставлены следующие задачи. Во-первых, выявление персонифицированных заболеваний и определение причин их персонификации. Во-вторых, определение происхождения их наименований. В-третьих, выявление и сравнение способов лечения персонифицированных заболеваний у различных групп карел и близкородственных народов. Представленный материал является новым и актуальным, так как данная проблема рассматривается впервые. В результате исследования приходим к выводу, что персонифицирование болезней является распространенным явлением среди карел, а также других прибалтийско-финских народов, проживающих на территории Карелии, и русских. В качестве основных способов избавления от данных недугов были попытки народа задобрить их с помощью приношения подарков, угощения и уважительного обращения к духу болезни.

Ключевые слова: народная медицина карел, мифология, верования, болезнь, эпидемия

В народной культуре болезнь человека воспринимается как состояние, вызванное действиями демонов болезней, другой нечистой силы, колдунов, людей с дурным глазом и т. д.¹ Для большинства народов, к числу которых относились и прибалтийско-финские, было свойственно персонифицировать заболевания, особенно это касалось тех недугов, которые были вызваны демонами болезней.

Чаще всего в персонифицированном виде крестьянам представлялись инфекционные/эпидемические болезни [5: 75]. При возникновении эпидемий жители карельских деревень пытались различными магическими действиями предотвратить их распространение. Эти способы были общими для всех повальных болезней. Карелы Повенецкого уезда Олонецкой губернии при распространении какой-либо заразной болезни добывали «деревянный» огонь, то есть получаемый от трения дерева о дерево, через который окуривали людей. На место, где лежал больной, умерший от заразной болезни, бросали петуха, чтобы болезнь перешла к нему, а не к людям. В Семезерском уезде Олонецкой губернии для прекращения эпидемии устраивали «похороны болезни»: опускали в могилу кошку или петуха, которые олицетворяли заболевание². Сямозерские карелы, когда в доме были инфекционные больные, рисовали на дверях смоляные или дегтевые кресты, чтобы болезнь не выходила из дома [1: 106].

Демоны болезней выступают преимущественно в антропоморфном виде. Чаще всего это женщины. Некоторые группы карел Олонецкого района заболевание холера (ливв. *halieru*; ливв. *vilutaudi*; ск., ливв. *vilučī*) представляли в образе женщины, которая летала из одного места

в другое на метле³. Подобные представления о холере были у восточных славян: у белорусов холера персонифицировалась в виде женщины с распущенными волосами и горящими глазами, которая разбрасывает некие болезнетворные зерна, или женщины/девушки, которая отравляет воздух, размахивая красным или черным платком. Известны персонификации холеры в виде черной коровы, а у русских – собаки, кошки или женщины со злым лицом [5: 78]. Другие представители олонецких карел считали, что холеру производили колдуны, всыпая в воду какие-то порошки. Когда в деревнях начиналась эпидемия холеры, жители запирали все колодцы, а воду брали с середины реки, отъехав подальше от берега (К. Петров). Вепсы во время эпидемии холеры широко использовали огонь, полученный древними способами. Такой огонь считался наиболее действенным обережным и лечебным средством в экстремальной ситуации. В конце XIX века в селе Корвала на протяжении семи лет свирепствовала холера. От болезни удалось избавиться, обойдя деревню с «деревянным» огнем (это огонь, который вепсы добывали путем трения сосновой лучины на станке для точения веретен из бересты). Во время обхода с огнем, как рассказывали жители, из деревни выскочил большой черный кот (олицетворение болезни), и болезнь перешла в соседнюю деревню, откуда ее выжили таким же путем [3: 250]. Калевальские карелы (п. Калевала) для остановки эпидемии также использовали огонь [6: 62].

Демоны болезней могут находиться между собой в родственных отношениях, чаще всего это сестры. Карелы (например, д. Войница) считали, что существует «три оспы, три сестры»:

собственно болезнь оспа – «самая старшая и самая злая сестра», ветрянка – «средняя сестра» и корь – «самая младшая сестра». Всех трех сестер в Карелии очень уважали и боялись.

Для обозначения кори в диалектах карельского языка использовали наименования, в основе номинации которых лежат ее симптомы. У человека, заболевшего корью, все тело покрывается мелкой сыпью, как будто его золой посыпали. Вполне возможно, по аналогии с этим в основу карельских названий болезни корь легло существительное *tuhka*, *tuhku* ‘зола’: (ск., ливв.) *tuhkarokko/tuhkurokko* (зола + оспа/волдырь), (ск.) *tuhkičča/tuhkičču* (от сущ. *tuhka* ‘зола, пепел’ + суф. *-čča*, *-čču*), (ск., ливв.) *tuhkiččarubi/tuhkiččurubi* (корь + оспа). Для того чтобы «задобрить» корь, ее приглашали в гости каждый третий год. Ей накрывали стол, угощали (д. Войница)⁴. Угощения для олицетворенной болезни кори готовили и шимозерские вепсы [3: 395].

Основной акцент в лечении кори делался на использовании материи красного цвета. В основе данного способа исцеления – принцип «подобное отталкивает подобное». Тверские (д. Семеновское) и тихвинские (д. Коргорка) карелы также использовали для избавления от кори красную тряпку: ею накрывали ребенка и занавешивали красными занавесками все окна⁵ [4: 145]. Вепсы, проживающие в Пяозере и Пондале, напротив, держали заболевшего корью ребенка в темной избе. Темнота (мрак) – это признак мира мертвых, смерти. Поместив корь в условия темноты и смерти, стремились изгнать болезнь красного цвета [3: 395]. Красный цвет – это цвет жизни, здоровья, солнца, он наделялся защитными свойствами.

В представлениях карел источником ветряной оспы был ветер. Исходя из этого, в основе номинации ветрянки в тверском говоре карельского языка лежит лексема *tuuli* ‘ветер’: (ск.) *tuulenrubi* (ветер + оспа/болячка). Во время ветрянки лицо больного покрывалось струпьями. Затем короста отпадала, и человек иногда оставался рябым. Тверские карелы (с. Воздвиженка) при появлении ветрянки или любой другой сыпи на теле прибегали к следующему методу лечения: больного окатывали водой через борону, лопату и ольховое гнездо (девочек)/еловое гнездо (мальчиков), сопровождая эти действия словами заговора: «*Aštovalla aštoičen, labijella roičen, leppazella tulen pežolla kylvetän oigien hengen ristikanžan*» (‘Бороною бороною, лопатою рою, ольховым ветряным гнездом парю правую душу крещеную’)⁶. Чтобы появившиеся при ветряной оспе волдыри не чесались, кожу больного натирали ячневой крупой. У карел д. Семеновское считалось, что ветрянка лечению не поддается («*händä n’imil’l’ ei voimun l’ecči*» ‘е ничем нельзя было вылечить’) [4: 145].

Больше всего карелы боялись и уважали самую старшую сестру – оспу. В д. Кондока отец заболевшего оспой ребенка стал ругать эту болезнь: «*Emättäy, jotta, et tiijä i lähtie kun tulit taloh, ni et t’iijä lähtie!*» (‘Заклинает/матерится, что не уходишь, раз в дом пришла, то и не уйдешь!’). После

этого его семилетняя дочь стала косоглазой [8: 228]. Для данного заболевания у карел существовало большое количество наименований. Карелы называли заболевание оспа Божьей болячкой, при этом указывая на то, что «ее лечить даже было грешно»⁷. Компонент «Божий» был отражен в следующих наименованиях: (ливв.) *jumalan rubi* (букв. ‘Божья болезнь/оспа/болячка’), (ливв.) *jumalan kasse* (букв. ‘Божье наказание’). По мнению финского лингвиста Я. Калима, вторая часть данного наименования заимствована из русского языка: *kasse* < русс. казать, наказывать. Финский этнограф И. Маннинен предполагает, что название *jumalan kasse* (фин. *Jumalan raagaistus*) очень хорошо подходит в отношении оспы, которая считалась насланной именно Богом⁸. К русским заимствованиям относятся лексемы (ск., ливв.) *ospičča*, *ospa* (от русс. о-сып-а к сып, сыпати – сыпная повальная болезнь)⁹. Германское происхождение прослеживается в финском названии, которое в дальнейшем было заимствовано в карельский язык (ск., ливв., люд.) *rupi/rubi* (*rupi* < **χrupfōn* / - **χrubnō* / *χrupiz* (ср.: др. норв. *hrufa* ‘оспа’, совр. норв. *guv*, *ruva*, *ruve* ‘оспа’)¹⁰.

При обращении к персонифицированным болезням очень часто использовали личные имена, которые считались знаком особого уважения этого недуга. В группу подобных наименований входит, например, лексема (ск., ливв., люд.) *Ospičča Ivanovna* ‘Оспитта Ивановна’. В славянских языках персонифицированному духу оспы в знак особого расположения, уважения, почтения присваивались личные имена, отчества, ср.: Осп(и)ца Ивановна, Оспица Афанасьевна, Воспинка Осиповна (русс.); баба Писанка, баба Шарка, Шаруля, Шерчица (б.). У северных вепсов, как и у соседних народов – карел, русских и коми, оспа также персонифицировалась в виде женщины. Ее величали Оспа Ивановна или Оспа Андреевна [2: 188]. Как у карел, так и у русских причиной оспы считают главным образом нарушение запретов: непочитание болезни, оскорбление каким-либо действием, словом¹¹.

По словам карел д. Оуланка, оспой болели как дети, так и взрослые. Знахари были бессильны перед этой болезнью. По ее течению определяли, умрет больной или выздоровеет: если волдыри от оспы были кровавого цвета и росли внутрь, то человек умрет, а если они были внешними, то человек поправится [7: 236]. По мнению олонечких карел, оспа – одно из самых опасных заболеваний, которое ежегодно по весне «откуда-то, Бог весть знает, заносилось в Олонечскую Карелию». Карелы называли оспу «нежеланной гостьей, настающим горем всех сел и деревень».

В период болезни больной оспой лежал за занавеской около печи. Ему нельзя было смотреть на гостей, можно было смотреть только на вдов и вдовцов. Когда больному несли еду, кланялись и говорили: «*Ospičča Ivanovna, rupi jumalan luoma, nouse murkinalla!*» (‘Оспитта Ивановна, оспа, Божье творение, встань на второй завтрак!’).

Для лечения оспы у ливвиковских карел было два способа: отнести больного в баню и там

парить его до тех пор, пока «болезнь с криком не выйдет»; или испечь пирог и с поклоном, встав на колени около больного, упрашивать, чтобы дорогая гостья, Оспитта Ивановна, смилостивилась и не испортила больному глаза, лицо, руки и не сделала его калекой. Автор этого собранного материала Н. Лесков относительно вышеуказанных способов лечения, применяемых олонцкими карелами, пишет: «...первый способ отличается какой-то неразумной дикостью, а другой – отчаянием, равного которому не скоро и сыщешь». Когда больного оспой вели в баню, то с собой звали Оспитту, чтобы она помогала парить больного. В баню вместе с больным нельзя было идти вдовам и вдовцам, женщинам, у которых нет детей. Во время парения в бане нельзя было сердиться.

Для того чтобы Оспитта не рассердилась на больного и членов его семьи, ее задабривали: накрывали на стол от трех до девяти разных блюд. Затем больного оспой усаживали за стол, кормили, поили и обхаживали как самого дорогого гостя. После этого кормили и поили других детей из этого дома, а также звали соседских. Когда больной оспой поправлялся, то Оспитту провожали со словами: «*Nyt on syöty syömät, juotu juomat, pietty piot parahat. Kun hyvänä vierahana tulit, ta parempana mäne!*» «Теперь еда съедена, питье выпито, лучшие пиршества проведены. Ты пришла к нам как лучший гость, так и уходи как лучший!»

Если даже в семье никто не болел оспой, то Оспитту звали в гости для профилактики каждый седьмой год¹². Также соседи приходили в тот дом, где был больной оспой, и приглашали оспу к себе, надеясь, что, получив приглашение, она не будет такой сердитой (то есть в их доме болеть будут не сильно).

У паданских карел оспу называли только уважительно: «Марья Ивановна желанная» или «Оспица Матушка». Встречали болезнь самыми добрыми словами: «Здравствуй, матушка Марья Ивановна! Здравствуй на многие лета! Благодарствуй, что посетила нас, рабов твоих покорных, не будь ты нам злою мачехой, будь родною матерью! Ты лики порти, да в гроб не складывай! Не побрезгуй дарами нашими!» Все это сопровождалось учащенными поклонами и дарами, которые подносили больному, и он должен был попробовать все. Затем дары доедались присутствующими, а больного вели в очень сильно натопленную баню, где парили его до полусмерти, «выпаривая желанную гостью, а то матушка, по Руси бродивши, овшивела». Чаще всего от такого лечения больной умирал (например, в 1876 году в Паданах от оспы умерли 19 из 32 больных). Жители прокомментировали это так: «Не угодили, знать, Марье Ивановне».

Суоярвские карелы (д. Поросозеро) собирали в кучу во дворе портянки или льняное белье больного, сжигали, собирали золу, мазали ею болячки больного и приговаривали: «*Mistä mierosta tulit, sinne i mane, elä puutu sinä ilmoisena ikänä*» («С какого мира ты пришла, туда и иди, не трогай/приходи никогда на свете»)¹³.

Тверские карелы заболевшего оспой ребенка парили в бане, читая заговор: «*Ruškiene rubuozeni, armahane rubuozeni, ota omaš hyvyöt, ana omat tervehyšmiän raba boozella lapšella*» («Красная оспа, любимая оспа, возьми (ты) свое добро, отдай нашему рабу Божьему, ребенку его здоровье»). По возвращении из бани больного, так же как и в Северной Карелии, усаживали на почетное место за столом, а перед ним (для оспы) клали яйцо, выкрашенное в красный цвет, со словами: «*Ka tässä siulaš gostinčat*» («Вот тебе гостинцы»). Жители д. Кондока не только парили в бане больного оспой ребенка, но и Оспитту угощали там, а не дома, чаем и оладьями. Во время угощения повторяли: «*Ospičč Ivaanovna, Ospičč Ivaanovna, prost'i!*» («Оспитта Ивановна, Оспитта Ивановна, прости!») [8: 228]. У повенецких карел в то время, когда кто-нибудь болел оспой, родители больного кланялись до земли, при этом приговаривая: «Оспица Ивановна, прости, пожалуй, буде мы тебя чем прогневали». После этого пекли для Оспитты пироги пряженые, приносили вино. В период болезни баню топили ежедневно, больного парили и на его лицо клали горячие блины, чтобы скорее засыхали нарывы, а все тело натирали или промакивали спиртом или вином.

Среди карел еще одним «гневым» гостем, как и оспа, считалось заболевание тиф (ск., ливв., люд. *tifu*). К этой болезни относились так же, как и к Оспитте: уважали и потчевали. Больного оставляли на произвол судьбы, не трогали его, считая, что иначе болезнь рассердится и пойдет из дома в дом. Порой больного заедали вши, но к нему никто не прикасался. Соседи приходили с разного рода угощениями: рыбниками, калитками, шаньгами, – и складывали их около больного в качестве подарка для болезни.

Во время эпидемии сыпного тифа в Паданском уезде применялись следующие приемы лечения: если больного знобило, то его несли в жарко натопленную баню и парили до потери сознания, а если у него был сильный жар, то трижды опускали в ледяную прорубь. Объясняли это так: «...если ему холодно, то надо согреть, а ежели жарко – остудить, вот болезнь и пройдет». Во время тифозной эпидемии паданские карелы пытались «отогнать» болезнь, стреляя из ружья около больного¹⁴. Такой же обряд «пугания» болезни проводили вепсы (с. Корвала) [3: 131].

Итак, персонификация болезней была свойственна для всех групп карел, проживающих как на территории Карелии, так и в других районах (например, тверские и тихвинские карелы). Данное явление включало мифологическую составляющую, имеющую в основе страх людей перед эпидемическими болезнями, носящими в рассматриваемый период массовый характер. Большинство способов лечения было построено на задабривании болезней (угощения, подарки) и на обращении к ним в форме заговоров-просьб уйти и оставить больного в покое.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СОКРАЩЕНИЯ

б. – болгарский язык
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 ск. – собственно карельское наречие карельского языка

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 225.
- ² Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14, 15. С. 50.
- ³ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 188.
- ⁴ Paulahaarju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan taroja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. S. 62.
- ⁵ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. С. 304.
- ⁶ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплачки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 614.
- ⁷ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 31.
- ⁸ Kalima J. Eragästä rokkotaudin nimestä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 29. Porvoo: Helsinki, 1949. S. 41–44.
- ⁹ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: ГИС, 1958. С. 665.
- ¹⁰ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS. III. 2000. S. 109.
- ¹¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 576.
- ¹² Paulahaarju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan taroja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. S. 60–61.
- ¹³ Suomen kansan vanhat runot: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan Runot (SKVR). Osa II. Helsinki: SKS, 1927. S. 562.
- ¹⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусарова В. П. Структура обряда лечения (на примере сямозерских карел) // Сямозерские чтения: Доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск: Изд. Дом «Карелия», 2006. С. 104–110.
2. Винокурова И. Ю. Вепский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепского диалектного материала) // Вепские ареальные исследования: Сб. статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 174–192.
3. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
4. Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
5. Юдин А. В. Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян // Studia Litteraria Polono-Slavica, 6: Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie. Warszawa: SOW, 2001. С. 75–96.
6. Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki: SKS, 1999. 437 s.
7. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki, 1971. 388 s.
8. Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PERSONALIZED DISEASES AND METHODS OF THEIR TREATMENT IN KARELIAN FOLKLIFE CULTURE

The purpose of this article is to present the results of studying personalized diseases in Karelian beliefs. Therefore the following tasks were set. First, to identify Karelians' personalized diseases and to determine the reasons for their personalization. Second, to determine the origin of their names. Third, to identify and compare personalized treatments of diseases in different groups of Karelian and closely related peoples. The material is new and relevant, as this issue is researched for the first time. The results can lead to the conclusion that personification of diseases is common among Karelians, as well as other Baltic and Finnish peoples living on the territory of Karelia, and for the Russians as well. The main ways to cure these ailments were to offer gifts and treats and to show respect to the spirit of the disease.

Key words: Karelian folk medicine, mythology, beliefs, personification, a disease epidemic

REFERENCES

1. Busarova V. P. The structure of the treatment ritual (for example, the Karelians of Syamozero) [Struktura obryada lecheniya (na primere syamozerskikh kareli)]. *Syamozerskie chteniya: Doklady i materialy pervoy i vtoroy nauchno-prakticheskikh konferentsiy*. Petrozavodsk, Izd. Dom "Kareliya" Publ., 2006. P. 104–110.
2. Vinokurova I. Yu. The mythological pantheon of Veps in relation to some stages of the ethnic history of the people (on the basis of Vepsian dialect material) [Vepsskiy mifologicheskiy panteon v svete nekotorykh etapov etnicheskoy istorii naroda (na osnove vepsskogo dialektnogo materiala)]. *Vepsskie areal'nye issledovaniya: Sb. statey*. Petrozavodsk, Karelskiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2013. P. 174–192.
3. Vinokurova I. Yu. *Mifologiya vepsov: Entsiklopediya* [Mythology of Veps: Encyclopedia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015. 524 p.
4. *Slushayu karelskiy govor* [Listen to the Karelian dialect] / Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 208 p.
5. Yudin A. V. Personalized illness and ways to deal with them in the popular culture of the Eastern Slavs [Personifitsirovannye bolezni i sposoby bor'by s nimi v narodnoy kul'ture vostochnykh slavyan]. *Studia Litteraria Polono-Slavica, 6: Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie*. Warszawa, SOW Publ., 2001. P. 75–96.
6. Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki: SKS, 1999. 437 s.
7. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki, 1971. 388 s.
8. Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä / P. Virtaranta. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Поступила в редакцию 02.06.2016

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rin@petsu.ru

СХИИГУМЕН ЛУКА (ЗЕМСКОВ): ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО В РЕАЛИЯХ XX ВЕКА

Исследуется жизненный путь и духовное служение иеромонаха Луки (1880–1968). Данный пример позволяет рассмотреть эволюцию Валаамского монастыря под влиянием внешних обстоятельств и особенностей внутреннего развития. Основную часть источникового корпуса представляет эпистолярное наследие о. Луки, частично опубликованное, но малоизученное. Систематизация и сравнение документального массива дают возможность анализа монашеского опыта в несении послушаний, в молитвенном делании, в миссионерстве. Изучение данного опыта свидетельствует о преемственности традиций российского старчества от Валаамского монастыря к Псково-Печерской обители. Анализ источников позволяет сделать вывод, что через старчество Валаамский монастырь продолжал оставаться духовным центром для представителей российской эмиграции вне политических границ. Более того, духовно-практический опыт схиигумена Луки не утратил своего значения. Напротив, административно-управленческие и пастырско-миссионерские формы деятельности «гостинника» Луки особенно актуальны в наши дни при организации паломнических служб монастырей, функционировании индустрии туризма, при работе со всеми, кто посещает святыни православного мира.

Ключевые слова: православие, Валаам, монашество, паломничество, старчество, российская эмиграция

В ряду тем, вызывающих пристальное внимание научного сообщества, находится новейшая история Русской православной церкви. Это объяснимо целым рядом обстоятельств: сменой идеологической парадигмы, возрождением православных традиций, выявлением документов, позволяющих объективно исследовать вопросы жизнедеятельности православных сообществ в условиях XX века. Ярким примером такого рода является история Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Насельникам обители пришлось сохранять святоотеческие традиции православия в трагичное для православия время – эпоху политических конфликтов и демографических модернизаций [1]. На этом фоне изучение жизни и духовного опыта схиигумена Луки (Земскова) представляет особый интерес. Приняв монашество на Валааме в период расцвета обители, он был свидетелем «финского» периода истории монастыря, передавая впоследствии духовный опыт насельникам Псково-Печерской обители на территории СССР. Долгие годы он нес одно из самых сложных для монаха послушаний «гостинника», заведующего гостиничным хозяйством обители, поэтому находился в непрерывном общении с паломниками и туристами Валаама. Со многими посетителями монастыря его общение не прерывалось годами, составив интереснейшее эпистолярное наследие [2], [3] и явив достойный пример христианского служения старца своим духовным чадам. Научный интерес к феномену валаамского старчества,

истории монастыря в 20–50-е годы XX века сегодня очевиден. Подтверждением этого являются работы последних лет – исследования представителей Русской православной церкви о. Д. Шатова¹ и о. С. Третьякова [4], а также светских историков [5], [7]. Опираясь на архивные источники фондов Финляндского Ново-Валаамского и Спасо-Преображенского Валаамского монастырей воссоздается комплексная картина монашеской жизни обители в первой половине XX века. При этом малоизученными остаются персоналии валаамской братии: их биографии, духовный опыт, формы взаимодействия с «миром», особенности «монашеского делания». Таким образом, целью работы является исследование феномена валаамского старчества на примере жизнедеятельности схиигумена Луки (1880–1968). Достижение поставленной цели осуществляется через разрешение ключевых задач: определение формы «монашеского делания» о. Луки, выявление отражения истории монастыря в эпистолярном наследии монаха, анализ круга духовных чад старца, уровня их взаимных контактов. Такой подход дает возможность рассмотреть пути реализации миссии Валаамского монастыря как сакрального центра в один из самых сложных периодов XX века – эпоху разделения государств, народов и церквей.

Схиигумен Лука, тогда еще Яков Савельевич Земсков, прибыл на Валаам в июне 1905 года. Исследуя побудительные мотивы, приведшие 24-летнего крестьянина на Северный Афон, надо признать чрезвычайно ограниченный круг

документальных материалов по этому вопросу. Ни в дневниковых записях², ни в письмах он ничего не сообщает о своей семье, детстве, обстоятельствах выбора Валаамской обители для «душеспасительного делания». Наше понимание «домонастырского» периода жизни о. Луки частично восполняется исследованием местности, где родился и вырос будущий подвижник православия. Он происходил из деревни Годеново³ Ростовского уезда Ярославской губернии – уникального историко-культурного пространства России. С древнейших времен это был ареал мерянской культуры, сохранившейся в самобытных топонимах, курганах и мифологии⁴ края. Здесь, в некогда лесном и болотистом крае, совершали аскетические подвиги ученики и последователи прп. Сергия Радонежского, основав множество монастырей Северной Фиваиды. По преданию, в 1423 году на Сахотском болоте вблизи Годеново был обретен Животворящий Крест Господень⁵, почитаемый многими поколениями верующих до наших дней. Посреди Годеново местные жители воздвигли храм, освященный во имя свт. Иоанна Златоуста. Изначально церковь была деревянной, а в 1794 году на ее месте крестьянская община воздвигла пятиглавый каменный храм с колокольней⁶, ставший не только ландшафтным центром Златоустовского прихода, но и символом духовного единства жителей. Большую роль в этом сыграл авторитет местного духовенства – представителей знаменитого рода священнослужителей Апеллесовых. Их пастырская деятельность была многогранна: строительство часовен над чудотворными источниками, крестные ходы к православным святыням края, создание церковно-приходской школы. Такое единство пастырей и паствы укрепляло православные традиции прихожан с детства, способствовало социальной взаимопомощи жителей. Закономерно, что в годы «безбожных пятилеток» именно годеновская община сохранила от разрушения и Животворящий Крест Господень, и Златоустовский храм. Возможно, на выбор Яковом Земсковым жизненного пути повлияло и обстоятельство болезни, по причине которой его не призвали в армию. Мучительный недуг позвоночника сопровождал о. Луку всю жизнь, но укрепил духовное смирение старца «к скорбям и болезням». Получив благословение родителей, Яков отправился на Валаам «молиться за весь род».

Валаамская обитель начала XX века была знаменита строгим уставом монашеской жизни, «духоносными» старцами, образцовым хозяйством, прекрасной природой, настраивавшей на «красоту мира Божиего»⁷. Это не могло не привлекать тех, кто смыслом Богообщения видел монашеский путь на «острове спасения». Среди обстоятельств выбора Я. С. Земсковым Валаама мог присутствовать и фактор «землячества» – наличия земляков в составе братии. За два ме-

сяца до прихода Якова на Валаам там скончался знаменитый старец схимонах Агапий (Молодяшин), выходец из Ростовского уезда. Послушание келейника о. Лука нес у наместника, а впоследствии валаамского игумена Маврикия (Баранова), также уроженца Ярославской губернии. Именно он совершил монашеский постриг над Я. С. Земсковым летом 1912 года. Сохранившиеся дневниковые записи о. Луки 1909–1911 годов свидетельствуют, насколько тщательно и предельно осознанно готовился он к этому шагу. Его дневник – это, по сути, «Отечник», состоящий из выписок творений Святых Отцов Церкви: прп. Парфения Киевского, иеромонаха Амвросия Оптинского, свт. Феофана Затворника, житийной литературы, молитв [3: 140–146]. Святоотеческое понимание монашества как проявления любви к Богу и людям, глубокого смирения, самоотверженного послушания, единения с духовным отцом, искреннего покаяния, сердечной молитвы «за весь мир» утверждало молодого монаха во внутреннем и внешнем «делании». Его отличало внимательное изучение писем свт. Феофана Затворника из сборника «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться». Книга совмещала теоретические основы богословия с ценными практическими советами «спасающимся во Христе». Задаваясь вопросом: «Что в жизни сей нужно?», монах Лука отвечает в дневнике словами иеромонаха Амвросия: «...нужен сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище – сердце внимательное» [3: 142]. Глубокое проникновение в смысл сказанного особенно заметно проявилось в несении гостиничного послушания о. Луки и общении с духовными чадами будущего старца.

1917–1922 годы являлись очень сложным временем в истории монастыря, ознаменованным масштабными процессами государственно-политического и церковно-административного характера. Однако это же время было отмечено чрезвычайно важными событиями в жизни монаха Луки. Он окончил монастырскую богословскую школу, был хиротонисан во дьякона, а затем во священника и назначен в постоянное послушание гостинника. Чтобы понять всю сложность и ответственность этого служения, надо представлять, что гостиница при монастыре, особенно крупном и часто посещаемом, это некая граница, разделяющая мир молитвенного уединения и пространство, из которого каждый монах когда-то ушел, «отвергаясь себя» (Мф. 16: 25). Но эта же «граница» могла стать видимым свидетельством «страннолюбия», как добродетели, основанной на христианской любви: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 7–8). Так монастыри «служили миру»: являли зримые примеры богоугодной жизни, социально-экономической поддержки,

духовной помощи, ибо «через страннолюбие некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13: 2). Именно гостиница монастыря, этот «странноприимный дом», должна была стать пространством, в котором странник мог почувствовать единство «во Христе». Конечно, гостиница монастыря не меняла человека, но она была частью пространства, где «ищущий Бога» мог измениться. Не случайно в древнехристианских монастырях пришедшего в обитель отдавали под начало гостинника, испытывая способность новичка к монашеской жизни⁸. Таким образом, заведование гостиницей Валаамского монастыря налагало на о. Луку ответственную миссию «рачительного служения» приезжающим: духовно-просветительского, организационно-административного и благотворительного. Очень чуткий в миссионерском плане, о. Лука смог организовать такую гостиничную службу, которая позволяла людям разной степени веры, социальной, половой, возрастной и этнической принадлежности увидеть пример евхаристической общины. Многолетняя переписка о. Луки с посетителями Валаама свидетельствует, что «для православных паломников обитель была духовной лечебницей» [3: 150]. Побывав в монастыре, люди возвращались в «свои места с душевным миром» [3: 151], получив «залог духовный» [3: 148]. Особенно ярко это проявилось тогда, когда Валаам оказался «за границей», на территории независимой Финляндии межвоенного периода. В эти годы миссия монастыря значительно расширилась. Это был уже не только «остров веры». Для представителей российской эмиграции это была зримая часть дореволюционной России, символ родной культуры и страны, потерянной в трагических событиях Гражданской войны. Иностранцев Валаам привлекал удивительной природой, красотой храмовой иконописи и архитектуры, загадочным миром православной братии. Эти изменения очень точно подметил о. Лука: «Приезжие бывают разнообразные. Конечно, русские нам ближе. Мы тот час разбираем, кто православные паломники и посещают службы, кто туристы»⁹. В свою очередь, одно из самых ярких описаний «хозяина гостиницы» дал писатель Б. К. Зайцев. О. Лука – «худой, слегка согбенный, в белом подряснике, с черной бородой, с иконописным лицом, прекрасными, как бы мистическими глазами; он медлен, сдержанно серьезен, спокоен, задумчив, с глубокой внутренней воспитанностью»¹⁰. При этом писатель искренне удивлялся, как при внешней неторопливости, при таком «непрерывном притоке и оттоке приезжающих» о. Лука все успевал: встречал, кормил, «упокоивал», разьяснял, раздавал ключи, ведь «целый день обращались к нему разными мелочами». Возможно, что объяснение этому было в самой природе монашеского послушания. То, что для писателя было «мирским делом», для

о. Луки являлось проявленной любовью к Богу, прпп. чудотворцам Валаамским и людям, приехавшим в святую обитель.

Являясь деятельным членом братства, о. Лука не мог остаться в стороне от внутренних проблем монастыря в вопросах гражданства, «календарных споров», обернувшихся 20-летним «нестроением» братии. Часть валаамцев была выслана с острова. Дальнейшая жизнь многих из них стала достоянием православной истории Европы и Америки. Иеромонах Лука, лишившись подданства Российской империи, не принял финляндского гражданства и заявил о твердой приверженности старому стилю. За «нарушение порядка и монастырского устава» в 1926 году церковный суд лишил о. Луку права священнослужения. Он же стал изучать историю христианства, события «великой схизмы», вероучительную суть инославных конфессий, делая вывод о недопустимости канонического общения с нарушителями Предания. На страницах дневника о. Луки, относящегося к этому периоду, изобилуют выписки из житийной литературы для духовного укрепления в правильности выбранной позиции. Он обращается к опыту св. Феодора Студита, боровшегося с ересью иконоборчества, св. Максима Исповедника, отстаивавшего неизменность церковных традиций: «Монах есть земной ангел и жизнь его должна быть ангельской... Дух Святой предаст анафеме даже Ангелов, если они стали бы благовествовать иначе, внося что-либо новое» [3: 143]. Братство мучительно переживало отсутствие единства, но в конечном итоге каждый насельник делал личный выбор, сообразуясь с осознанием высокой миссии Валаама и представлением о цели собственного монашеского служения. К 1935 году о. Лука так и не принял гражданства Финляндии, но «принес покаяние» и был восстановлен в праве богослужения. Среди причин данного шага не последнюю роль сыграло попечение гостиника Луки о «странноприимстве». Потребность туристов, а в особенности паломников, в прикосновении к таинству евхаристии, к миру святости в обители прпп. Сергия и Германа не должна была омрачиться «нестроениями» братства. Действительно, в конце 20-х–30-е годы прошлого века поток тех, кто стремился посетить Валаам, заметно ширился. Среди причин подобного явления было множество факторов, один из них – феномен так называемой религиозной весны русской эмиграции. Очень показательно это на примере «териокских посетителей» Валаамского монастыря. Териоки (Terijoki)¹¹, излюбленная территория дачного отдыха петербуржцев дореволюционной России, к 30-м годам XX века стала своеобразной столицей Карельского перешейка, неким мостом советско-финляндского пространства и своеобразным центром «русской колонии». Общественная жизнь Териок того времени была чрезвычайно

активна: концерты духовной и светской музыки, спортивные соревнования, литературно-музыкальные вечера, скаутское движение. Здесь сложилась устойчивая культурная традиция, основанная на русском языке и культурных ценностях дореволюционного времени. Несмотря на поликонфессиональное пространство Териок (лютеране, католики, мусульмане), определяющей доминантой был православный приход, организовывавший поездки на Валаам. Значительное место в жизни териокской православной общины играл князь А. В. Оболенский, крупный чиновник имперской России, один из лидеров партии октябристов. В Финляндии на оз. Иматра князь имел усадьбу; позднее он купил в Териоках дом и всю жизнь помогал Валааму материально: «Здесь уголок России, где еще все так, к чему мы привыкли и душевно, и духовно, – здесь Святая Русь»¹². А. В. Оболенский являлся ревностным исповедником православия, имел в доме «моленную», регулярно посещал церковные службы, исповедовался, причащался, особенно в поездках на Валаам. Многолетнее духовное общение о. Луки и А. В. Оболенского нашло отражение в их переписке. Князя, половина жизни которого прошла вдали от России, о. Лука утешает пастырским благословением: «Вы, где ни будете жить, жить будете своею внутренней жизнью». В то же время духовно опытному князю о. Лука доверяет и глубоко личное, словно исповедуясь: «... думаю о загробной жизни, о светлом будущем обители... Придет день и час, что надо предстать пред Богом и дать ответ за свою жизнь, но не нахожу дел, оправдывающих меня, всю надежду мою возлагаю на Его милость» [2: 296].

Помимо Валаама «териокские обитатели» часто ездили к православным святыням независимой Эстонии – в Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри. В этих православных центрах русскоязычные жители Финляндии и Эстонии соприкасались достаточно часто. Лица более старшего возраста были знакомы еще по «петербургскому» периоду, а молодежь – по участию в акциях Русского студенческого христианского союза. События 1917–1922 годов сформировали достаточно сложный состав православных общин Эстонии. Представители белых армий, беженцы, опанты, политические и этнические эмигранты оказались на территории независимой Эстонии в не менее сложных условиях, чем в Финляндии. Перенос на инонациональную почву такого масштабного общественно-культурного строя с доминантой русского языка сопровождался стремлением замкнуться на собственной идентичности, сохранить прежний мир с его духовными ценностями и передать традиции молодому поколению¹³. Несмотря на этнические, социальные и политические различия, этих людей объединяло православие, а Церковь становилась смыслом Бытия. К прпп. Сергию и Герману Ва-

лаамским ездили «соборно»: семьями, родители с детьми, школьники с учителями, прихожане со своими пастырями. Как раз с большинством из них общался неизменный «хозяин» гостиницы о. Лука. Примечательно, что со многими посетителями у него сложились не только теплые отношения, но и образовалась прочная духовная связь старца со своими чадами. Под влиянием этих тенденций организовывались социально значимые проекты, велась интенсивная образовательная и паломническая деятельность, а для части людей православное священнослужение стало смыслом жизни. Пример тому – деятельность о. Романа (Танга), о. Сергия (Четверикова), о. Михаила (Ридигера), о. Ростислава (Лозинского), о. Александра (Осипова). Очень точно это выразил Михаил Ридигер, тогда еще бухгалтер мебельной фабрики в Таллинне. Посетив Валаам в июне 1936 года, он благодарит о. Луку за гостеприимство. Биографическая часть письма – свидетельство типичной судьбы эмигранта: «... бежав из родной земли и живя вот уже 17 лет в Эстонии, пришлось много испытать и видеть, хорошего и тяжелого...»¹⁴ Все дальнейшее повествование письма-благодарности выражается одним словом «радость», которое автор употребляет 10 раз: радость от встречи с обителем, ее святынями, радость от таинств и молитвы, от бесед со старцами и общения с о. Лукой. Не случайно в 1938 и 1939 годах М. Ридигер, обучаясь на пастырско-богословских курсах, посещал Валаам уже с семьей, в том числе с сыном, будущим патриархом Алексием II. Вспоминая детство, патриарх отмечал, что «во многом эти два посещения определили мой жизненный путь». В памяти Алексия II остался и гостинник Лука – «внешне суровый, но душевный пастор»¹⁵. Так поездки на Валаам становились прикосновением к «истинно российской жизни, в которой православная обитель – один из ключевых образов духовной культуры русского зарубежья» [6].

Первыми посетителями Валаама из независимой Эстонии были «ревельские» и «нарвские». С 1928 года организацией поездок занимался паломнический центр, которым руководил В. И. Тирман. В православных изданиях Эстонии велась широкая информационная поддержка Валаама. Так, например, в Таллинне выходил журнал «Православный собеседник», печатавший новости с Валаама, а в Нарве выходил «Нарвский листок»¹⁶, где размещались объявления о поездках в монастырь. Активным популяризатором Валаама был преподаватель и общественный деятель М. Янсон, семья которого часто ездила на Валаам и также входила в круг респондентов о. Луки. Маршрут поездок был вариативен, но чаще выглядел так: пароход из Таллинна до Хельсинки, далее – поезд в Виппури (Выборг), оттуда – автобус до Сортавала и пароход по Ладоге до Валаама. В этот период международная

известность обители как культурно-исторического и сакрального центра православия была столь высока, что только в 1938 году «на Валааме побывали люди 26-ти национальностей, видите, как повсюду известен Валаам» [3: 148].

С началом событий Зимней войны Старый Валаам прекратил свое существование, сохраняя монашеские традиции в пространстве Ново-Валаамского монастыря. Однако связь со своими многолетними посетителями обитель не утратила. Конечно, эта связь была уже не на уровне непосредственных встреч, а в форме письменного общения, ограниченного цензурными рамками. Переписка о. Луки с А. В. Оболенским и сестрами Зиверт является точной иллюстрацией многих событий вокруг и внутри монастыря, персоналий российской эмиграции, духовничества самого старца на протяжении 1941–1951 годов. Так же как князь, сестры Светлана (Андро де Ланжерон) и Татьяна (Курсель) принадлежали к элитарной группе дореволюционного Петербурга. Покинув Россию, они пережили несколько волн эмиграции, много и часто ездили на Валаам. Сравнительный анализ писем о. Луки к этим людям позволяет выделить не только тематические линии общения, но и определить сходства и различия в адресных приоритетах автора. Ни в одном из 15 писем о. Лука не делает оценочных суждений происходящим явлениям военного и послевоенного периода. Все это скрыто за скупой формулировкой – «известные события». Единственный раз в письме князю от 16 февраля 1941 года он позволил себе фразу, полную трагического предчувствия: «Теперь так весь мир земной взволнован, что нельзя располагать на совершенное спокойствие. Часто приходится думать и о дальнейших скорбях» [2: 291]. В этом же письме о. Лука дает подробное описание «исхода» братии со Старого Валаама, где монахи уже готовились «перенести все тяжести»: растерянность старцев, состав групп, мрачность обстановки, маршрут эвакуации, бомбежки «русских аеропланов», горящие корпуса монастыря и при этом некое утешение – «гостиница целая осталась» [2: 291–292]. Перелившись вглубь Финляндии и оказавшись в тяжелых условиях выживания, монахи не прекращали «молитвенного делания», по-прежнему моля «Господа Бога, да дарует он мир миру своему» [2: 291]. Тема «Старый – Новый Валаам» присутствует практически в каждом письме о. Луки. Если Старый Валаам – это «духовная родина», где «все содействовало к возбуждению религиозного чувства» [3: 148], то Новый Валаам – это «деревня, где с Божьей помощью поустроили свою жизнь, но все не то». Пытаясь воссоздать Валаам на новом месте, братия посадила кругом цветы, в церкви разместила валаамские иконы: «Богослужения церковные справляем хорошо, по-валаамски, это и дает утешение в жизни» [3: 151]. О. Лука, лишившись

гостиничного хозяйства, нес тогда послушание в ризнице: «Стоишь за богослужением, как будто на Валааме, а выйдя, я вообразил, что нахожусь в чудных ранжереях и полях среди множества цветов» [2: 293–294].

Конечно, отсутствие гостиничного хозяйства на Новом Валааме, ограничивавшее «странноприимную» миссию монастыря, огорчало о. Луку: «Летом приезжали богомольцы прежние, валаамские, только у нас пока нет помещений для приезжающих» [3: 151]. Еще большее огорчение вызывало отсутствие «свежих сил». Монахи Старого Валаама умирали. Прочая братия болела, была изнурена тяжелыми работами, холодом, скудной пищей, внутренними «нестроениями» и неопределенностью своего положения: «Старцы переходят в загробный мир, новых сил нет, так как молодое поколение не способно к монашеской жизни по вольности духа» [3: 154]. Образ Старого Валаама не отпускал в надеждах на возвращение. Эта тема в письмах о. Луки присутствует постоянно, но интенсивность ее и характер повествований менялись под влиянием внешних факторов. Если в первые месяцы Зимней войны это «возвращение» без каких-либо хронологических рамок, то после высадки финского десанта на остров и командировки туда монахов с конца 1941 до середины 1944 года надежды на возвращение приобрели более явный характер. Примечательно, что даже в этой ситуации о. Лука оставался «странноприимцем», думал о паломниках и о той миссии, которую нес православным Старый Валаам: «...надеюсь, что Господь сподобит нас вернуться, тогда посетители, чтущие преподобных, будут посещать Святую обитель и мы совместно будем возносить благодарение Господу Богу и Его Угодникам Сергию и Герману» [3: 150]. Идеи Соборности, совместной молитвы, таинства Евхаристии служили выражением глубокого духовного значения, которое имел и должен был нести воссоздаваемый Валаам. Анализируя письма о. Луки, можно сделать вывод, что миссию служения Валаамского монастыря «миру» он видел в единении людей в православную общину монашествующих и мирян вне государственных, этнических и политических границ. В центре этого единения – Литургическая Чаша, мощи прпп. Сергия и Германа и монастырь, освященный молитвенными подвигами святых отцов. Словами старца-духовника он обращается к тем, кого раскидали по миру события XX века: «Географически мы далеко друг от друга стоим, но молитвенным духом мы соединяемся» [3: 148].

Старческое служение о. Луки особенно ярко проявилось в посланиях к сестрам Зиверт. Письма содержат важную информацию о валаамском сообществе, сложившемся из представителей российской эмиграции в паломнических поездках на Валаам. В письмах «странноприимца»

Луки, словно в монастырской гостинице, все снова собираются вместе: монахи и миряне, ближние и дальние, старые и молодые, пастыри и паства. Всех их объединяет «свет Валаама»: «...о. Михаил Ридигер писал, что он был в больнице, неудивительно заболеть, пережив такие ужасы. О. Иоанн Богоявленский и О. Александр Осипов в Ленинграде в Духовной Академии ректор и преподаватель» [3: 150]. Письма о. Луки – это и своеобразная форма взаимопомощи «единым во Христе»: «В Аргентине есть мои хорошие знакомые муж и жена, православные, много раз были на Валааме, с событиями выехали из Финляндии и устроились в Аргентине. Прилагаю их адреса, быть может, чем-либо можете быть полезны друг для друга» [3: 148]. Иногда через письма он сам разыскивает людей, чьи судьбы очень тревожат о. Луку. Так, зимой 1941 года он очень просит Татьяну Зиверт разыскать в Берлине профессора церковной истории И. А. Стратонова. Ровесник о. Луки, он был выслан из СССР на знаменитом «философском теплоходе», эмигрировал в Европу, приезжал на Валаам. В годы Второй мировой войны профессор оказался в оккупированном Париже, активно собирал гуманитарную помощь для СССР. С какой целью искал о. Лука И. А. Стратонова, от чего хотел предостеречь – из писем не известно. Однако уже вскоре профессор был арестован гестапо и погиб в концлагере.

Анализ переписки о. Луки позволяет прикоснуться к его старческой деятельности. Этому явлению православного служения иеромонаха способствовало многое: сохраненные и глубоко воспринятые о. Лукой традиции валаамского старчества, личностный опыт Богообщения, знание людей через послушание гостинника и пастырское служение, а также внешние условия, рассеявшие валаамскую «семью» по всему миру. Как когда-то свт. Игнатий (Брянчанинов), о. Лука накапливал опыт старчества через письменное общение с духовными чадами, чтобы в последний период своей жизни явить его непосредственным общением с православными в Псково-Печерском монастыре. При этом слова духовного назидания писем о. Луки не поверхностны, хотя полны искреннего утешения, не раздражают, хотя полны духовной твердости, они написаны простым, доступным языком и преисполнены христианской любви. Его духовные наставления – прямое проявление старческого опыта предшественников – помогают «сердцем внимательным». Чад, скорбящих от тягот войны и эмиграции, о. Лука наставляет в молитвенном делании: «Кто молится Господу Богу о спасении своей души и ближнего, того Господь не оставляет... сверх наших сил Господь не дает нам испытания» [3: 149]. В минуту тяжких испытаний о. Лука советует «не унывать»: «Уныние – дело тяжелое, но не придавайтесь ему, это дела врага злого духа... В Царствие Небесное нуждницы

входят» [3: 152]. На вопрос духовных чад о том, как спастись в мире, о. Лука отвечает очень просто: «Вы пишете о спасении души... Если соблюдать закон совести, то Господь внушает чрез ангела добрые мысли» [3: 150]. Многие бывшие паломники Валаама жаловались о. Луке, что лишены теперь этой возможности. На это о. Лука отвечает: «...хорошо иметь живые примеры благочестия, но когда их нет, то надо находить себе утешение в святоотеческих книгах и молитве, в леность не впадать» [3: 154]. А для душеспасительного назидания он советовал читать книги Отцов Церкви: Иоанна Златоуста, Тихона Задонского, Нила Сорского, Димитрия Ростовского. При этом излишним считал мирянам постигать аскетическую литературу, предназначенную для монахов, например произведения Исаака Сирина: «Книга хорошая, но строгого характера» [3: 149]. При первой же возможности о. Лука сам отсылал книги своим духовным детям, например, акафист прп. Сергию и Герману¹⁷ или сборник «Умное делание. О молитве Иисусовой»¹⁸.

Сильное беспокойство о. Луки вызывало присутствие духовных чад в инославной среде Европы и Латинской Америки. Валаамские монахи, окруженные в Финляндии лютеранским большинством, прекрасно понимали духовную опасность такого соседства. На обращение Татьяны Зиверт (Курсель) к о. Луке за советом о переезде на жительство в перуанскую Лиму старец спрашивает не о материальном, а о «духовном окормлении»: «Есть ли там православный священник, какая-либо православная церковь поблизости или куда-либо можно съездить хотя бы 3 или 4 раза в год в праздники помолиться Богу и причаститься св. Христовых Таин?» [3: 151]. На вопрос о возможности молиться в католических и лютеранских храмах о. Лука дает отрицательный ответ, ссылаясь на Писание: «преподобными преподобный будешь» (Пс. 17: 26). Надо заметить, что старчество о. Луки по отношению к своим чадам имело отрадный результат. Так, например, Татьяна Зиверт (Курсель), переехав в Лиму, стала активным членом русской общины города. Не имея православного храма и священника, колония давала благотворительные концерты, собирая личные средства. Так в Лиме в 1955 году появился первый православный храм – Свято-Троицкая церковь. Богослужения в ней совершал иеромонах Серафим (Фетисов), эмигрировавший из Европы. Пристанищем ему долгие годы был дом семьи Татьяны, которая выполняла при храме послушание псаломщика.

С новой интенсивностью тема возвращения монахов на Старый Валаам проявилась в 1945 году после визита в обитель представителя Московской Патриархии митрополита Григория (Чукова). По просьбе братии он совершил над братией чин «покаяние за отступление от Матери Церкви Российской»: «20 лет жили в разделении,

все этим тяготились, теперь все молим Богу и служим вместе, по старому стилю все празднуем... очень всем нам желательно вернуться в свою обитель и закончить дни своей жизни» [2: 298]. Большое впечатление на о. Луку произвели слова митрополита о восстановлении православных традиций в советской России: «...много открыто монастырей и святые мощи возвращают в монастыри». Эти слова нашли реальное подтверждение в рассказах игумена Иеронима (Григорьева), бывшего в послевоенном Ленинграде на посвящении в сан. О. Лука делится этой радостью с духовными чадами в эмиграции: «Русские люди, как были прежде, приветливы и гостеприимны, они много всего пережили, теперь в народе большой религиозный подъем, усердно посещают церковные Богослужения, усердно молятся Богу» [3: 153]. Своеобразной иллюстрацией сказанному о. Лука приводит описания многолюдных служб в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Ленинграда, который многие эмигранты помнили еще по петербургскому периоду. Однако о. Лука не знал, что вопрос о Валааме и возвращении монахов был предметом многолетних тяжб светских, духовных структур, причем на межгосударственном уровне. Как свидетельствуют источники, возвращение валаамцев планировалось как фактор прекращения канонических споров РПЦ и ФПЦ, но никак не на Старый Валаам. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР считал, что «вопрос о монахах Валаама целесообразно было бы разрешить». В докладе завотделом Совета Г. Т. Уткина, ближайшего помощника Г. Г. Карпова, отмечалось: «Вывоз монахов в СССР способствовал бы разрядке напряженности во взаимоотношениях между церковниками и дал бы возможность приступить к переговорам о нормализации отношений. Поскольку вывезти монахов на Валаам не представляется возможным, надо после получения разрешения вывезти их в один из действующих монастырей»¹⁹. О признании Московским Патриархатом автономии ФПЦ в 1957 году монахам объявил митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Это означало молитвенно-каноническое подчинение Валаамского монастыря ФПЦ и сильно «опечалило братию» [5: 332]. Дальнейшие события снова заставили делать выбор: остаться на Новом Валааме, где тяжело, но все же спокойно и стабильно, или совершить очередную «исход» в совершенно неизвестную страну, но все же Россию? Весной 1957 года о. Лука с 6 валаамцами покидает Финляндию и едет «на родину». Ему 76 лет, он 52 года жил в монастыре, покинул Российскую империю почти 40 лет назад и все годы жил в Финляндии без гражданства. О. Лука был тяжело болен физически, но духовно по-прежнему являлся «воином Христовым», какими засвидетельствовала их апостольская традиция. Переезд в СССР подвергал опасности

продолжение его переписки с духовными чадами за рубежом, а также прекращал возможность личных встреч с представителями российской эмиграции. Определить, понимал ли он это по имеющимся источникам, невозможно. Можно только догадываться, как поражали старцев картины советской России, увиденные ими из окна поезда.

Несмотря на «безбожные» пятилетки, к 1957 году на территории СССР были действующие монастыри. Однако большинство из них являлись женскими обителями. Очень неравномерной была и география расположения монастырей – преимущественно юго-западная часть СССР. Это объяснялось результатами территориальных итогов Второй мировой войны и внутригосударственного строительства в республиках, бывших в зонах немецкой и румынской оккупации. Вопрос о пребывании валаамцев был решен в пользу монастырей Молдавии. Можно предположить, что оставлять старцев в других обителях (Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лаврах, Псково-Печерском монастыре) власти посчитали «нецелесообразным» ввиду опасной перспективы усиления религиозности населения под влиянием старцев. Нельзя не учитывать и того, что языковой барьер с монахами в Молдавии мог создавать естественную преграду в передаче традиций, в богослужении, книжности. Конечно, с историей православия в Молдавии валаамцы были хорошо знакомы: это и деятельность прп. Паисия (Величковского) с учениками, воспринятая монахами – последователями «умного делания» на Валааме; это и старчество молдавского уроженца прп. Антипы Афонского на Валааме; это и знаменитые скальные обители Молдавии, сохранявшие традиции Афона. Но с 1949 года в советской Молдавии проводилась интенсивная политика закрытия монастырей, ликвидация их хозяйств, превращения обителей в интернаты и больницы. Поэтому прибытие валаамцев в Молдавию в 1957 году не только не способствовало «молитвенному деланию» старцев, а угрожало им физической гибелью. С большими усилиями, но через несколько месяцев их удалось перевезти в Псково-Печерский монастырь²⁰.

Очередной «исход» престарелых монахов был трудным, но, как показали последующие события, своевременным. Можно предположить, что масштабная антирелигиозная кампания в СССР, начавшаяся в 1958 году, могла обернуться для них более трагичными последствиями. При всех трудностях Псково-Печерской обители, жившей под прессингом атеистического государства, там совершался полный круг богослужений, росло монашеское братство, шел непрерывный поток мирян. Таким образом, последний период своей земной жизни (1957–1968 годы) о. Лука провел в данной обители. Свидетельств о жизни старца в эти годы достаточно мало. Пока

хватало физических сил о. Лука исповедовал людей, продолжал переписку и своим поведением свидетельствовал о «правде во Христе»: «Он был добрый, горбатенький, никогда не раздражался. К нему приходили с духовными и даже житейскими вопросами – он всем старался ответить» [3: 155]. Здесь же старец принял схиму – «великий ангельский образ» и, как награду, сан игумена. Духовный опыт Старого Валаама, сохраненный старцами, передан в преемственности молодым инокам. То, что стало невозможным в Ново-Валаамской обители из-за отсутствия «свежих сил», реализовалось передачей традиции монашеского «делания» в стенах Псково-Печерского монастыря: «Эта традиция проявилась во всем – в молитве, в богослужении, в отношении братьев между собой, в пастырском окормлении верующих христиан»²¹. Усердием валаамских старцев в устав монастыря полиелейной службой с акафистом вошло почитание прпп. Сергия и Германа. Так же, как и на Старом Валааме, была заведена традиция неизменности послушания, чтобы у исполняющего его «появился навык». Валаамская обитель продолжала быть предметом утешения о. Луки: в воспоминаниях, в келейных иконах, в фотоальбоме, в молитвах к Божией Матери и прпп. Сергию и Герману. Он остался «валаамским странноприимцем», встречающим, как когда-то в валаамской гостинице, множество людей и отличающимся духовной

чуткостью к их потребностям: «Для всех у него хватало времени, энергии и любви»²². Так Валаамский монастырь, не существуя реально, был воссоздан духовно. Так продолжилась миссия монастыря в служении «миру», где гостиница – «странноприимный дом», в котором человек должен видеть «залог Христовой любви в Духе Святе» [3: 150], чувствовать «единство во Христе». Не случайно гостинник Лука называл это крестом «странноприимства».

Через 20 лет после кончины о. Луки на Валаамском острове появились первые монахи и началось возрождение обители. С созданием паломнической и гостиничной служб монастыря вопрос о пребывании на острове трудников, паломников, туристов и волонтеров не стал менее актуальным. В этой связи многомерный опыт гостинника Луки, запечатленный в воспоминаниях и письмах, имеет важный ресурс. На примере жизнедеятельности схиигумена Луки можно видеть реализацию миссии монастыря в служении «миру» в условиях XX века. Вопрос о совместимости монашества с видами активной деятельности Церкви является дискуссионным²³. Пример монашеского служения схиигумена Луки (Земскова) свидетельствует об успешной практике подобной деятельности в богословской, духовно-просветительской, организационно-административной и культурно-исторической сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шатов Д. Старчество Валаамских подвижников в XVIII–XIX вв.: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008 [машинопись].
- ² Тетрадь схиигумена Луки [рукопись]. Личный архив митрофорного протоиерея Олега Тэора (Псков).
- ³ Третьяков С. В., иерей. Схиигумен Лука (Земсков) // Православный христианин. Калуга, 2011. № 4. С. 17–20.
- ⁴ Матвеев А. К. Субстратная топонимия русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 3–23.
- ⁵ Величайшая святыня. Животворящий Крест Господень. История явления и многовековое служение нашему отечеству / Сост. Е. К. Бессмертная. М.: Алгоритм, 2005. 205 с.
- ⁶ Монастыри и храмы земли Ярославской: В 3 т. / Авт.-сост. М. Шиманская, С. Метелица; Ред. Л. Шаматонова. Т. 2. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2000. 397 с.
- ⁷ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2 / Сост. и подгот. текста Е. Воропаевой и А. Тархова; Коммент. Е. Воропаевой. М.: Художественная литература: ТЕРРА, 1993. С. 325.
- ⁸ Хосроев А. Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монастыря в Египте. СПб.: Нестор-история, 2004. С. 204.
- ⁹ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2. С. 311–312.
- ¹⁰ Там же. С. 295, 310–313.
- ¹¹ Современный Зеленогорск Российской Федерации.
- ¹² Оболенский А. В. Мои воспоминания и размышления. Брюссель, 1961. С. 104.
- ¹³ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Ред. В. Г. Исаков. Тарту; СПб., 2001. С. 9.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 762. Оп. 1. Д. 12/138. Л. 145. Письмо М. Ридигера о. Луке от 10 июля 1936 г.
- ¹⁵ Старый Валаам: воспоминания о монастыре 1914–1943 / Сост. В. Ф. Киселькова. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2006. С. 27.
- ¹⁶ Экскурсия на Валаам // Старый нарвский листок. 1936. 18 мая. № 53.
- ¹⁷ Написан на Валааме в 1907 году архиепископом Финляндским и Выборгским Сергием (Страгородским).
- ¹⁸ Составлен и издан на Валааме в 1936 году игуменом Харитоном при содействии прот. Сергия (Четверикова).
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 222. Л. 108. Доклад заведующего Центральным Отделом Совета по делам ПРЦ при Совмине СССР Г. Т. Уткина.
- ²⁰ У «пещер Богом зданных»: Псково-печерские подвижники благочестия XX века / Сост. Ю. Г. Малков, П. Ю. Малков. М.: Правило веры, 2003. 560 с.
- ²¹ Тихон (Секретарев), архим. «Главное – научить народ молиться» (pravoslavie.ru).
- ²² Вечная память почившим: схиигумен Лука (некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 2. С. 30.
- ²³ Дионисий (Шлёнов), игум. Три монашеских обета: каноническое и богословское содержание // Монастыри и монашество: традиции и современность: Международная богословская научно-практическая конференция в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. М.: Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, 2013. 224 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валаамский монастырь и его подвижники / Ред.-сост.: свящ. Александр Берташ и др. Изд. 4-е, испр., доп. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2005. 415 с.
2. Письма Нового Валаама: Письма иеромонаха Луки (Земскова) / Публ. Т. И. Шевченко // Альфа и Омега. 2010. № 3. С. 288–299.
3. Полный Валаамский патерик: схиигумен Лука странноприимец Валаамский // Русский Паломник. 2008. № 43. С. 136–156.
4. Третьяков Сергей, свящ. Валаамские светильники духа. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. 800 с.
5. Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957) / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 500 с.
6. Шор Т. К. «О, дивный остров Валаам!»: паломничество на Валаам в русской литературе и публицистике Эстонии в 1930-е гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 121–144.
7. Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (Из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997. 204 с.

Ruzhinskaya I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE HEGUMEN LUKE (ZEMSKOV):
ORTHODOX MONASTICISM IN THE REALITIES OF THE XXTH CENTURY**

The article investigates the life and spiritual ministry of hieromonk Luke (1880–1968). This example allows us to consider the evolution of the Valaam monastery under the influence of external circumstances and characteristics of internal development. Epistolary heritage of hieromonk Luke constitutes the main part of the research sources. It was been published only partly, therefore there is much to be studied yet. Systematization and comparison of documents enables the analysis of the experience of monastic obedience, prayer, a missionary to be made. The study of this experience demonstrates the continuity traditions of the Russian asceticism of the Valaam Monastery in Pskov-Pechersk monastery. The author concludes that the institution of asceticism through Valaam Monastery was the spiritual center for Russian immigrants outside political boundaries. Spiritual experience of abbot Luke is of importance today. Administrative management and pastoral-missionary forms of Luke acting as a “*gostinnik*” (a “*guest*”) is particularly relevant today. This is important for the organization of the pilgrimage monasteries services, for the tourism industry, for work with those who visit the shrines of the Orthodox world.

Key words: Orthodox Christianity, Valaam, monasticism, pilgrimages, institution of asceticism, Russian emigration

REFERENCES

1. *Valaamskiy monastyr' i ego podvizhniki* [Valaam Monastery and its ascetics] / Editor and compiler: svyashch. Aleksandr Bertash i dr. St. Petersburg, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr' Publ., 2005. 415 p.
2. Letters of the New Valaam: Letters of hieromonk Luke (Zemskova) [Pis'ma Novogo Valaama: Pis'ma ieromonakha Luki (Zemskova)] / Publ. T. I. Shevchenko. *Al'fa i Omega*. 2010. № 3. P. 288–299.
3. The full Valaam Patericon: hegumen Luka, a hospitable person of Valaam [Polnyy Valaamskiy paterik: sхиигумен Лука странноприимец Валаамский]. *Russkiy Palomnik*. 2008. № 43. P. 136–156.
4. Tret'yakov Sergiy, svyashch. *Valaamskie svetil'niki dukha. XX vek* [Valaam spirit. The twentieth century]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 2015. 800 p.
5. Shevchenko T. I. *Valaamskiy monastyr' i stanovlenie Finlyandskoy Pravoslavnoy Tserkvi (1917–1957)* [Valaam Monastery and the formation of the Finnish Orthodox Church (1917–1957)] / Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, 2012. 500 p.
6. Shor T. K. “On the wonderful island Valaam!”: The pilgrimage to Valaam in Russian literature and journalism of Estonia in the 1930s. [“O, divnyy ostrov Valaam!”: palomничество на Валаам в русской литературе и публицистике Эстонии в 1930-е гг.]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2011. P. 121–144.
7. Yarovoy O. A., Smirnova I. A. *Valaamskiy monastyr' i pravoslavnyaya tserkov' v Finlyandii: 1880–1930-e gg. (Iz istorii finnizatsii pravoslavnoy konfessii)* [Valamo monastery and the Orthodox Church in Finland: 1880–1930-ies (From the history of Finnianisation of Orthodox religion)]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN, 1997. 204 p.

Поступила в редакцию 01.12.2015

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
naturv@mail.ru

ОЛОНЕЦКИЙ ОТДЕЛ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

В начале XXI века Императорское православное палестинское общество проводит работу по возрождению региональных отделов в России и за рубежом. Это обстоятельство делает актуальным изучение их деятельности в дореволюционный период. Исследование функционирования епархиального отдела в Олонецкой губернии в организационной структуре Палестинского общества ранее не предпринималось, поэтому главными задачами являются: изучение истории создания Олонецкого отдела Императорского православного палестинского общества; анализ форм религиозно-просветительской работы населения; рассмотрение источников финансирования Общества.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, Олонецкая губерния, православное паломничество

Православное палестинское общество и проект его Устава были утверждены Указом императора Александра III. 21 мая 1882 года в Санкт-Петербурге состоялось его торжественное открытие. С 1899 года организация была принята под высочайшее покровительство Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича и поэтому получила название Императорского православного палестинского общества (далее ИППО).

Основными задачами Общества являлись сбор, распространение в России сведений о святых местах Востока, содействие русским паломникам, идущим на поклонение к Гробу Господню, к святыням Востока, научное палестиноведение. ИППО строило школы, больницы, странноприимные дома, оказывало материальное пособие местным жителям, церквям, монастырям и духовенству, занималось восстановлением и укреплением православия среди населения Святой земли.

Для осуществления всех целей Общества постоянно требовались деньги. С момента образования по благословению Святейшего Синода Обществу было разрешено производить во всех церквях Российской империи денежный сбор для православных Иерусалима и Святой земли. Этот сбор являлся единственным крупным источником денежных поступлений на нужды Общества.

ИППО могло «открывать по мере надобности свои отделы в городах Империи. Отделы Общества имели своей целью: распространять сведения о целях ИППО; привлекать новых членов в Общество; принимать все дозволенные уставом Общества меры к увеличению материальных средств Общества и исполнять возлагаемые на них Обществом поручения»¹. Региональные отделы организовывались по усмотрению Совета Общества и с согласия местного начальства.

Согласно § 3 дополнения к Уставу, епархиальные отделы открывались, если имелось достаточное количество человек – не менее десяти². С 1893 года начали создаваться местные отделы, благодаря которым существенно увеличился рост членов ИППО и, как следствие этого, возросли суммы от собираемых им членских взносов.

11 апреля 1899 года в день Входа Господня в Иерусалим в Петрозаводске открылся Олонецкий отдел Императорского православного палестинского общества. Его Императорское Высочество Великий князь Сергей Александрович обратился с рескриптом на имя Его Преосвященного Назария, епископа Олонецкого и Петрозаводского³, в котором он высказал свое намерение открыть в Олонецкой епархии Отдел Общества. В статье «Предложение Его Преосвященства о. о. настоятелям монастырей, благочинным и приходским священникам» Великий князь Сергей Александрович еще раз пишет об этом: «Во исполнение желания Его Императорского Высочества и побуждаясь собственною любовью к делу, которому служит Императорское Палестинское Общество, я предложил в предстоящий день Входа Господа в Иерусалим открыть в Олонецкой епархии Отдел сего Общества»⁴. Владыка откликнулся на слова рескрипта Председателя Палестинского общества и обратился к духовенству с особым предложением. Выражая свою архипастырскую благодарность духовенству за труды по сбору пожертвований на нужды Общества и объявляя о своем намерении открыть Олонецкий отдел ИППО, владыка говорил: «Я надеюсь, что, проникнувшись самым искренним сочувствием к задачам и деятельности Общества, отцы вызовут такое же сочувствие и у своих духовных чад»⁵.

Для ознакомления журнал «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее ОЕВ) опубликовал

Устав ИППО⁶ и Правила для принятия в члены ИППО⁷. 11 апреля 1899 года запись лиц, изъявивших желание быть членами местного Отдела, проходила в Олонецкой духовной семинарии. Обязанности председателя принял на себя Его Преосвященство Преосвященнейший Назарий, епископ Олонецкий и Петрозаводский. По предложению владыки товарищем председателя единогласно избран князь, Олонецкий вице-губернатор Сергей Александрович Вяземский, казначеем – управляющий Казенной палатой Николай Петрович Бильбасов и кандидатом казначея – инспектор народных училищ Федор Федорович Чудинов. После избрания всех должностных лиц сроком на три года Олонецкий отдел ИППО был открыт⁸. На имя Августейшего председателя Палестинского общества Великого князя Сергея Александровича была отправлена телеграмма об открытии Отдела. В заключение мероприятия преподаватель Олонецкой духовной семинарии С. А. Лосев прочел речь «О гробе Господнем»⁹.

Лица, желающие вступить в члены ИППО, должны были написать заявление в Совет ИППО, в местный Отдел или уполномоченному Общества. По § 23 Устава ежегодный взнос действительного члена составлял 25 рублей серебром, члена-сотрудника – 10 рублей серебром. Его можно было заменить единовременным взносом (500 рублей серебром и 200 рублей серебром соответственно). Такие суммы были высоки для представителей разных сословий. В ежегодном отчете за 1911–1912 годы отмечалось, что привлечение новых членов в Общество затруднено из-за высокого членского взноса¹⁰. Среди сотрудников имелись задолженности по уплате членских взносов. В отчете Олонецкого отдела ИППО за 1909–1910 годы отмечается, что инспектор Олонецкой духовной семинарии статский советник Василий Иванович Лебедев и купец Иван Егорович Афонькин сделали последний взнос в 1906 году, а протоиерей Владимир Иванович Разумов – в 1907 году¹¹.

Большое место в жизни Епархиального отдела занимала забота о подготовке и проведении вербных сборов. Главным источником денежных средств Палестинского общества были добровольные пожертвования православных в Вербную неделю. По благословению Святейшего Синода в праздник Входа Господня в Иерусалим объявлялся тарелочный или кружковой сбор пожертвований на улучшение быта русских паломников и для помощи православным в Иерусалиме и Святой земле. С каждым годом количество паломников росло, и ИППО приходилось заботиться о большом количестве богомольцев, а средств на это не хватало. Для сбора средств на нужды Палестинского общества в ОЕВ публиковались рескрипты Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича и Ее

Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Феодоровны на имя Его Преосвященства и правила для сбора пожертвований.

Олонецкий отдел ИППО ежегодно рассылал письма к настоятелям и старостам городских и некоторых сельских церквей епархии о производстве разрешенного Святейшим Синодом Палестинскому обществу сбора во всех церквях России и на службах Вербной недели, воззвания и собеседования, разъясняющие цель и значение церковного сбора, а также листки для их бесплатной раздачи в церквях. Деньги от настоятелей церквей высылались в Олонецкую духовную консисторию, которая затем препровождала их через хозяйственное отделение Святейшего Синода в Совет Общества. Заботясь об увеличении средств Общества, Отдел, помимо приглашения лиц в число членов Палестинского общества, занимался сбором пожертвований по сборным листам и квитанционным книжкам. В течение года в церквях проводились различные благотворительные сборы, поэтому сбор денег в неделю Вайи (Вход Господень в Иерусалим) мог оставаться незамеченным. В 1909 году для лучшей организации пожертвований в эту праздничную неделю в тех приходах, где церковные старосты не обнаруживали особого усердия, привлекались прихожане, пользующиеся уважением среди населения.

Высочайше утвержденное 2 марта 1885 года дополнение к Уставу Палестинского общества поставило главной целью деятельности отделов распространение сведений о Святой земле¹². В 1901 году были разработаны «Руководящие правила для действия отделов ИППО», согласно которым основной формой работы с населением являлось проведение бесед, чтений и собеседований, знакомящих с прошлым и настоящим Святых мест Востока и его священно-историческими памятниками. В 6-м приложении опубликованы Правила для устройства и ведения чтений о Святой земле. В Олонецком отделе ИППО была сформирована Комиссия по устройству духовно-нравственных чтений. В ее состав входили: протоиерей Николай Кириллович Чуков, священник Александр Петрович Воскресенский, Сергей Анатольевич Левицкий, секретарь Губернской управы и казначей-делопроизводитель Отдела Иван Сергеевич Борзецовский. В 1910 году Комиссия была упразднена. Организация Палестинских чтений являлась одной из важных форм работы епархиальных отделов ИППО. Первые чтения в Петрозаводске были проведены в 1901 году ректором Олонецкой духовной семинарии Евгением Мерцаловым¹³. В Братском Назарьевском доме слушателей знакомили со святынями Палестины по изданиям Палестинского общества. Чтения сопровождалась церковными песнопениями. Для привлечения широкого круга населения использовался «волшебный

фонарь» для иллюстрации туманных картинок. После чтений бесплатно раздавали издания ИППО: палестинские листки, брошюры и виды Святой земли. В 1909 году Палестинские чтения устраивались совместно с Петрозаводским уездным комитетом попечительства о народной трезвости в Петрозаводском Народном доме. Чтения о Святой земле проходили в здании Никольской (Голиковской) церковно-приходской школы¹⁴ и в Сулажгорской церковно-приходской школе. Лекторами были ректоры Олонецкой духовной семинарии, преподаватели епархиального женского училища, женской гимназии, епархиальные миссионеры-проповедники и иеромонахи.

Для организации народных чтений и беседований о Святой земле привлекались уполномоченные. В Петрозаводске была избрана особая комиссия в числе трех человек, в уездных городах устройство чтений поручено уездным протоиереям, а в уездах – уездным наблюдателям церковных школ. В начале 1910 года этим лицам был разослан присланный Палестинским обществом материал: 302 книжки для чтения и 16 000 экземпляров листков с видами Святой земли для бесплатной раздачи слушателям. Уполномоченные должны были: «1) отнестись к делу устройства Палестинских чтений с душевным участием так, чтобы чтения приносили действительную пользу слушателям; 2) доставить в Отдел не позже 1-го апреля сведения о сих чтениях, именно: где, когда и сколько раз они велись, что именно читалось и раздавалось, сколько было слушателей, что особенно понравилось и т. д.»¹⁵ В отчетах Олонецкого отдела ИППО часто сообщалось, что материалов для устройства чтений и беседований о Святой земле не хватало. Зачастую они приходили от Совета Общества несвоевременно. Это существенно затрудняло проведение мероприятий. Епархиальный отдел рекомендовал пользоваться уездным наблюдателям церковных школ материалами прежних лет, не дожидаясь новых брошюр и листков.

Палестинские чтения и вечера становились ярким событием в религиозной жизни губернии. Они проводились в воскресные и праздничные дни законоучителями, учителями и учительницами школ и училищ в уездных городах (Олонце, Вытегре, Каргополе, Пудоже, Повенце) и уездах (Повенецком, Каргопольском, Пудожском, Лодейнопольском). Слушающих всегда было много. В 1909 году в городе Олонце на вечер собралось не менее 500 человек¹⁶. Чтения сопровождалась молитвами и церковными песнопениями, выступлениями хоров учебных заведений, туманными картинками и игрою на граммофоне, исполнением стихотворений. Слушателям могло быть предложено до одиннадцати номеров.

Особую ценность для исследователей русского паломнического движения представляются источники личного происхождения – вос-

поминания и дневники о посещении Святой земли, опубликованные на страницах ОЕВ [1]. Поездка в Палестину священника, преподавателя Олонецкой духовной семинарии Евгения Мерцалова, впоследствии епископа Олонецкого и Петрозаводского, состоялась летом 1899 года. Дневник «От Петрозаводска до Иерусалима и обратно (Путевые заметки и впечатления паломника)» печатался в период с 1899 по 1901 год¹⁷. В 1902 году он публиковался только в трех номерах журнала¹⁸. В дневнике описывается период с 18 мая до 21 июня 1899 года. В паломнических заметках автор не рассказал о своих последних днях пребывания на Святой земле. Дневник заканчивается на главе «VIII. Гефсиманская весь. Вифания. Сион». Этому помешали объективные обстоятельства. В 1901 году Е. Мерцалов занял должность инспектора Олонецкой духовной семинарии. Определением Святейшего Синода от 20–21 февраля 1902 года за № 761 инспектор Олонецкой духовной семинарии иеромонах Евгений (Мерцалов) назначен ректором Олонецкой духовной семинарии с возведением в сан архимандрита¹⁹. Отдельный оттиск в литературной обработке под тем же названием вышел в Петрозаводске в 1900 году в двух выпусках (Вып. 1 «До Иерусалима» и Вып. 2 «Св. град Иерусалим и его окрестности») ²⁰. В 2014 году дневник опубликован со вступительной статьей доктора исторических наук К. Е. Балдина в рамках издательской и научной деятельности ИППО [1].

Отец Евгений вошел в состав комиссии для выработки программы религиозно-нравственных чтений в Братском доме и сам регулярно в них участвовал. Своими впечатлениями о Святой земле Е. Мерцалов делился и в устной форме на Палестинских чтениях. В 1900–1901 годах он выступал 19 раз (всего в тот год состоялось 29 чтений)²¹. 27 декабря 1900 года на собрании членов Олонецкого отдела ИППО и 19 мая 1902 года на годичном собрании Олонецкого отдела ИППО он прочитал очерки «Вифлеем»²² и «Горная»²³. Эти и другие путевые заметки были опубликованы в журнале «ОЕВ»²⁴. Все они пользовались большим спросом, поэтому изданы в виде оттисков²⁵, которые использовались при организации Палестинских чтений и вечеров.

Указом Святейшего Синода от 8 января 1903 года за № 129 архимандрит Евгений Мерцалов перемещен на должность ректора Тверской духовной семинарии²⁶. 23 ноября 1907 года император Николай II утвердил синодальный доклад «об учреждении во Владимирской епархии на местные средства кафедры второго викариального епископа, с присвоением ему наименования Муромского и с переименованием первого викария в епископа Юрьевского и о бытии ректору Тверской духовной семинарии архимандриту Евгению епископом Муромским»²⁷. Хиротония состоялась 16 декабря в Троицком соборе

Александр-Невской лавры в Санкт-Петербурге [2: 332]. В 1909–1910 годах он переиздал в Муро-ме свои «палестинские» очерки²⁸.

«Хождение» в Святую землю совершил священник Петрозаводской больничной церкви Владимир Крючков. Его паломнические воспоминания напечатаны в семи номерах «ОЕВ» в 1912 году²⁹.

Весной 1911 года в Иерусалиме побывал священник Усть-Колодского прихода Пудожского уезда Владимир Звероловлев. Секретарь Палестинского общества Алексей Дмитриевский выразил ему глубокую благодарность за теплое и сердечное внимание, с которым он отнесся «к простым русским богомольцам на пути в Свя-тую Землю, назидая их во время длительного проезда на пароходе общею молитвою и рели-гиозными беседами»³⁰. На его имя заказной бан-деролью был выслан 4-й выпуск «Сообщений Общества» за 1911 год, в котором помещена ста-тья «Священник В. Звероловлев в роли духовного

вождя на пути в Святую Землю»³¹. В своих шести Палестинских чтениях он подробно рассказал о своем путешествии. Число слушателей на них всегда было не менее 100, а иногда доходило и до 250 человек³².

Таким образом, Епархиальный отдел ИППО привлекал внимание провинциальной обще-ственности к своей деятельности посредством публикации паломнических мемуаров о Святой земле, ежегодных отчетов Отдела, объявлений, воззваний в ОЕВ, проведением собраний Об-щества, Палестинских чтений и вечеров, рас-пространением печатных материалов о святых местах Востока, повысилась религиозно-про-светительская и катехизаторская деятельность среди населения. Организация его дала возмож-ность формировать религиозное мировоззрение в отдаленных приходах губернии. Создание Оло-нецкого отдела ИППО стало важной вехой в рели-гиозной жизни Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX века.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. Подпроект «Лаборатория “Философские, исторические и культурологические исследования”».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Устав Императорского Православного Палестинского Общества // ОЕВ. 1899. № 7–8. С. 11.
- ² Высочайше утвержденное 2 марта 1885 года дополнение к Уставу Православного Палестинского Общества // Отчет Православного Палестинского Общества за 1885–1886 год. СПб., 1886. С. 193.
- ³ Рескрипт Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича от 24 декабря 1898 года за № 64 на имя Его Преосвященства Преосвященнейшего Назария, епископа Олонецкого и Петрозаводского // ОЕВ. 1899. № 7–8. С. 1–2.
- ⁴ Предложение Его Преосвященства о. о. настоятелям монастырей, благочинным и приходским священникам // ОЕВ. 1899. № 7–8. С. 2.
- ⁵ N. Открытие Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // ОЕВ. 1899. № 9. С. 8.
- ⁶ Устав Императорского Православного Палестинского Общества // ОЕВ. 1899. № 7–8. С. 3–12.
- ⁷ Правила для принятия в члены Императорского Православного Палестинского Общества // ОЕВ. 1899. № 7–8. С. 12.
- ⁸ N. Открытие Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // ОЕВ. 1899. № 9. С. 8.
- ⁹ Лосев С. А. О гробе Господнем (Речь, читанная 11-го апреля в семинарском зале при открытии Олонецкого Отдела Им-ператорского Православного Палестинского Общества) // ОЕВ. 1899. № 9. С. 10–16.
- ¹⁰ Отчет Олонецкого Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1911–12 отчетный год // ОЕВ. 1912. № 20. Прил.: С. 6.
- ¹¹ Полянский С., Богословский И., Иоанн (Братолюбов). Отчет Олонецкого Отдела Императорского Православного Пале-стинского Общества за 1909–10 отчетный год // ОЕВ. 1910. № 16. С. 375.
- ¹² Высочайше утвержденное 2 марта 1885 года дополнение к Уставу Православного Палестинского Общества // Отчет Православного Палестинского Общества за 1885–1886 год. СПб., 1886. С. 193.
- ¹³ Отчет Олонецкого Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1901 г. с 1 марта 1901 по 1 марта 1902 годов // ОЕВ. 1902. № 11. С. 388.
- ¹⁴ Иоанн. Палестинские чтения в Голиковской школе (г. Петрозаводск, 1912 г. 6 и 13 марта) // ОЕВ. 1912. № 11. С. 206.
- ¹⁵ Полянский С., Богословский И., Иоанн (Братолюбов). Отчет Олонецкого Отдела Императорского Православного Пале-стинского Общества за 1909–10 отчетный год // ОЕВ. 1910. № 16. С. 371–372.
- ¹⁶ Там же. С. 372.
- ¹⁷ Мерцалов Е. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно (путевые заметки и впечатления паломника) // ОЕВ. 1899. № 19. С. 19–20, № 20. С. 29–34, № 21. С. 24–28, № 22. С. 24–29, № 24. С. 36–42; ОЕВ. 1900. № 1. С. 16–20, № 2. С. 58–61, № 3. С. 103–108, № 4. С. 142–145, № 5. С. 190–196, № 12. С. 468–474, № 13–14. С. 508–513, № 15. С. 551–554, № 17. С. 615–620, № 18. С. 634–639, № 19. С. 676–679, № 20. С. 736–740, № 22. С. 783–785, № 23. С. 805–809; ОЕВ. 1901. № 3. С. 112–117, № 5. С. 189–196, № 6. С. 214–219, № 7–8. С. 236–241, № 11. С. 336–339, № 12. С. 368–372, № 13. С. 412–417, № 14. С. 443–447, № 15. С. 468–471, № 16. С. 492–496, № 18. С. 542–546, № 19. С. 580–582, № 24. С. 770–772.
- ¹⁸ А. Е. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно (путевые заметки и впечатления паломника) // ОЕВ. 1902. № 5. С. 202–206, № 15. С. 508–513, № 16. С. 557–560.
- ¹⁹ Определение Синода // ОЕВ. 1902. № 6. С. 216.
- ²⁰ Мерцалов Е. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно: (Путевые заметки и впечатления паломника). Петрозаводск: Олонец. губерн. тип., 1900. 2 вып. 87 с.
- ²¹ Крылов В. Религиозно-нравственные чтения в Братском Назарьевском доме г. Петрозаводска в 1900–1901 г. // ОЕВ. 1902. № 1. С. 19–22.
- ²² Мерцалов Е. Вифлеем (из очерков паломника) // ОЕВ. 1901. № 1. С. 18–24, № 2. С. 64–68.
- ²³ А. Е. Горняя (из очерков паломника) // ОЕВ. 1902. № 11. С. 401–404, № 12. С. 436–439.
- ²⁴ Мерцалов Е. Иордан и Мертвое море (Из путевых очерков паломника) // ОЕВ. 1900. № 9. С. 334–340, № 10. С. 376–383; Мерцалов Е. Гефсиманская весь и Вифания (из очерков паломника) // ОЕВ. 1901. № 9. С. 276–280, № 10. С. 302–306.

- ²⁵ Мерцалов Е. Гефсиманская весь и Вифания: (Из очерков паломника). Петрозаводск, 1901; Мерцалов Е. Вифлеем: (Из очерков паломника). Петрозаводск, 1901; Мерцалов Е. Горня: (Из очерков паломника). Петрозаводск, 1902.
- ²⁶ Указ из Святейшего Синода // ОЕВ. 1903. № 2. С. 33.
- ²⁷ Высочайшее повеление // Церковные Ведомости. 1907. № 49. С. 417.
- ²⁸ Мерцалов Е. Гефсиманская весь и Вифания (Из очерков паломника). Муром, 1909; Мерцалов Е. Горня (Из очерков паломника). Муром, 1909; Мерцалов Е. Иордан и Мертвое море (По библейским и научным данным и личным впечатлениям). Муром, 1909; Мерцалов Е. Вифлеем (Из очерков паломника). Муром, 1910.
- ²⁹ Крючков В. Из воспоминаний о путешествии во Святую Землю // ОЕВ. 1912. № 3. С. 74–76, № 4. С. 99–100, № 5. С. 109–111, № 6. С. 134–135, № 7. С. 150–152, № 8. С. 166–168, № 9. С. 178–182.
- ³⁰ Дмитриевский А. Отношение Императорского Православного Палестинского Общества на имя священника о. Владимира Звероловлева от 10 февраля 1912 г. за № 262 // ОЕВ. 1912. № 12. С. 230.
- ³¹ Выписка из Летописи Палестинского Общества, помещенная на 581, 582 и 583 страницах IV-го выпуска «Сообщений Общества» за 1911-й год под заглавием «Священник В. Звероловлев в роли духовного вождя на пути в Св. Землю» // ОЕВ. 1912. № 12. С. 230–231.
- ³² Отчет Олонецкого Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1911–12 отчетный год // ОЕВ. 1912. № 20. Прил.: С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдин К. Е. Источники личного происхождения о русском православном паломничестве конца XIX – начала XX в. // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 4 (16). С. 55–68.
2. Галкин А. К. Епископ Олонецкий и Петрозаводский Евгений Мерцалов (материалы к биографии) // Православие в Карелии: Материалы 3-й региональной науч. конф. / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 325–334.
3. Мерцалов Е. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно: (Путевые заметки и впечатления паломника) / Вступ. ст. К. Е. Балдина; Импер. Правосл. Палестин. Общ.-во. М.: Индрик, 2014. 254 с.

Urvantseva N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**OLONETSKY DEPARTMENT OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY
IN THE RELIGIOUS LIFE OF OLONETS PROVINCE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

The article addresses the issues of organization and activity of one of the diocesan departments of the Imperial Orthodox Palestine Society in the late XIX – early XX centuries, namely, the role of Olonetsky Division of the Imperial Orthodox Palestine Society in the religious life of Olonets province. Some activities related to the religious enlightenment of the population and measures to increase the tangible assets of the Society are analyzed in the article.

Key words: Olonetsky Department of the Imperial Orthodox Palestine Society, The Holy Land, Palestine, pilgrimage

REFERENCES

1. Baldin K. E. Sources of personal origin of the Russian Orthodox pilgrimage in late XIX – early XX centuries [Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya o russkom pravoslavnom palomnichestve kontsa XIX – nachala XX v.]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 2014. № 4 (16). P. 55–68.
2. Galkin A. K. Evgeny Mertsalov, Bishop of Olonets and Petrozavodsk (materials for his biography) [Episkop Olonetskiy i Petrozavodskiy Evgeniy Mertsalov (materialy k biografii)]. *Pravoslaviye v Karelii*. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2008. P. 325–334.
3. Mertsalov E. *Ot Petrozavodska do Ierusalima i obratno: (Putevye zametki i vpechatleniya palomnika)* [From Petrozavodsk to Jerusalem and back: (Travel notes and impressions of the pilgrim)]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 254 p.

Поступила в редакцию 26.07.2016

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
syrsa@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

Впервые деятельность Союза советских писателей Карелии рассматривается в тесной связи с изменениями в политике и идеологии 1930-х годов. В 1934–1936 годах основу организации составили коммунисты – политэмигранты из Америки и Финляндии, в 1937–1939 годах первоочередную поддержку Союза получали пишущие на родном языке карелы и носители фольклорных традиций, в начале Второй мировой войны важной задачей Союза провозглашено формирование кадров писателей, владеющих финским языком. Автор пришел к выводу, что, несмотря на общественный статус организации, она действовала по характерным для государственного учреждения иерархическим правилам.

Ключевые слова: Союз советских писателей Карелии, литература, идеология

В изучении истории сталинизма на региональном уровне представляется важным рассмотреть механизмы функционирования утвердившегося в 1930-х годах режима. Мобилизационная программа большевиков способствовала ускоренной урбанизации, росту образовательного уровня и развитию творческого потенциала молодежи, формированию в регионах новых культурных институтов. При этом она прочно уживалась с их патерналистскими притязаниями на монопольный контроль над всеми значимыми ресурсами общества, механизмами целеполагания и смыслопроизводства [5: 69]. Во взаимосвязи этих тенденций может быть представлен опыт деятельности в регионах творческих союзов и организаций, объединивших активную часть местной интеллигенции.

Деятельность Союза советских писателей Карелии (ССПК) освещалась в работах литературоведов, характеризовавших общественную позицию известных писателей, региональные литературно-художественные журналы [1], [2], [8]. Работы историков по этой теме опубликованы в годы перестройки [4], [10], когда остро встал вопрос об отношении интеллигенции к начавшимся реформам. На основе рассекреченных архивных материалов Е. И. Черненко показала, что творческие союзы были призваны «обеспечить полную лояльность» творческой интеллигенции режиму [10: 149]. Однако начатая во второй половине 1980-х годов работа не получила продолжения. Попыткой восполнить этот пробел является данное исследование, автор которого ставит задачей проследить тесную связь состава, основных направлений деятельности Союза советских писателей Карелии с изменениями в политике и идеологии 1930-х годов и показать, какими путями через творческий союз осуществлялось воздействие на интеллигенцию.

В условиях «социалистического наступления» власть активизировала усилия по унификации

и жесткой регламентации духовной жизни общества. 23 апреля 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором предлагалось объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти, в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем. 7 мая 1932 года в РСФСР был образован Оргкомитет Союза советских писателей. Комфракция Оргкомитета так определила задачи Союза: добиться единого коммунистического руководства в литературе, связать творческую работу писателей с политическими задачами современности, установить товарищеское сотрудничество коммунистов с беспартийной «писательской массой», изолировать классовых противников в литературе¹.

В 1932–1933 годах развернулась работа по созданию единых писательских организаций в автономных республиках и областях РСФСР. Состав Оргкомитета в Карелии менялся, активную работу он развернул с осени 1933 года. В это время в Оргкомитет входили Я. Виртанен, Э. Паррас и О. Иоганссон. Их жизнь и взгляды вполне отвечали лозунгу к тому времени упраздненной литературной организации края – Карельской Ассоциации пролетарских писателей, КАПП (1926–1932): вовлекать в литературное движение «рабочих от станка и крестьян от сохи» [8: 62]. Они выросли в далекой от литературы среде, воспитывались в рабочих семьях. О. Иоганссон начал трудовой путь чернорабочим в Гельсингфорсе, Я. Виртанен – токарем на одном из петербургских заводов, Э. Паррас – шахтером в США. Я. Виртанен и О. Иоганссон активно участвовали в Финляндской революции 1918 года. После ее подавления бежали в Советскую Россию (Иоганссон – после двух лет тюрьмы). Э. Паррас, проживший более двадцати лет в Америке, был выслан из США в 1932 году за пропаганду коммунистических идей. Все трое имели

большой журналистский и редакторский стаж в рабочей периодике. В то время они были самыми опытными литераторами Карелии: опубликовали сборники стихов (Э. Паррас, Я. Виртанен), романы (Э. Паррас, О. Иоганссон), другие литературные произведения.

Помимо известных писателей в 1933 году в Оргкомитет входили начинающие литераторы: ленинградец С. Колосенок и выросший в Северной Карелии Н. Яккола. Оба прибыли на работу в Петрозаводск в 1931 году по мобилизации Ленинградского обкома партии. С. Колосенка направили в республиканскую газету «Красная Карелия» и Карельский радиокomitee². Карел Н. Яккола возглавил цензурный орган – Карлит, но вскоре перешел на преподавательскую работу, читал диамат в совпартшколе и Карельском пединституте³. Характерно, что председатель Оргкомитета Н. Яккола и член Оргкомитета С. Колосенок в 1934 году не войдут в состав Союза. В оргкомитете они тащили на себе рутинные организационные обязанности и обеспечивали «идеологическую чистоту».

Из членов Оргкомитета благополучно прошел 1930-е годы только С. Колосенок. Н. Яккола в 1937 году был уволен из пединститута, два года работал слесарем на Онегзаводе, а потом добровольцем ушел на Зимнюю войну, по ее окончании принят на редакторскую работу в Каргосиздат. Судьба других членов Оргкомитета трагична: О. Иоганссон расстрелян в 1938 году, Э. Паррас и Я. Виртанен погибли в заключении в 1939 году.

В 1933–1934 годах Оргкомитет организовал выступления писателей на радио, встречи писателей и журналистов с читателями, литературные вечера, обсуждение книг⁴. Важной формой активизации литературной работы стало проведение литературных конкурсов. В январе 1934 года Оргкомитет рассмотрел вопрос об участии в конкурсе, объявленном издательством «Кирья». По его итогам в апреле 1934 года премии за создание произведений о социалистическом строительстве в Карелии получили У. Викстрем, П. Пало, У. Такала⁵.

Выходивший прежде в Ленинграде литературно-художественный журнал «Rintama» («Фронт», 1932–1937) с 1934 года стал издаваться в Петрозаводске, куда под надежное крыло карельского правительства переместилось издательство «Кирья». На заседании Оргкомитета 9 января 1934 года была утверждена редакция журнала. В нее вошли Я. Виртанен и Н. Яккола. Ответственным редактором литературно-художественного журнала остался У. Руханен. С конца 1933 года правительство КАССР отозвало его из аспирантуры Педагогического института имени Герцена для чтения курсов по истории финской и западной литературы в Карельском пединституте. Напряженная педагогическая работа требовала всех сил, и через полгода редакторские обязанности перешли к Я. Виртанену, но и его занятость не позволила сконцентрироваться на

журнальной работе. С 1934 по 1937 год на посту редактора «Rintama» сменилось шесть человек, но заместителем редактора оставался У. Руханен, что обеспечивало определенную стабильность деятельности редакции.

Обзор творчества карельских писателей, подготовленный Рождественским весной 1934 года для республиканской газеты⁶, позволяет представить расклад литературных сил республики ко времени создания Союза. Наиболее ценным вкладом в литературу автор обзора считал написанный еще в США роман Э. Парраса «Юмюваара» об истории жизни нескольких поколений большой крестьянской семьи. Высоко оценивались книги Л. Луото (наст. имя – Брунэ Шегрен) о классовой борьбе в Финляндии. Особняком стояла в этом обзоре характеристика творчества Х. Тихля, автора шести изданных в Финляндии книг. Ее герои – маленькие люди старого времени с их повседневными заботами, радостями и переживаниями, творчество Х. Тихля оценивалось высоко, в обзоре подчеркивалось, что ее книги увлекают, легко читаются.

11 июня 1934 года в 8 вечера в Летнем театре в присутствии членов правительства и ответственных партийных работников Карелии открылась I Всекарельская конференция писателей. На ней были заслушаны доклады о прозе финских (У. Руханен) и русских (Е. Люфанов) писателей, о русскоязычной (В. Саянов) и финноязычной (Я. Виртанен) поэзии, о национальной драматургии (Р. Руско), о литературной критике (Н. Яккола). Докладчики подчеркивали, что главная задача писателей – повышать литературное мастерство. Критиковали тех, у кого недоставало культуры речи, не получалось выстроить сюжет, преодолеть поверхностность в раскрытии характеров. В докладах литераторов отмечалось: в Союз будут принимать только тех, кто действительно талантлив⁷.

В другом ключе было выстроено выступление заведующего отделом культуры и пропаганды ленинизма обкома ВКП(б) П. Хюппенена. Он требовал относиться к художественному тексту как к сочинению политическому: «Никакого либерализма, никакого попустительства к произведениям аполитичным или политически вредным мы допускать не должны»⁸.

На этой конференции были избраны делегаты на Всесоюзный съезд писателей. В его работе участвовали Я. Виртанен, Э. Паррас, С. Норин, Н. Грибачев. Я. Виртанен вошел в правление Союза, состав которого утвердило Политбюро ЦК ВКП(б). Выступая на съезде, Горький заметил, что писатели «признали большевизм единственной, боевой руководящей идеей в творчестве». Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов подчеркнул, что советская литература насыщена энтузиазмом, а ее герои – это активные строители новой жизни⁹. На съезде был утвержден Устав новой организации, по которому Союз советских писателей получил права юридического лица,

был освобожден от государственных и местных налогов¹⁰.

На Всекарельской конференции писателей в Союз вступили 13 человек. Их статус различался: 8 человек стали членами Союза, 5 человек – кандидатами. Численность новой организации оказалась намного меньше, чем ликвидированной КАПП. В начале 1930-х годов в КАПП числилось 90 человек. Количество членов КАПП в некоторых населенных пунктах (например, в Кондопоге – 15, Ругозеро – 13) было сопоставимо с численностью новой писательской организации всей республики. Объединяло состав КАПП и ССПК то, что большинство членов этих организаций составляли финны по национальности.

Некоторые молодые общественники из КАПП вступили в партию в годы первой пятилетки, но в целом коммунистов в КАПП было мало. Большинство вошедших в новую организацию писателей являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б) – 9 членов из 13. Это еще раз показывает, что Союз советских писателей должен был усилить влияние партии среди интеллигенции.

Поскольку утверждал членов творческого союза центр и было немало организационной неразберихи, состав республиканской организации менялся: в апреле 1935 года в ССПК входили 12 членов и кандидатов, в том числе 8 финнов и 1 карел¹¹. Финноязычные писатели получили статус членов Союза, русскоязычные – статус кандидатов. Возглавил общественную организацию писателей Я. Виртанен. В составе Союза действовала партийная организация, через которую осуществлялось партийное руководство.

Так же, как в КАПП, в Союзе сохранилось деление на русскую и финскую секции. По воспоминаниям А. Линевского, секции действовали изолированно друг от друга. Прежде всего, сказывался языковой барьер: русские литераторы совсем не знали финского языка, из финнов говорили по-русски только Я. Виртанен и Р. Руско¹².

15 мая 1935 года принято Постановление СНК КАССР «О мероприятиях по улучшению условий работы советских писателей Карелии». В нем было закреплено выделение ССПК ежегодной дотации из бюджета КАССР в размере 10 тыс. руб. Объявлялось об учреждении с 1935 года трех ежегодных литературных премий карельского правительства: имени Горького, имени Калевалы, имени 15-летия КАССР, по 5 тыс. руб. каждая. Правительство обязалось повысить авторский гонорар, предоставлять писателям ежегодно дополнительный творческий отпуск сроком не менее месяца с сохранением средней заработной платы. В Доме отдыха Маткачи бронировались комната и две годовые путевки для творческой работы членов ССПК. Совнарком обратился к Карпрофсовету с просьбой обеспечить членов ССПК санаторно-курортной помощью в Крыму и на Кавказе, к председателю Петрозаводского горсовета с просьбой выделить одну квартиру в Доме специалистов для членов ССПК¹³.

Повышению социального статуса писателей способствовало широкое празднование в Карелии юбилеев членов ССПК. 15 июля 1936 года торжественно отмечалось 30-летие литературной деятельности Я. Виртанена. Организацией юбилея занималась правительственная комиссия. К юбилею был запланирован выпуск сборников стихов на русском и финском языках. Часть тиража должна была быть издана на особой бумаге, с высоким качеством полиграфического оформления для распространения в Америке. 30-летию творческой деятельности поэта был посвящен литературный альманах¹⁴. В газетах вышли литературные страницы в честь Я. Виртанена, о нем подготовили радиопередачу. В библиотеках организовали выставки книг, а в школах и на предприятиях провели собрания в честь юбиляра. В день юбилея в Доме культуры прошел торжественный вечер с участием рабочих и общегородского актива. ЦИК КАССР выделил поэту благоустроенную квартиру в новом Доме специалистов и обязался построить ему дачу. Расходы на проведение юбилея были приняты на счет правительства республики¹⁵.

28 февраля 1937 года как «событие большой политической важности» отмечен юбилей Х. Тихля¹⁶. Планировалось издать на русском языке сборник ее рассказов. Юбиляру посвятили радиопередачу. В Доме культуры состоялся литературный вечер, а после него товарищеский ужин. Было принято решение выдать писательнице 3 тыс. руб. на оборудование ее дачи на Бараньем Берегу.

Союз выступал организатором профессиональной коммуникации. По воспоминаниям А. Линевского, члены русской секции собирались чаще всего, когда кто-то желал «обсудиться»: «На таких собраниях Н. М. Грибачев выделялся остроумием, язвительностью и меткими, но уж слишком колкими замечаниями. Значительно добродушнее Николая Матвеевича был Сергей Норин, но и он любил поострить и ради этого не щадил самолюбие обсуждаемого автора»¹⁷.

При Союзе под руководством И. Кутасова четыре раза в месяц работала творческая группа молодых поэтов, объединившая около 30 человек¹⁸, действовало 14 литературных кружков – в Петрозаводске, Медвежьей Горе, Кондопоге, Кеми, Пудоже, Ухте, Ведлозере.

Важную роль в развитии литературного процесса играл орган ССПК – литературно-художественный журнал «Rintama», выходивший тиражом 1500 экземпляров и более. В журнал публиковались Я. Виртанен, Э. Паррас, Л. Хело (наст. имя – Тобиас Гуттари), С. Канкаанпя, Э. Виртанен, О. Иоганссон и др. Была организована литературная учеба начинающих авторов, открыты отделы «Нашим внештатным корреспондентам», «Отдел начинающих». Журнал стремился к осмыслению путей развития финноязычной литературы. Современное ее состояние

обстоятельно анализировали Л. Хело, Н. Яккола, У. Руханен, А. Висанен и др. В ряде случаев стремление придать публикациям остроту оборачивалось политическими нападками и приклеиванием ярлыков [1: 57–83]. В середине 1930-х годов отдел беллетристики заметно сократился, увеличилось число переводных материалов.

С 1934 по 1936 год в республике издано 10 книг местных писателей и поэтов, в том числе поэтические сборники Я. Виртанена и Л. Хело, романы Э. Парраса, Х. Тихля, С. Канкаанпя, повести О. Иогансона, Э. Раутиайнена, А. Висанена, Т. Хеймоваара, сборник рассказов Ф. Ивачева. Успешно действовало издательство «Кирья». Прошла реконструкция областная типография имени Анохина. Развивалась система распространения книг: в середине 1930-х годов в Карелии работало 13 книжных магазинов, 40 киосков¹⁹.

В то же время ужесточались требования предварительной цензуры. За политические ошибки Карлит задержал книгу С. Канкаанпя «Интервенция», пьесу Л. Хело «Решение комитета»²⁰. Ранее опубликованные сочинения могли переводиться в спецхран. В 1934 году «по сигналам читателей» был изъят из библиотек журнал «Ахво» за публикацию стихотворения Я. Виртанена «Марш красных егерей», в котором Красная армия была представлена наступающей, а карельские егеря – вершителями мировой революции²¹.

Пропаганда идей мировой революции в партии теперь связывалась с именем опального Троцкого. Большевики взяли на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой упор делался не на мировую революцию и интернационализм, а на защиту геополитических интересов России и укрепление социалистического государства. В политэмигрантах из Америки и Финляндии власти видели теперь пропагандистов идеи мировой революции, а с другой стороны, носителей ценностей враждебного западного мира. Сначала эмигрантов обвиняли в буржуазном национализме, затем в шпионаже. Массовые беззакония цинично оправдывали необходимостью повысить безопасность на случай грядущей войны.

В ССПК одним из первых подвергся гонениям Лаури Луото. Вызывала подозрение и зависть его публикационная активность: издал в США 4 остросюжетных романа, отправлял американским издателям новые рукописи [11: 195]. В 1932 году Карлит разрешил публикацию его книги «Олонецкая равнина», а в 1934 году изъясил ее из библиотек. Причиной стало то, что в книге подробно характеризовалась роль американских переселенцев в коллективизации Олонецкого района²².

Устав Союза писателей предусматривал исключение из организации в случае «противоречия деятельности члена Союза интересам социалистического строительства»²³. С 1935 года исключение из ССПК начало применяться для

профессиональной и общественной дискредитации писателей. Первым исключили Л. Луото.

После исключения опальный писатель оказывался в социальной изоляции. Так, уже исключенного, Луото продолжали обличать на заседаниях партгруппы Союза, поскольку он «создал вокруг себя группу националистов»²⁴. От членов Союза потребовали полного прекращения контактов с ним²⁵. Осенью 1935 года Л. Луото был первый раз арестован.

ССПК стал брать на себя функции цензурного ведомства. В январе 1937 года в Союзе обсуждали роман О. Ойнонена «Дело Попова». Автор романа – в прошлом секретарь Союза пролетарских писателей Финляндии, совсем недавно – главный редактор «Rintama»²⁶, тем не менее его роман признали «классово враждебным». Союз определил судьбу рукописи: «пресек попытку автора протащить роман в издательство»²⁷.

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года прошел под лозунгами расширения внутривнутрипартийной демократии и усиления самокритики. После пленума в первичных парторганизациях Карелии сменилось более 40 % секретарей парткомов и партторгов²⁸. Под лозунгом самокритики заседала партийная группа ССПК 7 и 11 июня 1937 года. Ответственный секретарь Союза Федор Ивачев клеймил «КАППовское прошлое» писателей и разоблачал буржуазный национализм. В духе самокритики оратор назвал недопустимо либеральным поведение руководства ССПК в лице Виртанена и Ивачева.

Под либерализмом в данном случае понимались товарищеские отношения, терпимость и взаимоуважение. 5 августа 1937 года в письме секретарю горкома ВКП(б) В. Романову парторг ССПК И. Сергеев упрекал коммунистов Союза в мягкотелости, просил дать четкие указания²⁹, однако выполнить их ему было не суждено, через две недели И. Сергеев был арестован, через месяц приговорен к расстрелу. Теперь его товарищи сетовали на политическую близорукость, оправдывались в том, что сотрудничали с Сергеевым, не зная, что он «враг народа»³⁰.

Одного за другим писателей-финнов исключали из творческого союза. Так, 28 августа 1937 года на общем собрании ССПК был исключен из организации автор шести поэтических книг ингерманландец Тобиас Гуттари, хотя он пытался разбить нелепые обвинения в свой адрес. Поэту ставили в вину переезд в Карелию по приглашению «врага народа» Хюппенена («но я не знал его подлого лица»), участие в литературе «Литфронта» («впервые услышал это название в 1931 году, когда “Литфронт” объявил о своем роспуске»), примыкание к буржуазным националистам («Я всегда отрицательно относился к узко замкнутому миру финнов-эмигрантов») ³¹.

Разгромные «проработки» товарищей усиливали атмосферу отчаяния и страха. 20 сентября 1937 года Я. Виртанен сообщил в «Литературную газету», что в ССПК три дня продолжалось

собрание, на котором разоблачали буржуазных националистов. Их идейным вдохновителем называли критика У. Руханена [10: 147]. Бесплезны были попытки У. Руханена оправдаться: «Я проводил финнизацию потому, что от меня этого требовали. Эту общую линию финнизации мне давал Наркомпрос»³².

30 сентября 1937 года «Литературная газета» опубликовала статью «На поводу у буржуазных националистов». Ее обсуждали на общем собрании ССПК 29 октября 1937 года «с большевистской прямоотой и резкостью». Все участники собрания обвиняли друг друга, призывы немедленно покончить со склокой повисали в воздухе. На этом собрании присутствовали 13 человек, из них только двое являлись членами Союза, остальные представляли «актив». К тому времени большинство членов ССПК – финнов по национальности были уже арестованы. Пережили вал репрессий двое – Т. Гуттари и Х. Тихля. В 1939 – начале 1940 года они были восстановлены в Союзе.

В 1938 году в центре критики находилось руководство ССПК. На общем собрании 19 января 1938 года Ф. Ивачев был освобожден от обязанностей ответственного секретаря ССПК. 20 февраля 1938 года Бюро обкома партии вынесло решение о снятии Я. Виртанена с поста председателя правления ССПК. Были изъяты из библиотек, из продажи и сняты с производства его книги и портреты [10: 147–148].

Ответственным секретарем Союза был избран недавно приехавший в Петрозаводск П. И. Соколов³³. Однако через полгода он был арестован. Когда Соколова снимали с должности, ему припомнили хамство, бюрократизм, то, что руководитель писательской организации вел себя как вельможа, приводили его слова: «Мой стиль работы – командовать, руководить, заходя в учреждение один раз в декаду. Всю основную работу должен делать аппарат»³⁴.

Преследования и гибель ведущих писателей привели к фактическому распаду Союза. Осенью 1938 года пришлось вновь создать Оргкомитет ССПК. В него вошли политредактор (читай цензор) В. Королев, переводчик на карельский язык А. Кириллов и журналист С. Норин. На заседаниях Оргкомитета присутствовали главный редактор Каргосиздата Н. Бабич, прозаик В. Чехов, поэт Ю. Никонова и другие представители «литактива». С трудом подыскали ответственного секретаря ССПК, в 1939 году эта работа была поручена С. Колосенку. Остро встал вопрос об издании художественной литературы. Издательство «Кирия» было закрыто, на его базе начал работу Каргосиздат. В 1938 году план выпуска литературы им был сорван. Одни называли причиной нехватку редакторов, способных обеспечить поступавшим текстам необходимый уровень, другие – нехватку авторов, способных художественный текст создать³⁵.

В разгар сталинского террора началась напряженная работа по созданию единого литератур-

ного карельского языка. В 1937–1938 годах был утвержден алфавит на основе русской графики письма, издана грамматика, подготовлены учебники и словари.

У ССПК появился печатный орган на карельском языке – ежемесячный журнал «Карелия» (1938–1940). Состав его редколлегии менялся. В разное время в нее входили П. Соколов, Ф. Исаков, В. Королев, В. Кириллов, Н. Богданов, Н. Гиппиев, Л. Хело и др. Тираж первых номеров журнала превышал 4 тыс. экземпляров, постепенно он снизился до 2000–1100 экземпляров [2: 110].

Основной задачей нового издания ССПК было содействие развитию карельской литературы. К тому времени в республике насчитывалось около десятка авторов – карелов по национальности, вышли первые книги на карельском языке: сборник Ф. Ивачева «Жернова», И. Никутьева «Марфа», А. Кириллова «Бригадир лучшей бригады». Положительно оценила критика сборник рассказов А. Тимонена, изданный в Петрозаводске в 1933 году, когда автору было всего 18 лет. В 1936 году А. Тимонен работал над повестью «Каменная школа», в 1938 году написал ряд небольших рассказов на карельском языке. В 1937 году в правлении ССПК несколько месяцев занимал должность консультанта по литературе на карельском языке [6: 50–66]. Однако карельский литературный язык еще только формировался, авторы-карелы находились в начале своего творческого пути и не могли предложить нужное журналу число оригинальных произведений. Выступая на I съезде писателей Карелии, А. Тимонен размышлял: «Буду ли я заниматься литературным трудом? Буду. Но мне надо учиться писать»³⁶.

В этих условиях основное внимание редколлегии журнала уделяла работе со сказителями и переводческой деятельности. При ССПК были созданы секция фольклора (руководитель В. Базанов) и секция переводчиков (руководитель Т. Гуттари). Основной объем журнала «Карелия» был занят переводами на карельский язык произведений русской классики и советской литературы [2: 111].

Изменился состав ССПК. В 1939 году в Союз были приняты 9 сказителей. Власти стремились использовать их талант и мастерство в пропагандистской работе. Хотя повседневная жизнь этих крестьян оставалась такой же нелегкой, как и у их земляков, сказителей часто приглашали на слеты и совещания, направляли в командировки в столицу. ССПК оплачивал их выступления перед студентами и другими организованными слушателями. В 1939 году группу карельских сказителей наградили орденами «Знак Почета». В коллективном письме Сталину сказители писали: «Мы сослужим службу государству нашему Песней радостной, да сказкой мудрою»³⁷.

Фольклорные материалы были широко представлены в ежеквартальном альманахе «Карелия» (1937–1940) – печатном органе ССПК на русском языке. В альманахе публиковались

«новины», сказы о поимке карельскими охотниками и рыбаками шпионов, о великом Сталине и его соратниках. В сказке пудожского крестьянина Ф. Конашкова «Самое дорогое» колхозницы рассказывают: «Мы молочка надоим, сливочки сольем, маслица собьем. В печь поставим, отворожим, лепешек напечем, сметаной зальем». Самым хорошим для колхозников оказывается их колхозная жизнь: «Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить»³⁸. Создавая идеалистический образ Советской Карелии, сказители не могли опираться на бытовую практику реальной жизни и ориентировались на утопические легенды о «народном заступнике», «избавителе», «далеких землях», «острове счастья» [7: 95–98], [9: 126].

В ведении ССПК оставался широкий круг вопросов по обеспечению приемлемого уровня жизни своих членов. 15 декабря 1939 года СНК КАССР передал ССПК несколько помещений в здании Карельского НИИ культуры³⁹. В 1940 году ССПК был передан бывший дом туристов на берегу залива Ладожского озера у Сортавалы⁴⁰.

В обустройстве быта членов ССПК важную роль играл Литературный фонд СССР, созданный в 1934 году. Ему отчислялись 10 % от авторского гонорара, 0,5–2 % сборов спектаклей, часть доходов от имущества Литфонда. Госбюджет ежегодно передавал Литфонду сумму в размере 25 % к сумме поступлений в фонд из других источников [3: 62–63]. В 1939 году в Карелии членами Литфонда являлись 25 человек, в том числе 19 членов ССП, 1 – кандидат в члены ССП. Вступительные взносы в Литфонд были небольшими: в 1939 году они составили в Карелии 180 руб. Основные средства фонда складывались за счет отчислений от издательств, редакций журналов и зрелищных мероприятий. В 1939 году средства Литфонда в Карелии насчитывали 43,1 тыс. руб. Из них 5,8 тыс. руб. ушло на культработу, а остальные деньги передали писателям как безвозвратные пособия, на путевки в дома творчества, санатории и проч.⁴¹

Увеличились дотации ССПК из республиканского бюджета. 15 апреля 1939 года республиканское правительство выделило ССПК на текущий год 87,5 тыс. руб.⁴² 16 сентября 1939 года правительство дополнительно выделило еще 10 тыс. руб., чтобы организовать учебу писателей и их работу со сказителями⁴³.

Расходы ССПК в 1939 году составили 94 514 руб. Из них 28 603 руб. ушло на зарплату административно-управленческого персонала. Примерно столько же (28 193 руб.) – на творческие вечера писателей, лекции, совещания сказителей, оплату их выступлений, юбилей Т. Шевченко. На командировки писателей было потрачено 4050 руб. Остальные расходы составили аренда помещений, транспортные, типографские траты и др.⁴⁴

С 1941 года содержание творческих союзов полностью перешло на государственный бюджет республики. Смета расходов ССПК на 1941 год

составила 138 тыс. руб. Для ведения организационной работы Союзу было выделено 5,5 ставки. Заработная плата ответственного секретаря Союза составляла 900 руб., его заместителя – 800 руб. в месяц⁴⁵ (для сравнения укажем, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР в это время равнялась 328 руб.).

В начале Второй мировой войны Сталин считал, что ему удастся использовать ослабление столкнувшихся в смертельной схватке западных стран, чтобы расширить коммунистическое влияние, вернуть территории, утраченные с развалом Российской империи. В 1940 году после советско-финляндской войны была создана Карело-Финская ССР. Финский язык вновь стал широко использоваться в образовании и культуре, работа по созданию карельского литературного языка была прекращена.

Преобразование автономной Карелии в союзную Карело-Финскую ССР внесло изменения в деятельность ССПК. В 1940 году у Союза появились новые печатные издания на русском и финском языках – журналы «На рубеже» и «Punalippi» («Красное знамя»). Правление ССПК утвердило редактором «Пуналиппу» В. Королева, с января 1941 года – А. Эйкия. Редактором журнала «На рубеже» был назначен С. Колосенок. В условиях кадрового голода редакторы не являлись «освобожденными», работу в журнале они совмещали с другими должностями. В состав редколлегии «Punalippi» входил также Т. Гуттари, в редколлегию «На рубеже» – В. Базанов, В. Чехов⁴⁶. Активнее всех работал в журнале «На рубеже» И. Кутасов.

Издавать два литературных журнала творческому союзу, в который входили 23 литератора, было невероятно сложно. На заседаниях правления ССПК в 1940–1941 годах ставились вопросы о нарушении срока выхода очередных номеров, об острой нехватке художественных текстов для публикации, о низком качестве переводов из-за плохого знания финского языка неопытными переводчиками⁴⁷. Несмотря на трудности, до начала Великой Отечественной войны в Карелии удалось наладить регулярный выход двух литературно-художественных журналов.

22–25 декабря 1940 года состоялся первый съезд писателей Карелии. С докладом на нем выступил секретарь ЦК КП(б) КФССР И. И. Сюкийнен. Важнейшей задачей писательской организации он назвал подготовку кадров, работающих на финском языке. Об изменении политики по отношению к финноязычным писателям свидетельствовало то, что на съезде предоставили слово Х. Тихля. Она призвала изображать жизнь правдиво, но не быть фотографом, а литературных дискуссиях сказала так: «К молодым писателям нужно относиться чутко, критиковать не в грубой форме и, критикуя, указывать достоинства»⁴⁸.

Лучшим современным произведением на финском языке на съезде была названа поэма А. Эйкия о Т. Антикайнене «Песня орла».

Активный участник коммунистического движения Финляндии, редактор рабочих газет А. Эйкия прибыл в Карелию как сотрудник Коминтерна. В его трудовой книжке в графе «профессия» стояло – политработник⁴⁹. Членом ССПК А. Эйкия был избран в ноябре 1940 года. Представляя его писательскому сообществу, Т. Гуттари напомнил о преследованиях поэта финской охранкой, о его семилетнем тюремном заключении за политическую деятельность. В. Королев сказал, что познакомился с поэзией А. Эйкия в январе 1940 года во фронтовой землянке⁵⁰. В начале 1941 года недавно принятый в Союз А. Эйкия возглавил писательскую организацию Карелии. На этом этапе Второй мировой войны новый натиск рабочих на империалистические правительства казался не за горами, и вновь был востребован образ писателя – революционера и интернационалиста.

Таким образом, создание единой писательской организации позволяло власти использовать потенциал творческой интеллигенции для решения идеологических и политических задач. Члены Союза с доверием относились к советскому государству, верили в социалистические идеалы и готовы были своим творчеством содействовать их осуществлению. Первые годы основу ССПК составляли активисты КАПП, финны, имевшие опыт социалистической пропаганды на Западе.

В середине 1930-х годов их обвинили в приверженности ценностям враждебного западного мира и ставке на мировую революцию. Для профессиональной дискредитации литераторов активно использовался механизм исключения из ССПК. Массовые репрессии привели к фактическому развалу организации. Ее возрождение велось с опорой на начинающих литературную деятельность на родном языке карелов и носителей фольклорных традиций. В условиях начала Второй мировой войны актуализировалась задача пропагандистской работы на финском языке, и важной целью Союза стало формирование кадров писателей, владеющих им.

ССПК содействовал улучшению быта, развитию профессиональной коммуникации, творческому росту начинающих писателей и обеспечивал широкие возможности для публикации. В республике был накоплен важный опыт издания литературно-художественных журналов на финском, карельском и русском языках. В то же время тесно связанный с государством ССПК выстраивал свою деятельность по привычным для государства иерархическим правилам, ориентируясь на приказы и послушание. В рассматриваемый период новая общественная организация писателей по своей воинственности и нетерпимости значительно превзошла КАПП 1920-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. М., 2010. С. 14, 128, 221.
- ² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 243 (Колосенок С. В. Личный фонд). Оп. 1. Д. 1/1. Л. 10.
- ³ Карельский государственный педагогический университет. 1931–2006: Биографический справочник / Под ред. Н. В. Предтеченской. Петрозаводск, 2006. С. 74.
- ⁴ НА РК. Ф. 2923 (Общероссийская общественная организация Союз писателей России. Карельское региональное отделение). Оп. 2. Д. 1а. Л. 1–4.
- ⁵ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полишук. Петрозаводск, 1963. С. 110.
- ⁶ Красная Карелия. 1934. 15 марта.
- ⁷ Там же. 15 июня.
- ⁸ Там же. 18 июня.
- ⁹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М., 1934. С. 4, 13.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Ф. 3 (Карельский Реском Компартии РСФСР). Оп. 3. Д. 148/362. Л. 5.
- ¹² Там же. Ф. 3262 (Линевский А. М. Личный фонд). Оп. 3. Д. 4/44. Л. 5.
- ¹³ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 148/364. Л. 22.
- ¹⁴ Маркова Е. И. Совсем молодое солнце // Север. 1987. № 12. С. 97.
- ¹⁵ НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 149. Л. 1–7.
- ¹⁶ Там же. Д. 365. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Ф. 3262. Оп. 3. Д. 4/44. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 365. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 185/21. Л. 77.
- ²⁰ Там же. Ф. 757 (Облит КАССР). Оп. 1. Д. 1/5. Л. 61, 83.
- ²¹ Там же. Л. 48.
- ²² Там же. Д. 2/4. Л. 46.
- ²³ Там же. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 365. Л. 19.
- ²⁵ Там же. Л. 20.
- ²⁶ Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х гг.: Биобиблиографический указатель / Под ред. Ю. И. Дюжева. Петрозаводск, 2005. С. 60.
- ²⁷ НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 365. Л. 4.
- ²⁸ Красная Карелия. 1937. 29 мая.
- ²⁹ НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 365. Л. 22.
- ³⁰ Там же. Л. 27.
- ³¹ Там же. Л. 61–62.
- ³² Там же. Л. 30.
- ³³ Там же. Оп. 5. Д. 196/155. Л. 36.
- ³⁴ Там же. Л. 38–39.
- ³⁵ Там же. Л. 44.

- ³⁶ Там же. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 157.
³⁷ Там же. Л. 55.
³⁸ Карелия: Литературно-художественный альманах. 1938. Кн. 4. С. 76–78.
³⁹ НА РК. Ф. 690 (Совет Министров РК). Оп. 6. Д. 6/55. Л. 361.
⁴⁰ Там же. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 26.
⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 1/2. Л. 43, 73, 82, 84.
⁴² Там же. Ф. 690. Оп. 6. Д. 15/51. Л. 140.
⁴³ Там же. Д. 6/54. Л. 201.
⁴⁴ Там же. Ф. 2923. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 114.
⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 65, 71.
⁴⁶ Там же. Ф. 8 (ЦК Компартии КФССР). Оп. 1. Д. 39/427. Л. 1.
⁴⁷ Там же. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 15, 24, 32.
⁴⁸ Там же. Л. 182–183.
⁴⁹ Там же. Оп. 5. Д. 165. Л. 2.
⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 45.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск: Карелия, 1989. 163 с.
2. Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 244 с.
3. Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 407 с.
4. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 277 с.
5. Дубин Б. В. Игра во власть: интеллигенция и литературная культура // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 66–78.
6. Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Северное сияние, 2014. 541 с.
7. Маркова Е. И. Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 94–98.
8. Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1969. 373 с.
9. Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск: Редакционно-издательский отдел КарНЦ РАН, 2012. 217 с.
10. Черненкова Е. И. Писательская организация Карелии в 1930-е годы // Север. 1990. № 6. С. 143–149.
11. Юликангас М. Финское литературное движение в Карелии 1920–1930-х годов // Финский фактор в истории и культуре XX века. Петрозаводск, 2009. С. 184–207.

Filimonchik S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE ACTIVITIES OF KARELIAN UNION OF SOVIET WRITERS IN THE 1930s

The article for the first time discusses the activities of Karelian union of Soviet writers in close connection with the political and ideological changes of the 1930s. In 1934–1936, some communists – political emigrants from America and Finland – formed the foundation of the organization. In 1937–1939 the Union provided support of high-priority to the Karelians and the bearers of folklore traditions who wrote in their mother tongue. At the beginning of the Second World War the crucial task of the Union was to form a group of skilled writers who knew the Finnish language. The author concludes that, despite the civic status of the organization, it acted in accordance with the hierarchical rules specific to a state institution.

Key words: Karelian union of Soviet writers, literature, ideology

REFERENCES

1. Alto E. L. *Sovetskie finnoyazychnye zhurnaly. 1920–1980* [Soviet Finnish-language journals. 1920–1980]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. 163 p.
2. Alto E. L. *Finnoyazychnaya literatura Karelii. Istoriya literatury Karelii* [Finnish-language literature of Karelia. The history of Karelian literature]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 244 p.
3. Antipina V. A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh pisateley* [Everyday life of Soviet writers]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 407 p.
4. Afanas'eva A. I. *Kul'turnye preobrazovaniya v Sovetskoy Karelii. 1928–1940* [Cultural reforms in Soviet Karelia. 1928–1940]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. 277 p.
5. Dubin B. V. Playing with power: intelligentsia and literary culture [Igra vo vlast': intelligentsiya i literaturnaya kul'tura]. *Svobodnaya mysl'*. 1993. № 1. P. 66–78.
6. Dyuzhev Yu. I. *Narodnyy pisatel' Karelii Antti Timonen: Oчерk zhizni i tvorchestva* [Karelian national writer Antti Timonen. An essay on his life and works]. Petrozavodsk, Severnoe siyanie Publ., 2014. 541 p.
7. Markova E. I. The creativity of the narrators (the main myths of the 1930s) [Tvorchestvo skaziteley (osnovnyye mifologemy 1930-kh godov)]. *Istoriya literatury Karelii*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 94–98.
8. *Oчерk istorii sovetskoy literatury Karelii* [The study of Karelian Soviet literature] / Ed. E. G. Karkhu, N. S. Nad'yar'nykh. Petrozavodsk, Karel'skoye knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 373 p.
9. Sen'kina T. I. *Zabytye i neizvestnye stranitsy istorii fol'kloristiki Karelii: Oчерki i materialy* [Forgotten and unknown pages of Karelian folklore history. Essays and materials]. Petrozavodsk, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel KarNTS RAN, 2012. 217 p.
10. Chernenkova E. I. Writers' organization of Karelia in the 1930s [Pisatel'skaya organizatsiya Karelii v 1930-e gody]. *Sever*. 1990. № 6. P. 143–149.
11. Yulikangas M. Finnish literary movement in Karelia in the 1920–1930s [Finskoe literaturnoe dvizhenie v Karelii 1920–1930-kh godov]. *Finskiy faktor v istorii i kul'ture XX veka*. Petrozavodsk, 2009. P. 184–207.

Поступила в редакцию 15.06.2016

ЕЛЕНА РАФХАТОВНА ГУСЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rafhatovna@mail.ruМЕСТОИМЕННОЕ НАРЕЧИЕ *ЗДЕ* И ДЕРИВАТЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ*

В говорах Карелии и сопредельных областей отмечается наличие большого количества местоименных наречий, которые представляют собой партикулярные кластеры – лексемы, образовавшиеся способом агглютинации древних первоэлементов партикул под воздействием закона Ваккернагеля. В работе с позиций синхронно-диахронического подхода изучаются структурно-семантические характеристики наречия *зде* и его дериватов *здэся*, *здэка*, *здэкава* и других, зафиксированных в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» и «Словаре русских народных говоров». Исследование показывает, что лексемы, сформированные на основе партикулы *se/sъ* – показателя определенности, состоят из двух, трех, четырех, пяти компонентов. В диалектной речи сохраняется архаическая форма *зде* (*здэ*, *зди*) – двухкомпонентный кластер, функционирующий в древнерусском языке. В результате присоединения формантов *-ся* (*сь*), *-ка* (*-ку*, *-ко*, *-тка*, *-тко*), *-не*, *-ва* и других в говорах появляются более сложные по структуре лексемы. Третий, четвертый, пятый компоненты асемантизированы; исключение составляет, по всей видимости, формант *-ся* (*-сь*). Присоединяющиеся партикулы выполняют усилительно-выделительную функцию. Трехкомпонентные кластеры начинают формироваться в старорусский период; четырех-, пятикомпонентные кластеры образуются позже. Намечается тенденция присоединения пятого компонента *то* к наречиям (*здэсяка-то*, *здэсятко-то*), новые лексемы не образуются.

Ключевые слова: морфология, наречие, местоимение, партикула, клитика, севернорусские говоры, Карелия

Система местоименных наречий, функционирующих в русских говорах Карелии и сопредельных областей, имеет существенные отличия от системы литературного языка. Как известно, по происхождению местоименные наречия литературного языка подразделяются на 3 группы: 1) наречия древнего происхождения, утратившие в современном языке живые связи с местоименными словами (*где*, *куда*, *откуда*, *оттуда*, *когда*, *как*, *иногда*, *везде* и др.); 2) наречия, этимологически восходящие к косвенным падежам местоимений *тот*, *что*, не утратившие живых словообразовательных связей с ними (*потому*, *отчего*, *почему* и т. д.); 3) наречия, образованные от притяжательных местоимений в дательном падеже с приставкой *по-* (*по-моему*, *по-твоему*, *по-вашему*, *по-своему*) (см., например, [1: 212]). В исследуемых говорах, по данным «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», отмечается довольно большое количество наречий древнего происхождения – лексем, принадлежащих к 1-й группе: *инно*, *инновды*, *когда́шина*, *никóли*, *когда́ни*, *никудысь*, *отседова*, *кое-некое* и др. [3].

Местоименные наречия и в целом местоимения, а также некоторые союзы, частицы, междометия (*да*, *али*, *или*, *либо*, *как*, *что*, *здесь*, *туда* и др.) представляют собой так называемые партикулярные кластеры. Как пишет Т. М. Николаева, они образуются под воздействием закона Ваккернагеля способом агглютинации древних первоэлементов-партикул. «Партикулы связаны с категориями слов, соотносящимися с конституацией, с контекстом, с модальностью. Это показатели о т н о ш е н и я» [6: 6].

Партикулы обладают инвариантными значениями [6: 150–151]. В современном литературном языке в отличие от говоров сохранилось сравнительно небольшое количество партикулярных лексем.

В настоящей работе с позиций синхронно-диахронического подхода изучаются структурно-семантические характеристики наречия *зде* и его дериватов *здэся*, *здэка*, *здэкава* и др., зафиксированных в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» и «Словаре русских народных говоров» (в СРНГ включены данные Словаря В. И. Даля); в работе используются принятые в региональных словарях сокращения географических названий. Изучаемые лексемы обладают пространственными значениями: *зде*, *здэка* и др. ‘здесь’, *здэкава* ‘здесь’, ‘туда’.

О пространственных наречиях В. Б. Евтюхин пишет, что в северо-западных русских говорах функционируют: 1) многочисленные варианты местоимений, имеющих одно пространственное значение, тогда как в литературном языке ему соответствует «единственно возможная... наречная манифестация»: *туда* ~ *туда* (*туды*), *тудака* (*тудыка*), *тудайко*, *тудой*, *тудока*, *туду*, *тудыкало*, *тудыкова* (*тудыково*), *тудысь*, *тудыть* и др.; 2) варианты, обладающие значениями, которым нет соответствий в литературном языке: *потуда*, *потудова*, *посюлева*, *посюль* и т. п. Вместе с тем, несмотря на значительное количество, «набор вариантов... упорядочен и представляет собой реализацию небольшого числа структурных моделей слов, заполняемых ограниченным числом структурных элементов»: *сюда* – *сюдыть* – *сюдова* – *сюдыка* –

судыкова, туда – тудить – тудова – тудыка – тудыкова и пр. Значения у элементов *-сь, -ть, -ка, -ова* и др. отсутствуют [4: 49–50]. Данные выводы применимы и к изучаемым единицам: ряд диалектных лексем имеют один литературный синоним *здесь*, за исключением *зде́кава* ‘сюда’; форманты, описанные В. Б. Евтюхиным, также входят в структуру исследуемых наречий *зде́ся, зде́ка, зде́кава* и др.

Необходимо отметить, что система диалектных местоименных наречий имеет отличия и от системы наречий древнерусского языка: «В XI в. местоименные наречия представляют собой лексически устойчивые и довольно четкие структур-

но-семантические группы: обстоятельственные с формантами *-де, -амо, -уду, (-удЪ), -гда*; качественные с формантами *-ако, -ми (-ма)*. Дальнейшая история представляет картину их постепенного разрушения» [7: 64]. Обратим внимание на то, что набор формантов, участвующих в образовании наречий раннедревнерусского языка и современных говоров, различен.

Итак, рассмотрим диалектные местоименные наречия *зде, zdeka, здесь* и т. д. (см. таблицу). Данные лексем представляют собой двух-, трех-, четырех-, пятикомпонентные кластеры – единицы, состоящие из нескольких партикул.

Местоимение *зде* и дериваты в говорах Карелии и сопредельных областей (данные СРГК, 2: 246–247; СРНГ, 11: 230–231; Даль, 1: 1686)

Лексема	Иллюстрация
1. Двухкомпонентные кластеры	
<i>зде</i> ‘здесь’ (з < сь) + де	<i>Четыре класса зде, а три года в Гридино училась. Кем. Не кукуй, кукушка, зде. Олон. Ты отныне же торгуй, да век же по веку, Зде во Киве беспошлинно. Гильфердинг. Онеж. + Арх. (церк.), Север., Петерб., Волог.</i>
<i>здѣ</i>	<i>Ну так что, туристуете здѣ? Белом. Может, и бывал когда здѣ, да не в наших веках. Пуд. + Медв.</i>
<i>зди</i>	<i>Уж больше тридцати лет колхоз зди. Онеж.</i>
2. Трехкомпонентные кластеры	
<i>зде́ся</i> ‘здесь’ (з + де + ся)	<i>Зде́ся есть и лебеди. Пуд. У нас здесь-то на лето только приезжают, а нын-то поболее живут. Медв. Корба была здесь непроходимая. Подп. + Белом., Кем., Пест., Чер., Волог., Арх., Сев.-Двин., Ленингр.</i>
<i>зде́се</i> ‘здесь’	<i>Кругом, кругом, осиротела, Тебя, мой милый, здесь нет. Арх. Сев.-Двин. + Олон., Волог.</i>
<i>зде́ка</i> ‘здесь’ (з + де + ка)	<i>Зиму-то zdeka не живу. Медв. А вот дети zdeka у дома бегают. Медв. Zdeka девчат много, пускай сюда едет. Пуд. + Кондоп. Zdeka мостики да все ведь каменны, А дороженьки да здесь ведь глиняны. Онеж. Гильфердинг. Олон. + Арх. 1847</i>
<i>зди́ка</i> ‘здесь’	<i>Здика топлена печка, дак жарко. Кондоп.</i>
<i>зде́не</i> ‘здесь’ (з + де + не)	<i>Так здене сошку с сучками ставили. Лод.</i>
<i>здѣ-во</i> ‘здесь’	Север [?], Новг. [?], Волог. [?]
3. Четырехкомпонентные кластеры	
<i>зде́кава</i> ‘здесь’ (з + де + ка + ва)	<i>Здекава косить будем. Медв. Он [медведь] ходит zdeкава. Медв. Я десять годов zdeкава прожила. Пуд. + Кондоп.</i>
<i>зде́кава</i> ‘сюда’	<i>Вы zdeкава приезжали на самолете? Тер.</i>
<i>зде́ка во</i> ‘вот здесь’	Арх. Опыт 1852
<i>зде́сева</i> ‘здесь’ (з + де + се + ва)	<i>У меня одна курица да и та zdeсева живет. Карг. Сестренка приходила узнавать, zdeсева ли я. Выт. Косили zdeсева, а теперь телята обьели. Карг. + Прион., Олон.</i>
<i>зде́сява</i> ‘здесь’	<i>В школу ходили zdeсява. Карг.</i>
<i>зде́сека</i> ‘здесь’	<i>Век не бывала zdeсека. Волог. + Кадн. Волог. 1883–1889</i>
<i>зде́сека́</i> ‘здесь’	Кадн. Волог. 1896, Волог.
<i>зде́сека</i> (удар.?)	Холмог. Арх.
<i>зде́се́ка</i> ‘здесь’	<i>А свой дом был у нас в Кукирягах, а выросла-то zdeсе́ка. Подп.</i>
<i>зде́сяку</i> ‘здесь’	<i>Когда вступила в партию, была zdeсяку одна. Подп. Zdeсяку сено возят, на лошади возят сено. Лод.</i>
<i>зде́сяка</i> ‘здесь’	<i>А тая не вышла зря zdeсяка-та. Подп. + Волог., Шенк. Арх., Сев.-Двин.</i>
<i>зде́сяко</i> ‘здесь’	Лодейноп. Ленингр., Ленингр.
<i>зде́се́ко</i> ‘здесь’	<i>Зде́секо коров не держат. Лод.</i>
<i>зде́сяко</i> ‘здесь’	<i>Нашли здисяко покойничка, с войны еще, нашли косточки и записочку. Подп.</i>
<i>зде́сетка</i> ‘здесь’ (з + де + се + тка)	Волог.
<i>зде́сятка</i> ‘здесь’	Петрозав. Олон.
<i>зде́се́тко</i> ‘здесь’	<i>Не только zdeсе́тко пройдете. Кирил.</i>
<i>зде́сятко</i> ‘здесь’	<i>Зде́сятко-то и спим, погляньтѣ. Кирил. Топеря-то легче пожитьѣ, вона zdeсятко как добро стало. Кирил. Мы zdeсятко живем овенадцать год. Кирил.</i>
<i>зде́сятка</i> ‘здесь’	Грязов. Волог. 1896
<i>зде́сятко</i> ‘здесь’	<i>У нас здисятко на озере больно много рыбы. Белоз. + Шексн.</i>
4. Пятикомпонентный кластер	
<i>зде́сякова</i> ‘здесь’ (з + де + ся + ко + ва)	<i>Пятнадцатого zdeкабря была в больнице zdeсякова. Подп.</i>
5. Экспрессивы	
<i>зде́сенько</i> ‘здесь’	<i>Гоноболу поглядим, а там собирать сходим, пока вы здисенько. Тихв.</i>
<i>зде́сечка</i> ‘здесь’	<i>Зде́сечка иду я домой, вдруг навстречу мне заяц. Тотем. Волог.</i>

ЗДЕ, ЗДЕ́, ЗДИ. В севернорусских говорах зафиксировано местоименное наречие *зде* (*здѣ, зди*) (см. таблицу, п. 1). Лексема *зде* является двухкомпонентным кластером – единицей, образованной в результате соединения двух партикул *se/sъ* и *de*. Партикулы с консонантной опорой *s* и *t* «функционируют прежде всего как показатели определенности / неопределенности» [5: 279]. Партикула *se/sъ* является общеславянской, функционирует как междометие; форма *съ* «выступает как самостоятельное местоимение или как часть деривативной цепочки: *се-й, се-го, по с-ю пору, си-ю минуто*. <...> ... может занимать как инициальную, так и конечную позицию: *се-годни, но вечеро-сь, утро-сь*; ср. древнерусское *си-ночь, сербское си-но, македонское си-нока* и т. д. Она может занимать и центр: др.-русское: *по-ся-мест / по-ка-мест* и под.» [5: 279]. Относительно партикул с опорой на *d* в работе «Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)» Т. М. Николаева пишет, что *dy/de* имеет значение местного локализатора, например: в белорусском, украинском языках – *куды, туды*; русское – *где*» [6: 150]. Позднее в монографии «Непарадигматическая лингвистика: (История “блуждающих частиц”»)» исследователь отмечает, что *de*, возможно, восходит к глаголу *dějati* и является сокращенным императивом или *de* является примарной партикулой (может функционировать самостоятельно и образовывать деривативные цепочки), см. ее дериваты, например, *къ-de, гьde* [5: 290]. Ср. также: М. Фасмер указывает, что праславянская лексема **съde* образовалась от местоимения *съ* путем присоединения форманта *-de* (Фасмер, 2: 89–90).

В памятниках древнерусской письменности отмечены наречия *сдѣ, съде, сде* с основным значением места нахождения ‘здесь’ и со значением направления ‘куда, сюда’. С XV века наречие начинает употребляться только с основным значением, в источниках зафиксирована форма *зде*. Для указания на направление действия используются приставочные образования *отъзде, дозде* [7: 64–65]. Форма *зде* возникла в результате ассимиляции по звонкости вследствие падения редуцированных.

Частотность употребления наречия *здѣ* в XVIII веке снижается (СлРЯ XVIII в., 8: 157). Наречие *здѣ* с пометой «церковное» зафиксировано в словаре В. И. Даля (Даль, 1: 1686). В современном литературном языке эта древняя форма не употребляется. Двухкомпонентный кластер *зде* (*здѣ, зди*) сохраняется в северных диалектах.

ЗДЕСЯ, ЗДЕКА, ЗДЕНЕ и др. Диалектные лексемы состоят из трех партикул (см. таблицу, п. 2). Трехкомпонентный кластер *здесь* (*здесе, здесья*) зафиксирован в конце XIV века [7: 66]. К двухкомпонентному кластеру *сьде* (*зде*) присоединяется третий компонент *-се*. М. Фасмер отмечает: «Форма **сьде* была усилена присоединением частицы *-се* “се, вот”, которое в историческую эпоху ослаблено в *-сь*» (Фасмер, 2: 90). Присоединяется

партикула – «показатель определенности», сохраняющая, по всей видимости, это значение. В произведениях XVIII века отмечены формы *здѣсь* (*сдѣсь*) и *здесья* с пометой «простонародное». У лексем сохраняется значение ‘в этом месте’: *Дождей никогда здѣсь <в Египте> не бывае*. Геогр. 1710 87. Кроме того, развивается новое значение ‘в этом случае, при этом’: *Нельзя не сказать Слышателие, что сия виктория сталась от собственнаго Божия смотрения: и большую здѣ видим милость господню, нъжели здѣ провиденция вѣтры на помощь посылала*. Пркп. СР. (СлРЯ XVIII в., 8: 157). Подобные образования также зафиксированы в словаре В. И. Даля: *здѣсь, здесья* и новгородский, вологодский вариант *здися* ‘тут, на сем месте, на этом месте’: *Был в лесе, а стал здесья. Незачем далеко, и здесь хорошо* (Зачем далеко, коли здесь хорошо) (Даль, 1: 1686). С этими значениями лексема *здесь* продолжает функционировать в современном русском литературном языке (БАС-3, 6: 691–692).

В говорах Карелии и сопредельных областей, как показывает представленный материал, употребляются лексемы, третьим компонентом которых являются *-ка, -не*. Данные форманты асемантизированы; присоединяясь к двухкомпонентному кластеру они, скорее всего, выполняют усилительно-выделительную функцию, ср.: М. Фасмер отмечает, что усилительные частицы *-ка, -ко* могут стоять после местоимений, наречий и императива; в словарной статье приводятся примеры из славянских языков: *мне-ка, ну-ка, дай-ка*, укр. *тут-ка* ‘здесь’, *нинь-ка* ‘нынче’, болг. *аз-ка* ‘я’, *днес-ка* ‘сегодня’, сербохорв. *тебе-ка, теби-ка, данас-ка* и др. (Фасмер, 2: 147). Возможно, трехкомпонентные кластеры сформировались в старорусский период, но функционировали в разговорной речи, поэтому они не зафиксированы в «Словаре русского языка XVIII века». Трехкомпонентные кластеры отмечены в XIX веке: В. И. Даль, помимо *здѣсь, здесья, здися, здѣ-ка*, приводит лексему *здѣ-во* (Даль, 1: 1686). Однако можно предположить, что они появились в диалектной речи позднее, поскольку в говорах продолжает функционировать двухкомпонентный кластер *зде* (*здѣ, зди*), к которому может присоединяться третий формант.

Обращает на себя внимание пример из «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», в котором лексемы с частицей *-то* пишутся с дефисом: *У нас здесья-то на лето только приезжают, а нинь-то поболе живут*. Медв. (см. таблицу, п. 2). Наречие *здесья* выделяется в потоке речи при помощи частицы *-то*; присоединяется четвертый компонент, но новая лексема не образуется. Лексикографы-диалектологи пишут наречия с дефисами, не считая их употребление узуальным.

ЗДЕКАВА, ЗДЕСЕВА, ЗДЕСЯКА и др. Данные диалектные лексемы представляют собой четырехкомпонентные кластеры – *з + де + ка + ва, з + де + се + ва* и т. д. (см. таблицу, п. 3). К трех-

компонентному кластеру присоединяется четвертый *-ва*, *-ка*, *-ко*, *-ку*. Формы, заканчивающиеся на *-тко* и под., возможно, являются вариантами к лексемам с формантами *-ко* (*-ка*); гипотезу о вариантности данных форм выдвигает И. С. Вахрос [2]. Формант *-ва* также относится к партикулярному фонду языка, но свободно в русском языке он не употребляется; *-ва* имеет генетические связи с древнеиндийской модальной частицей *va* 'даже' [6: 5].

Лексема *здекава*, помимо основного значения 'здесь', обладает значением 'сюда', с которым употреблялось наречие *сдѣ* в древнерусском языке. Следовательно, лексема *здекава* сохраняет древнее значение, изменение семантики в результате присоединения третьей, четвертой партикул не наблюдается. Отдельно отметим сочетание *здека во* 'вот здесь' Арх. Опыт 1852, в котором *во* является самостоятельной лексемой (СРНГ, 11: 230).

Четырехкомпонентные кластеры сформировались не ранее XIX века, ср.: в словаре В. И. Даля с пометой «северное» зафиксированы *здесяка* и *здесетко* (Даль, 1: 1686). Обратим внимание на примеры с наречиями *здесяка* и *здесятко*, приведенными в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей»: *А тая не вышла зря здесяка-та*. Подп. *Здесятко-то и спим, погляньтѣ*. Кирил. (см. таблицу, п. 3). Лексемы стоят в конце и начале предложения – в сильной позиции с точки зрения актуального членения. К ним присоединяется усилительно-выделительная частица *-то* (*-та*). В словарных статьях лексемы пишутся с дефисами, приводятся примеры и с частицами, и без них. Пятикомпонентные кластеры как отдельные лексемы не сформировались, но тенденция намечается, ср. приведенный выше пример с лексемой *здеся-то*.

Интерес представляет форма *здѣсь-этто*, отмеченная в словаре В. И. Даля: к трехкомпонентному кластеру присоединяется формант *этто*, который, очевидно, привносит усилительное значение 'именно в этом месте', ср.: в СРГК зафиксирована частица *этта*, употребляющаяся для усиления эмоциональной окрашенности со-

держания высказывания 'вон, вот, ведь': *Видишь гость пришел этта*. Онеж. (СРГК, 6: 939).

ЗДЕСЯКОВА. Пятикомпонентный кластер *здесякова* (*з + де + ся + ко + ва*) – редкое явление для русских говоров (см. таблицу, п. 4). Пятикомпонентный кластер – союз *ажно́лича* 'а ведь' отмечен в южнорусских говорах: *Я думала: мой милый друг серчает, – Ажно́лича мой милый друг устречает* (песня). Курск. + Дон. (СРНГ, 1: 213), записи конца XIX – начала XX века. В словаре В. И. Даля находим *ажно́лича*, синоним *ажно*, без географической пометы (Даль, 1: 16).

ЗДИСЕНЬКО, ЗДЕСЕЧКА. В изучаемых говорах зафиксированы наречия *здисенько*, *здесечка* (см. таблицу, п. 6). Форма *здесенька* отмечена в словаре В. И. Даля (Даль, 1: 1686). Эмоционально окрашенные суффиксальные образования (местоимения, союзы) характерны для диалектной речи, ср.: в вологодских говорах употребляется союз *ровнышко* 'как, словно, будто' (СВГ, 9: 58–59), в архангельских – союз-частица *да́жечки* 'так что даже' (СРНГ, 7: 265), в уральских – *аженьки* 'так что даже' (СРНГ, 1: 210). Экспрессивная лексика, как показывает материал, в русских говорах представлена не только служебными частями речи, местоимениями, но и местоименными наречиями.

Итак, в говорах Карелии и сопредельных областей отмечается наличие большого количества диалектных местоименных наречий, которые представляют собой кластерные структуры, состоящие из двух, трех, четырех, пяти компонентов. В диалектной речи сохраняется архаическая форма *зде* (*здѣ*, *зди*), появляются новые лексемы в результате присоединения партикул. Третий, четвертый, пятый компоненты асемантизированы, за исключением, по всей видимости, *-сь*. Отмечается тенденция присоединения пятого компонента к наречиям (*-то*), но новые лексемы не образуются. Присоединяющиеся партикулы выполняют усилительно-выделительную функцию. Время появления трехкомпонентных кластеров – старорусский период; четырех-, пятикомпонентные кластеры формируются позже.

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. Т. 6. З. Зятюшка. М.; СПб.: Наука, 2006.
 Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. А–З. СПб.; М.: Издательство поставщиков Двора Его Императорского величества. Товарищество М. О. Вольф, 1903.
 СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007.
 СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1994–2005.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–11. М.; Л.: Наука, 1965–1976.
 СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 8. СПб.: Наука, 1995.
 Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.
2. Вахрос И. С. Происхождение приимперативной частицы *-ка* // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1984. P. 165–178.

3. Гусева Е. Р., Калинина В. К. Местоименные наречия в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 165–171.
4. Евтюхин В. Б. О морфемной членимости местоименных обстоятельственных наречий в северо-западных русских говорах // Вопросы грамматического строя и словообразования. Петрозаводск: Петрозав. ун-т, 1976. С. 49–55.
5. Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с. (Studia philologica).
6. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Едиториал УРСС, 2005. 168 с.
7. Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М.: Наука, 1989. 176 с.

Guseva E. R., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PRONOMINAL ADVERB *ZDE* AND ITS DERIVATIVES IN RUSSIAN DIALECTS OF KARELIA AND ADJACENT REGIONS

There is a large number of pronominal adverbs representing particular clusters – lexemes, formed by means of agglutination of ancient primary elements – particles under the influence of the Wackernagel’s law found in dialects of Karelia and adjacent regions. The paper studies structural and semantic characteristics of the adverb *зде* and its derivatives *зdes’а*, *здека*, *здекава* etc., fixed in the “Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent regions” and the “Dictionary of the Russian national dialects” from the point of synchronous and diachronous approaches. The study shows that lexemes formed on the basis of the particule *се/сь* as an indicator of certainty, consist of two, three, four or five components. An archaic form *зде* (*зд’о*, *зди*) is a two-component cluster that functioned in the ancient Russian language and is encapsulated in the dialect speech. Structurally more complex lexemes appear in the dialects through the attachment of formants *-s’а* (*-s’*), *-ка* (*-ку*, *-ко*, *-тка*, *-тко*), *-не*, *-ва* etc. The third, the fourth and the fifth components are desemantised; the formant *-s’а* (*-s’*), apparently, is an exception. The attaching particles bare a stressing and highlighting function. The three-component clusters were formed in the Old-Russian period; the four- and the five-component clusters were formed later. There is a tendency of adding the fifth component *-то* to the adverbs (*зdes’ака-то*, *зdes’атко-то*), but new lexemes are not formed.

Key words: conjunction, particule, syntax, morphology, Russian northern dialects

REFERENCES

1. Valgina N. S., Rozental’ D. E., Fomina M. I. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2002. 528 p.
2. Vakhros I. S. The origin of the close to imperative particle *-ка* [Proiskhozhdenie priimperativnoy chastitsy *-ка*]. *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1984. P. 165–178.
3. Guseva E. R., Kalinina V. K. Pronominal adverbs in Russian dialects of Karelia and adjacent regions [Mestoimennye narechiya v russkikh govorakh Karelii i sopredel’nykh oblastey]. *Vtorye Gromovskie chteniya. Russkie narodnye govory: proshloe i nastoyashchee*. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova Publ., 2015. P. 165–171.
4. Evtyukhin V. B. On morphemic dividedness of pronominal adverb of circumstance in North-Western Russian dialects [O morfemnoy chlenimosti mestoimennykh obstoyatel’svennykh narechiy v severo-zapadnykh russkikh govorakh]. *Voprosy grammaticheskogo stroya i slovoobrazovaniya*. Petrozavodsk, Petrozavodskiy Universitet Publ., 1976. P. 49–55.
5. Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika: (Istoriya “bluzhdayushchikh chastits”)* [Non-paradigmatic linguistics (History of “wandering particles”)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 2008. 376 p. (Studia philologica).
6. Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of the particles in an utterance (based on Slavic languages)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 168 p.
7. Churmaeva N. V. *Istoriya narechiy v russkom yazyke* [History of adverbs in the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 176 p.

Поступила в редакцию 19.04.2016

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiam@onego.ru

СТРУКТУРА ИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ КАРЕЛИИ XV–XVI ВЕКОВ (МОДЕЛИ ИМЕНОВАНИЙ)*

Представлен анализ моделей именования лиц, зафиксированных в делопроизводственной письменности Карелии XV–XVI веков. Объясняются причины вариативности номинации человека в текстах региональных памятников письменности; рассматривается статус и роль дополнительных идентификаторов лица (названий лиц по родству, по профессиональной деятельности, социальному положению, месту жительства) в антропонимических структурах, содержащих разное количество элементов. Определены условия онимизации дополнительных идентификаторов, главными из которых являются социальный статус человека и внутренние ресурсы ономастической системы.

Ключевые слова: историческая антропонимия, региональная антропонимия, структура именования, модель именования, дополнительный идентификатор, имя, прозвище

Особенности антропонимической структуры рассматриваются практически во всех работах, посвященных изучению исторической антропонимии. Такое внимание к способам номинации лица обусловлено многообразием моделей и формул именования¹ в прошлом в разных регионах Руси, сопряженным с поиском ответа на вопрос о наиболее оптимальном представлении субъекта в тексте документа, о причинах такой изменчивости. Вариативность касается наличия большого количества различных способов номинации, которые выводятся при анализе референции не только разных лиц, но и одного «персонажа», отмеченного в тексте делового источника. Продемонстрируем последнее на примерах, где один и тот же человек записан неодинаково как в разных частях одного документа: *Степан Скипа Васильев сын Фекина // Скипа Васильев сын Лустина Фекина // Скипа Васильев сын Фекина // Скипа Фекин // Степан Скипа // Скипа*, 1568² (ПКВП1, 126, 127, 161, 162), так и в разных документах: *Стефан Михайлов сын Заломаяева Будай // Будай // Будаец*, отступная, 1572³ (АСМ, 16) // *Стефан Михайлов сын Будай*, купчая, 1581 (Там же, 157) // *Степан Будай Михайлов сын Заломаяева // Будай*, купчая, 1574 (Там же, 48). При этом каждый анализируемый с антропонимических позиций письменный источник не только отражает уже описанные в ономастике факты, но и дает новый материал, ставит перед исследователем новые вопросы.

Цель статьи – описание *моделей именования*, отмеченных в региональном ономастиконе; определение функциональной нагрузки дополнительных идентификаторов, условия их антропонимизации.

Для анализа выбраны официально-деловые документы: писцовые книги Обонежской и Водской пятин и дозорные книги Лопских погостов XV–XVI веков, близкие в жанровом отношении. Носителями именований являются преимущественно крестьяне, а также мастеровое население края, местные церковные служащие, земцы, бобыли, реже упоминаются бояре, помещики, владевшие землями на территории Карелии. Всего обработано 21 039 антропонимических структур. Для сопоставления привлекаются материалы, зафиксированные в иных типах делопроизводственной письменности – актах и грамотах⁴, а также в документах Кексгольмского лена XVI–XVII веков, написанных на шведском и русском языках.

Общеизвестно, что XIV–XVII века – этап формирования великорусской народности, ее языка. Это время, когда складывались правила составления документов, но о единых стандартах (несмотря на писцовые наказы) говорить еще нельзя (особенно в XIV–XV веках). Как следствие, отсутствие нормы отражается на особенностях номинации человека в тексте документа. Так, в изучаемый период антропонимия разных регионов Руси с точки зрения количества элементов обозначена следующими моделями именований: одно-, двух-, трех- и многокомпонентными. Представим собранные по памятникам письменности Карелии сведения в таблице, которые показаны с учетом времени (от более ранних к более поздним) для определения динамики явления, а также географии (одинаковые территории выделены разными оттенками серого цвета).

Состав моделей именования в документах Карелии XV–XVI веков

	1496 ПКОП	1539 ПКВП	1563 ПКОП	1568 ПКВП	1582/83 КЗПОП	1597 ДКЛП	Средний %
1 комп.	913	77	1071	460	218	226	
	42 %	24 %	14 %	14 %	4 %	17,5 %	14 %
2 комп.	1252	153	6237	1863	5860	1223	
	57,6 %	58 %	76 %	66 %	94 %	78 %	79 %
3 комп.	8	34	655	540	99	93	
	0,37 %	18 %	9 %	18 %	2 %	4,5 %	7 %
4–5 комп.			10	47			
			1 %	2 %			0,3 %
Количество фиксаций	2173	264	7973	2910	6177	1542	21039

Дадим комментарий полученным результатам.

I. Следует признать значительным показателем по однокомпонентным моделям, особенно в документах 1496 (42 %) и 1539 (24 %), что объясняется невысокой плотностью населения в средневековой Карелии. По этой же причине много однокомпонентных моделей в Дозорной книге Лопских погостов в 1597.

Более того, отмечаются населенные пункты (особенно в Обонежье), где все жители обозначены только через однокомпонентное именование, типа *дер. на Виж-матке: в ней Гридка да Андрейко да Якимко, в ней Тараско*, Шуньгский, 1496⁵ (ПКОП, 3); *двор боярской, в нем сам Кузма; а крестьян: в нем Михай, в нем Гридька... в той же волостке Каскагале за Кузмою же дер. Рай... в ней Ивашко*, Ролдужский, 1539⁶ (ПКВП, 34). Со второй половины XVI века количество таких структур сокращается.

Само по себе функционирование данной модели доказывает, что *имя* являлось, как и в глубокой древности, основной антропонимической единицей, ядром репрезентации человека, хотя в писцовых книгах Обонежской пятины 1496 встречаются единичные фиксации лица через отчество или патроним (все в Шуньгском погосте), ср.: *дер. на долу: в ней Иевич да Федотко* (ПКОП, 5); *дер. в Наволоке: ...в ней Никифорко Кузмин сын да Якович* (Там же); *дер. у Порошка: в ней Никонин, в ней Ларюк* (Там же, 4).

II. В конце XV – начале XVI века однокомпонентная структура становится все менее пригодной для должной идентификации лица даже в малонаселенной Карелии, поэтому большая часть номинаций человека происходит через двухкомпонентную модель (средний показатель 79 %). Сопоставление статистики по годам (с привязкой к региону) показывает: в Обонежской и Водской пятинах количество двухкомпонентных моделей увеличивается, что в общем-то не отличается от статистических показателей и динамических

процессов, описанных ономастами при изучении антропонимии по другим регионам Руси начиная с В. К. Чичагова [10] (см. также: [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9] и др.). Данная модель занимает весомую позицию и в актовых документах, но в отличие от официально-деловых источников количество употреблений двухкомпонентных именований значительно меньше (37,5 %). Это объясняется целевыми установками создания документов разных типов, особенностями их композиции и, как следствие, различиями в представлении человека в них.

III. Трехкомпонентные структуры не являлись характерным признаком ономастической системы Карелии XV–XVI веков, что опять же обусловлено культурно-историческими, экономическими условиями региона. Кроме того, такие модели – типичная сословная черта номинации средневекового человека. Их носители – бояре, земцы, помещики, владельцы мельниц, амбаров, варниц, шербетей, приказчики, дьяки, старосты, торговые люди, вдовы (955 случаев). В крестьянском социуме трехкомпонентные модели также не являются единичными. Однако различия касаются особенностей третьего компонента, в его роли при номинации крестьян выступает не только фамильное прозвание (*Матвейко Васильев Строкин*, 1563, ПКОП, 67; *Михалко Федоров Песенкин*, 1568, ПКВП, 63; *Лева Яковлев Котов*, 1582/83⁷, КЗПОП, 277), но и прозвище (*Ивашко Максимов Шербина*, 1496, ПКОП, 11; *Кирилко Иванов Широкой*, 1563, Там же, 68; *Никита Васильев Базыка*, 1568, ПКВП, 67; *Кирилка Микитин сын Пеллюй*, 1597⁸, ДКЛП, 195 и под.). В то же время у лиц, не являющихся крестьянами, или у крестьян, имеющих некую дополнительную собственность, третий компонент оформлен чаще всего по патронимному типу (часто в генитивной форме), ср. именование земцев: *Дарьца Микитина дочь Няскова*, 1568 (ПКВП, 100); *Васюк Ларионов Косикова*, 1563 (ПКОП, 136); *Леонтий*

Дмитриев сын **Молеванова**, 1582/83 (КЗПОП, 146) и проч.

Более активно трехкомпонентная модель используется в частно-деловой письменности (26 %), где большая часть текстов начинается и заканчивается структурами, состоящими из двух-, трех- и большего количества элементов, номинирующих человека: *Се яз, Яков Парфеньев сын Париукова, с своим сыном Никифором, умбляне, продали есми Фегнасту старцу Соловецкого монастыря пол-лука уголья своего в Умбе... А на то послуши: Савелей Федоров сын Водникова да Иван Афанасьев сын Новзиева... Купчюю писал диячек умбской Петелка Лукьянов, купчая, 1572 (АСМ, 14).*

Отметим, что несмотря на невысокий процент употребления именно русская трехкомпонентная модель повлияла на представление лица в смешанном этническом социуме, нашедшем отражение в шведских документах, и стала специфическим атрибутом западноевропейского средневекового ономастикона, ср. сначала единичные употребления в 1618⁹ и 1631¹⁰: *Matti Joaninpoika Heikanen* (КЛ1, 313), *Thomas Thomasson Assi* (КЛ2, 453), а позже – в 1637¹¹ – более регулярные, см. примеры из шведской части: *Sibrät Jussinpoika Lemmitajnen*, Tiurala p. (КЛ3, 58), *Paao Antinpoika Paukone*, там же (КЛ3, 59); *Olli Mikilenpoika Litten*, Kurcki-jocki p. (КЛ3, 80); *Marti Juganin Nysken*, там же (КЛ3, 86); *Lassi Ollinpoika Kilap*, там же (КЛ3, 99). Всего около 50 случаев в шведской части и более 80 в русской (на 4455 носителей).

IV. Многокомпонентные модели именования для исследуемых источников оказались функционально незначимыми, особенно для Обонежской пятины и Лопских погостов (см. таблицу). Причина экстралингвистическая: стремление как можно более точно обозначить в тексте документа собственника. Потому носителями таких имен являются земцы мужского и женского пола, ср.: *за Федьком за Олексеевым сыном Борисова Фомина да за Сергееком за Григорьевым сыном Борисова Светухина*, п. Сакульский, 1568 (ПКВП1, 129–130); *за вдовою за Ориною за Семеновою женою Иванова сына Денисьева Савина да за ее дочерьми за Марьею да за Овдотьей*, п. Ровдужский, 1568 (Там же, 155) и т. д. Процент таких конструкций невысок и в документах иного делового типа: актовых материалах, грамотах. Например, в купчих, челобитных, данных и подобных документах через такие модели также отмечены жители Карелии, имеющие или имевшие собственность, ср.: *Се яз, Стефан Михайлов сын Заломаева Будай, отступился есми царева и великого князя росолу, а своего владенья Овдотьи Михайлове дочери Косицина, а Михайловский жены Кологривова трити двенадцатого сугреба в Климишинской варници... Ненокса, отступная, 1572 (АСМ, 16); Се яз, Василей, да яз, Яков Кока,*

да яз, Левонтей, да яз, Иван, да яз, Моисей, братеники, Ивановы дети Кологривова Яковлева отдали есмя пожни на Верхной реки... Ненокса, «празговая» запись, 1581 (АСМ, 159; ...отдали... полтретья лука по души снохи своей Ефресеньи Перфирьевой дочери, а Максимовской жене Попова, Варзуга, данная, 1573/74 (АСМ, 45) и т. д. Всего 55 подобных примеров на более чем 3890 употреблений. С лингвистической стороны нет сомнений: многокомпонентная конструкция была неудобна для целей делопроизводства, не говоря о разговорно-бытовом общении. Поэтому в пределах региона она уступала более экономичным (прежде всего двухкомпонентным) моделям номинации лица.

V. Имеются единичные случаи безонимных номинаций. Они отмечены при назывании лиц мужского и женского пола, являющихся низшими церковными служителями: *пономарь, проскурница, проскурник*, ср. выделенные жирным курсивом примеры: *дер. на Кузаранде на Федоровской половини: в той деревне поставлена церковь выставка Рождество пречистыя, в ней поп Никон, в ней пономарь, 1563 (ПКОП, 138); за рекою за Федоровкою на Спаской улице дворы тяглые... в них церковной дьячек Бориско Васильев Демидова... в ней Никольская проскурница, 1568 (ПКВП1, 67); дер. Пиминовская у погоста, а в ней поп Василей Иванов, в ней дьячок церковной, в ней пономарь Иванко, в ней проскурница, 1582/83 (КЗПОП, 99). Всего 6 примеров. Безусловно, такие безымянные структуры, содержащие отсылку только к названию лица по роду деятельности (агенсу), выделяются в тексте памятника, особенно на фоне антропонимического окружения. Их фиксация в писцовых и дозорных книгах дает основание предполагать, что социального статуса человека, жившего в сельской местности, было достаточно для идентификации лица в тексте документа.*

Таким образом, в указанный временной период в номинации лица в региональном делопроизводственном документе отсутствовала единая юридическая норма. Как следствие, наблюдается высокая вариативность в отборе количества компонентов для представления человека в тексте памятника. Однако наиболее значимыми, экономными становятся двухкомпонентные модели. На количественный состав структуры именования человека влияли его статус, плотность населения. Чем выше статус, чем большее количество жителей фиксируется в регионе, тем больше компонентов требуется для точной идентификации человека.

Анализ структур с количественной точки зрения заставил обратиться к проблеме точной квалификации статуса отдельных компонентов, сопровождающих антропонимическую структуру. Назовем его *дополнительный идентификатор*. Претензии относятся к примерам с одно- и двух-

компонентными моделями именованя, когда дополнительный идентификатор семантически связан с различными названиями лиц, имеющими нулевую коннотацию. Автором статьи ставятся вопросы: в каком случае дополнительный идентификатор можно и нужно считать компонентом именованя – единцей, занимающей пограничное положение между именем собственным и нарицательным (и, может быть, являющимся онимом), а в каком его можно оставить за границей антропонимической структуры, где дополнительный идентификатор равен апеллятиву? Приведем примеры, поясняющие поставленные вопросы. В купчей 1538/39 фиксируется *Захарья Кириллов сын Олончанина* (АСМ, 50), где третий компонент – *Олончанин* – определен исследователем И. З. Либерзон как прозвище в генитивной форме, что находит отражение в графике расшифрованного документа. В то же время в дозорной книге Шуерецкой волости 1598 записан *Иван олончанин* (АСМ, 240), и подобное название рассматривается как апеллятив, хотя самое распространенное личное имя *Иван*, без сомнения, требует, чтобы дополнительный идентификатор имел статус онима. Ср. также *Иван Федоров сын двинянин* (мировая, не ранее 1556/57 – Акты, 137) и *Богдан Гурьев Двинянин*, 1614¹² (Отказ. кн.). Как видим, слово *двинянин* занимает в сходных антропонимических моделях одинаковую позицию, но квалифицируется по-разному¹³.

Рассмотрим роль дополнительного идентификатора, сопровождающего модели с разным количеством компонентов.

Изучение однокомпонентных именованя показало: они уже являются информативно недостаточными¹⁴, особенно в случаях тезоименности – наличия большого количества лиц, названных одинаково. Приведем примеры семейной одноименности отца и сына, братьев: *Гриша Иванов да дети его Гриша да Куземка*, 1597 (ДКЛП, 225); *Игнат Парфеньев, да сын его Игнатко*, 1568 (ПКВП1, 167); *Павлик Исачков да сын его Павлик жо*, 1496 (ПКОП, 16); *Омоско Соболев, в ней брат его Пахомко, в ней брат же его Пахомко*, 1563 (Там же), 112; *Васка Никифоров, дети Тимошка да Тимошка ж*, 1496 (Там же, 2); *Нестерик да братья его, Терешко да Нестерик*, (Там же, 10) и под. (около 200 подобных фиксаций). Как видим, наблюдается нарушение основной функции имени собственного в пределах небольших социумов и территорий. В результате в ономастической системе возникает необходимость в разграничении субъектов, которая разрешается за счет добавления количества компонентов к структурной модели. Поэтому в текстах документов фиксируются следующие записи: *Степанко Колокол купчина з детми с Ъванком да с Ъвашком с меньшим*, 1568 (ПКВП1, 141); *Васюк Борисов да Исак Левонтьев, да Васка меньшей Борисов*, 1568 (Там же, 149); на Кучо ж

озере в волостке в Аччиеве Наволоке... Ъванко Большой да Ъванко Меньшой, 1597 (ДКЛП, 231); *Дмитрейко да Васька, да Васка же Меньшой* (Там же, 204) и т. п.

Итак, необходимость точного представления человека в тексте документа – условие, которое заставляет взглянуть на особенности функционирования однокомпонентных моделей иначе. Действительно, детальный анализ таких структур, зафиксированных в памятниках письменности, выявил, что большая их часть – 80 % от общего числа подобных моделей в официально-деловых документах и 49 % в частно-деловых документах – имеет при себе дополнительный идентификатор.

В роли дополнительного идентификатора выступают: 1) различные названия родственных отношений. Самые частые идентификаторы – *сын* и *дети*, указывающие на связь с отцом: *Власко Кирилов да его дети, Андрейко да Никитка*, 1496 (ПКОП, 2); *Макар Ларивонов да дети его Томилко да Поспелко*, 1597 (ДКЛП, 216); *Юркия Михеев, сын его Бориско*, 1496 (ПКОП, 35); *Игнашко Васильев да сын его Некрас*, 1568 (ПКВП1, 139). Процент таких записей высок во все годы в писцовых книгах 1496 (32,15 %), 1563 (19,9 %), 1568 (49,6 %), 1582 (29 %), в дозорных книгах 1597 (87 %). Ее активность объясняется социально-экономическими факторами: несложностью (при невысокой плотности населения) выявления наследника, на которого в последующем будет возложена обязанность по выплате налогов в казну.

Функционально значимым в писцовых книгах следует признать однокомпонентное имя при брате или при соседе: *Нестерик да братья его, Терешко да Нестерик*, 1496 (ПКОП, 10); *Гриша Данилов да брат ево Поташко*, 1582 (КЗПОП, 330); *Михалко Мокаров да сусед его Олексейко*, 1496 (ПКОП, 44); *Иванко Селифонтов да сусед его Омельяно*, 1563 (Там же, 243) и т. д. При этом антропоним, связанный маркером *сосед*, отмечен только в документах Обонежской пятины 1496 и 1563 и имеет ареальный показатель: фиксируется преимущественно в 1496 при описании Веницкого (Оятского) погоста, Вытегорского, Никольского Готславола, Оштинского – близких по территориальному расположению; единичен в Егорьевском в Коигушах, Пелушском, Шуньгском погостах в 1496; в Пудожском, Мегрежском, Выгозерском, Андомском – в 1563.

Менее активно однокомпонентное именование лица употребляется со следующими дополнительными идентификаторами – *пасынок*, *падчерица*, *приемыш*, *зять*, *тесть*, *дети* + *сыновья*, *дочери* (при матери), *братанич* (при двоюродном брате), *дядя*, *племянник*. Единично используются маркеры *внук*, *сноха*, *деверь*, *жена*, *шурин*, *отец* (при сыне) и *отчим* (при пасынке), *бабушка* (бабка), *дедушка*. См. ряд примеров: *Нифонтик Василев да сын его Федко да зять его Гридка*,

1496 (ПКОП, 13); *Маурка вдова* (Там же, 39); *Овдокимко Пороз да пасынок его Суслон* (Там же, 20); *Васка да Меркурко да Лазарко Еремеевы дети да в том же двори брат их Мосорка да его вотчим Рагоска*, 1563 (Там же, 161); *Прока Пянтин да братанич его Третьячко*, Вытегорский (Там же, 205); *Онтонко Иванов Телскуев да внук его Максимко* (Там же, 57); *вдова Матренка Григорьевская жена да ей внучата Богданко да Иванко* (Там же, 164); *деревни Якуша да Мосейка Михайлиных, да снохи их Катеринки*, Сакульской, 1568 (ПКВП1, 127).

Названные дополнительные идентификаторы при однокомпонентном именовании представляют отношения в семье, еще раз подтверждая, что семья для русского средневекового общества – особая ценность. Степень значимости названий лиц по родственным связям определяется в соответствии с частотностью названных идентификаторов в текстах документов. Их антропонимический коэффициент в изучаемых документах невысокий, они редко подвергались онимизации. Так, в следующем примере – *Орех да Дет Шитиковы*, Толвуйский, 1563 (ПКОП, 142) – можно увидеть территориальную и временную связь с записью: *Ивашко Дедов, Сенка Дедов*, Толвуйский, 1582 (КЗПОП, 113), а в случае – *починок в Лигачи на горе надо Мхом Дедка Волка* (Там же, 288) – статус прозвища оставлен под вопросом. Редкими являются и патронимные формы, ср.: *Филипко Вдовин*, 1496 (ПКОП, 55); *Ивашко Вдовин*, 1563 (Там же, 123); *Пуминка Вдовин* (Там же, 108); *Ондрейко Вдовкин* (Там же, 141); *Тимошка Мишуков Пасынков*, 1563 (Там же, 206); *Юшко Павлов Бабушкин*, 1568 (ПКВП1, 63), хотя в современных ономастических документах с разной частотностью фиксируются фамилии с названиями по родству в основе, ср. (в порядке убывания): *Вдовин, Бабушкин, Дедов, Внуков, Пасынков, Соседов, Племянников, Отцов* и т. д.

2) В функции дополнительного идентификатора выступают также следующие агенсы: различные названия лиц, отражающие социальный статус человека: *вдова, земец, волостной человек, молодой человек, средний человек, лучший человек, помещик, староста, казак, тиун* и др.

3) Названия лиц по роду деятельности: *бирич, вож, епанечник, ключник, коневал, конюх, коровник, кожевник, кузнец, лоточник, мельничник, овчинник, пивовар, подможчик, приказчик, портной мастер, пушкар, сапожник (сапожной мастер), соловар, старец, скоморох, скорняк, строитель, токарь, торговый человек, хлебник, швец, шорник, ямщик* и др. Социально маркированы однокомпонентные имена с дополнительными идентификаторами: *дьяк, дьякон, дьячок, игумен, игуменья, келарь, поп, пономарь, проскурник, проскурница, проскурня, священник, старица*. Они сопровождают больше 50 % однокомпонентных конструкций типа: *да была деревня у часовни...*

в ней поп Тимофей, в ней дьяк Лучка, в ней пономарь Минка, в ней проскурница Зеновьяца, 1563 (ПКОП, 73).

4) Названия лиц по местности: *двинянин, колмогор (колмогорец), ноугородец, олончанин, падмозер, толвуянин* и др. Индивидуализация **катойконимов** связана, очевидно, с осознанием личностью своего места в коллективе, а также отношением коллектива к личности, как к чужому «другому», а потому выделяющемуся среди прочих своим происхождением.

Как видится, такие агенсы (особенно по роду деятельности) при однокомпонентном именовании можно приравнять к прозвищу. Так, в следующих структурах: *Якушко староста*, 1496 (ПКОП, 48), *Гриша бобыль*, 1568 (ПКВП1, 145), *Степанко кожевник, Онтропко пивовар*, 1563 (ПКОП, 111), *Зенко возлозерец* (Там же, 199), *Лукьяник выгозерец*, 1496 (ПКОП, 22) и под., – выделенные жирным курсивом слова выполняют такую же функцию, как и антропонимы, которые сопровождают календарное имя, ср.: *Ивашко Пирог, Кирилко Треста*, 1496 (ПКОП, 11, 52); *Васка Бахор, Петрушка Кляпик*, 1563 (ПКОП, 112, 167); *Савка Белой*, 1539 (ПКВП2, 33); *Ивашко Гиблой*, 1563 и 1582/83 (ПКОП, 160; КЗПОП, 201–201); *Тимофейко Калтак*, 1568 (ПКВП1, 146) и т. д. Единственным отличием является мотивирующая коннотация апеллятива, отсутствующая у названий лиц в первом случае и присутствующая у прозвищ от экспрессивов во втором. На довольно высокий антропонимический коэффициент названий лиц по профессии, местности указывает и множество современных фамилий. Добавим, что имплицитный ономастический характер у таких апеллятивов обусловлен опять же типом памятника письменности, в котором переписи подвергнуто в основном крестьянское население (71,66 % от всех зафиксированных документов). Большая часть перечисленных в пп. 2–4 агенсов являются единичными. Вероятно, именно крестьяне и выполняли разнообразные профессиональные обязанности, чем и выделялись в социуме (исключая названия по статусу, должности, в том числе церковной: *земец, помещик, бобыль, боярин, князь, тиун, казак, поп, дьяк, архиепископ, писец, игуменья*). Это предположение также может служить основанием для возможности отнесения дополнительных идентификаторов к разряду прозвищ.

Следовательно, дополнительный идентификатор при однокомпонентных моделях, зафиксированных в официально-деловых документах Карелии XV–XVII веков, – необходимый элемент номинации лица. Тезоименность, увеличивающееся социальное расслоение общества потребовали указания на родственные отношения, профессиональную деятельность, статус, место жительства лица, приближая таким образом дополнительный компонент к прозвищу

и способствуя перерастанию однокомпонентного именования в более сложную структурную модель – двухкомпонентную.

Что касается употребления агентов при двух-, трех-, многокомпонентных моделях, то вопрос об их статусе и функциональной нагрузке должен решаться иначе. На наш взгляд, необходимо принять во внимание следующее: 1) положение названия лица по отношению к компонентам, имеющим статус имени собственного; 2) степень близости названия лица к личному имени; 3) наличие других (иногда более ярких) идентификаций лица.

По материалам памятников письменности Карелии и прилегающих к ней территорий рассматриваемые слова обычно расположены рядом с первым компонентом имени и находятся по отношению к нему в препозиции: *дворник Рагоста Спиридонов*, 1582/83 (КЗПОП, 240); *ноугородец Сидор Яковлев сын Хамталы*, 1568 (ПКВП1, 74), в постпозиции: *Сенка Ондринов бачарник* (Там же, 61); *Иванко Григорьев, рукавичник*, 1563 (ПКОП, 189) или в интерпозиции (реже): *Михейко пономарь Федоров*, 1582/83 (КЗПОП, 130); *Иванко скорняк Голкин*, 1563 (ПКОП, 60). Такая неустойчивость, вариативность, безусловно, свидетельствует о сохранении апеллативного статуса у дополнительных идентификаторов, особенно если они стоят в препозиции или интерпозиции. Что касается нахождения идентификатора в постпозиции, то следует учесть: каким по счету он является в антропонимической структуре. Если им сопровождается трех- или многокомпонентное именование, то вряд ли следует видеть процесс антропонимизации. В записи – *Конанка Федоров сын Трусов пушкарь*, 1568 (ПКВП1, 73) – последний компонент, выделенный жирным курсивом, избыточен для индивидуализации лица, его антропонимический коэффициент нулевой. Однако если на протяжении определенного времени именование не теряет этот компонент, то следует признать за ним прозвищную функцию. Такие примеры в официально-деловых документах не зафиксированы, но отмечены в актовых источниках при двухкомпонентных моделях. Ср. закрепление катойконима за одним лицом: в неизменном виде *Иван Алексеев сын переславец* отмечен в данных 1548 и 1553 (АСМ, 85, 117), а *Первой*

Филиппов сын шуеречанин – в купчей, данной и духовной 1571 (Там же, 232, 233, 239). Сопоставление позволяет предположить возможное появление патронимов (*Переславцев, Шуеречанинов*) у потомков, а также допустить, что названия лиц выполняли функцию, подобную третьим элементам трехкомпонентных моделей именования, ср. в отступной 1552 упоминаются рядом: *Микифор Васильев сын Заверткина* и *Матфей Семенов сын, костогорец* (АСМ, 113) и пр.

Отметим также, что для Карелии и смежных территорий XV–XVI веков с низкой плотностью населения, более длительным сохранением исконно славянского ономастикона и использованием антропонимов, восходящих к прибалтийско-финским по происхождению апеллативам, необходимости в развернутой идентификации лица, по всей вероятности, еще не существовало. Лишь в некоторых случаях мы можем предполагать (с опорой на письменные источники), что отдельные названия лиц, следующие за трех- и четырехкомпонентными именованиями, а также за прозвищами в двух- и трехкомпонентных структурах, входят в состав модели. Вероятно, к антропонимам можно отнести те идентификаторы, которые передаются по наследству от отца к сыну, от мужа к жене и подтверждаются документально, как в примере: *Семен Исаков сын Мохнатка, каргополец* упоминается в купчей 1556 (АСМ, 134), а в купчей 1563 назван его сын *Гаврилко Семенов сын Мохнаткина, каргополец* (Там же, 194, 195).

Подведем итоги. Исследование структуры именования в региональных памятниках письменности средневековой Карелии показало, что при отсутствии единой юридической нормы отсутствуют стереотипы и, как следствие, наблюдается вариативность в номинации лица через определенное количество компонентов. Нормативный импульс чувствуется только в том, что житель Карелии должен быть корректно представлен. И там, где социальные условия требуют точной идентификации лица, внутренние ресурсы ономастической системы формируют более сложные конструкции, используя при этом дополнительные идентификаторы, в определенных случаях они мимизируют их.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под антропонимической моделью именования понимаем то количество компонентов, которое отмечено в структуре именования лица (один, два и более компонентов) независимо от их антропонимической принадлежности к определенному разряду; под антропонимической формулой – определенную структурную схему сочетания антропонимических единиц разных разрядов (некалендарное личное имя, календарное личное имя, прозвище, патроним и т. д.).

² Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: Asiakirjoja Karjalain Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск; Йоэнеуу, 1987. С. 52–178. (В статье в круглых скобках указано ПКВП1, через запятую – страница источника.)

³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / АН СССР, Институт истории СССР, Ленингр. отд-ние / Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988. 275 с. (В статье в круглых скобках указано АСМ, через запятую – страница источника.)

- ⁴ Функционирование моделей именования в актовых источниках требует отдельного рассмотрения, именно поэтому в данной статье этот материал используется как источник сопоставления.
- ⁵ Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Акад. наук Союза Сов. Соц. Респ., Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268 с. (В статье в круглых скобках указано ПКОП, через запятую – страница источника.)
- ⁶ Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 19–51. (В статье в круглых скобках указано ПКВП2, через запятую – страница источника.)
- ⁷ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла; КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341. (В статье в круглых скобках указано КЗПОП, через запятую – страница источника.)
- ⁸ Дозорная книга Лопских погостов, 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 186–233. (В статье в круглых скобках указано ДКЛП, через запятую – страница источника.)
- ⁹ Переписная книга Корельского уезда, 1618 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 284–387. (В статье в круглых скобках указано КЛ1, через запятую – страница источника.)
- ¹⁰ Переписная книга Корельского уезда, 1631 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 388–568. (В статье в круглых скобках указано КЛ2, через запятую – страница источника.)
- ¹¹ Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 2: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1991. 758 с. (В статье в круглых скобках указано КЛ3, через запятую – страница источника.)
- ¹² Отказ. кн. – Отказная книга Шуерецкой волости. 1614. Рукопись / Сост. В. И. Иванов. Хранится в ЦТАДА. Ф. 281. Грамота Коллегии Экономии. Д. 5521.
- ¹³ То есть, помимо теоретического аспекта, проблема имеет еще и прикладной характер.
- ¹⁴ Информативно значимыми, достаточными для представления лица, вероятно, следует признать только однокомпонентные именования с некалендарным личным именем или прозвищем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахвалова Т. В. К изучению истории развития личных имен в Белозерье (на материале памятников письменности XV–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 21 с.
- Ганжина И. М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992. 20 с.
- Гвоздева Е. Л. Способы идентификации лица в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. Вып. XXV / Под ред. Ю. Б. Симченко. М., 1993. С. 101–109.
- Зинин С. И. Русская антропонимия XVI–XVII вв. (на материале переписных книг городов России): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969. 22 с.
- Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 22 с.
- Медведева Н. В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999. 22 с.
- Палагина В. В. Варьирование антропонимических структур в томских деловых документах XVII века // Русская ономастика и ее взаимодействие с аpellятивной лексикой. Свердловск, 1976. С. 57–69.
- Палагина В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI–XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968. С. 83–92.
- Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 256 с.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE PERSON'S NAME STRUCTURE IN WRITTEN MONUMENTS OF KARELIA
OF XV–XVI CENTURIES (NAMING MODELS)**

The article presents the analysis of models of a person's name recorded in business correspondence of Karelia of XV–XVI centuries. The author considers reasons of diversity and variation of person's nomination in texts of regional written monuments; status and role of additional identifications of a person (names of persons related in kinship, according to professional activities, social status, place of residence) in structural models, containing different number of members. Conditions of onymization of additional identifications are defined, the main of which are the social status of the person and internal resources of the onomastic system.

Key words: historical anthroponymy, regional anthroponymy, naming structure, naming model, additional identifiaton, name, nickname

REFERENCES

1. Bakhvalova T. V. *K izucheniyu istorii razvitiya lichnykh imen v Belozer'e (na materiale pamyatnikov pis'mennosti XV–XVII vv.): Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [The study of the history of personal names in Belozerye (based on the written monuments of XV–XVII centuries)]. Leningrad, 1972. 21 p.
2. Ganzhina I. M. *Tverskaya antroponimiya XVI v. v sotsial'no-istoricheskom i lingvisticheskom aspektakh (na materiale tverskikh pistsovykh knig): Avto-ref. dis. ...kand. filol. nauk* [Social, historical and linguistic aspects of Tver anthroponymy of the XVI century (based on the Tver cadastres)]. Tver, 1992. 20 p.
3. Gvozdeva E. L. Ways of person's identification in the Great Russian business writing of the XIV–XVI centuries [Sposoby identifikatsii litsa v velikorusskoy delovoy pis'mennosti XIV–XVI vv.]. *Materialy k serii "Narody i kul'tury". Onomastika. Ch. 1. Imya i kul'tura*. Issue XXV / Ed. Ju. B. Simchenko. Moscow, 1993. P. 101–109.
4. Zinin S. I. *Russkaya antroponimiya XVI–XVII vv. (na materiale perepisnykh knig gorodov Rossii): Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian anthroponymy of the XVI–XVII centuries (based on the census books of cities of Russia)]. Tashkent, 1969. 22 p.
5. Komleva N. V. *Antroponimiya vologodskikh pamyatnikov ofitsial'no-delovoy pis'mennosti kontsa XVI–XVII vekov: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Anthroponymy of the Vologda monuments of formal business communication of the late XVI–XVII centuries]. Vologda, 2004. 22 p.
6. Medvedeva N. V. *Antroponimiya Prikam'ya pervoy poloviny XVII veka v dinamicheskom aspekte (na materiale perepisnykh dokumentov po votchinam Stroganovykh): Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Anthroponymy of the Kama region in the first half of the XVII century in the dynamic aspect (based on the census documents for Stroganoff's estates)]. Perm, 1999. 22 p.
7. Palagina V. V. The variation of anthroponymical structures in the Tomsk business documents of the XVIIth centuries [Var'irovanie antroponimicheskikh struktur v tomskikh delovykh dokumentakh XVII veka]. *Russkaya onomastika i ee vzaimodeystvie s apellyativnoy leksikoy*. Sverdlovsk, 1976. P. 57–69.
8. Palagina V. V. To the question of the locality of the Russian anthroponyms in the late of XVI–XVII centuries [K voprosu o lokal'nosti russkikh antroponimov kontsa XVI–XVII vv.]. *Voprosy russkogo yazyka i ego govorov*. Tomsk, 1968. P. 83–92.
9. Smol'nikov S. N. *Antroponimiya v delovoy pis'mennosti Russkogo Severa XVI–XVII vv.: Funktsional'nye kategorii i modal'nye otnosheniya* [Anthroponymy in the business literature of the Russian North in the XVI–XVII centuries: Functional categories and modal relations]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 256 p.
10. Chichagov V. K. *Iz istorii russkikh imen, otchestv i family (Voprosy russkoy istoricheskoy onomastiki XV–XVII vv.)* [From the history of Russian names, patronymics and surnames (Issues of Russian historical onomastics of the XV–XVII centuries)]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 128 p.

Поступила в редакцию 30.05.2016

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

МОДИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ЗОНЕ (СЛОВА С НАЧАЛЬНЫМИ ПЛАВНЫМИ)*

Описывается известная русским говорам лексика, возникшая на базе слов с начальными плавными согласными и изменившая фонемный состав корневой морфемы. Классификация лексики проводится на основе выявленных процессов преобразования анлаута с **р-** и **л-**: утраты плавного (*áлаки* < *láлаки*, *рукотёр* < *укотёрát*, *илóвый* < *лилóвый*, *ебрó* < *ребро*); развития протетического гласного перед плавным (*орáйский* < *ра́йский*, *улу́ны* < *лу́ны*); метатезы начальных звуков (*урба́нок* < *рубáнок*, *ерéстр* < *реéстр*); мены плавных звуков (*рипо́к* < *липок*, *лянда* < *рянда*). Подобные факты обнаружены в группе слов с вторичным, «промежуточным» **р-/л-**анлаутом (*арабёльки* < *грабёльки*, *улькóза* < *глюкóза*). Дается ареальное описание модифицированной лексики. Причины изменений кроются в воздействии структуры агглютинативных языков на русскую лексику в течение длительного существования народов на территории России.

Ключевые слова: диалектная лексикология, этноязыковые контакты, фонетические процессы, структурные преобразования, анлаут

Исторические процессы, проходящие на территории России на протяжении веков и тесно сопряженные с миграцией населения, нашли яркое отражение в лексическом составе русских народных говоров, макросистема которых характеризуется наличием развитой вариантности. Среди факторов, способствующих формальному преобразованию лексемы [1], [2], [11], [15], отмечается «влияние на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором» [1: 99]. Однако при длительном и непрерывном взаимодействии народов, особенно в условиях билингвизма, языковые контакты не ограничиваются приспособлением чужого слова к фонетической системе принимающего языка. Весьма существенным является обоюдное формальное действие на внешний облик слов структурно различных фонетических систем. Длительные контакты приводят к усвоению носителями одного языка некоторых свойств другого языка. Сталкиваясь с несогласованностью элементов структуры родного и принимаемого языков, билингв испытывает естественное давление своей языковой стихии, особенно на начальном этапе перехода на чужую речь. Происходит изменение облика слова под влиянием иноэтнической языковой системы. Носители иноструктурных языков, перешедшие на русскую речь, и их потомки сохраняют модифицированную лексику, которая в определенных условиях функционирования со временем частично остается в индивидуальном употреблении и в связи с этим изолированной, частично входит в русскую диалектную лексическую систему. Согласно теории Г. П. Мельникова,

процесс преобразования исконного русского слова в этих условиях связан с такими явлениями, как «исходное внутреннее состояние, характеризующее интенциями к изменению, *причастное* внешнее состояние, содействующее превращению этих интенций в экстенции, *предельное* внутреннее состояние, возникающее в результате перехода в него *исходного* состояния благодаря содействию со стороны *причастного*» [7: 47]. Слова, подвергшиеся сильному влиянию иноструктурной языковой системы и изменившие по этой причине внешний облик, то есть имеющие «*предельное* внутреннее состояние», относим к особому разряду диалектизмов – экстенциальным лексическим единицам [8].

Исторически сложилось так, что русский язык веками контактирует с тюркскими и финно-угорскими языками, относящимися к разряду агглютинативных, которые характеризуются такой особенностью звукового строя, как противоположность использования сонантов в начале корня [7: 347]. Исследователями выявлены общие черты консонантной системы тюркских языков: «Обычные ограничения на встречаемость согласных фонем в позиции начала слова, тенденции к ослаблению начальной позиции, ограничения на сочетаемость фонем. В начале исконного тюркского слова не встречаются *l*, *n*, *λ* (> *š*), *ř* (> *z*)» [12: 158]. Изменение внешнего облика слова с **р-** и **л-** в полиэтнических зонах иногда весьма существенно. В этимологическом гнезде исходной единицы с начальными **р-** и **л-** могут находиться слова как близкие, так и далекие по фонемному составу корневой морфемы, ср. *рукотёрка* – *укотёрка* – *котельник*, *литература* –

ультература, ромода (< *громáда*) – *ирмадiть, рáдуга* – *дугáра* и др.

Цель данной работы – представить известную русским говорам экстенциальную лексику, возникшую на базе слов с начальными плавными согласными; показать процессы преобразования анлаута с **р-** и **л-**; дать ареальное описание; определить причины изменения фонемного состава слов. Материалом служат данные диалектных словарей русского языка.

Экстенциальная лексика, имеющая в качестве исходных слова с начальными плавными, возникла под действием таких процессов, как исчезновение согласного в анлауте, появление протетического гласного, метатезы звуков, мены плавных. Подобные результаты возможны и при образовании экстенциальной единицы на базе исходного слова, в котором начальные **р-** или **л-** квалифицируются как вторичные, не исконные. В основе предлагаемой классификации лежит процесс, который привел к модификации лексики.

1. Утрата плавного в анлауте: **ta-** > **a-**

Варианты с утраченными твердыми плавными перед гласными непрерывного ряда представлены у единичных лексем.

Перед [а] утрачивается звук [л-]: **ла-** > **а-**. Слово *лаборáнтка* на узкой территории псковских говоров преобразовалось в *аборáнтка* Оп. Пск.¹

В северо-западных, севернорусских и некоторых сибирских говорах известно слово *лáлока* ‘десна’ Пск., Осташк. Твер., Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Новг., Пудож. КАССР, Холмог. Арх., *лáлаки* ‘десны’ Вытегор., Пудож. Олон., Олон., Холмог. Арх., Волхов. Ленингр., Твер., Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Енис.

Слово *лалока, лалькъ* отмечено в церковнославянских памятниках в значении ‘мягкое нёбо, рот’, известно всем славянским языкам, кроме болгарского, и обозначает челюсть или близкую к ней часть тела; в русских говорах у слов *лáлока, лалака́, лáлок, лáлка* преобладает значение ‘десна’, реже ‘скулы, челюсти, щеки’ – Новг., Твер., Волог., Калуж. [13].

Отсутствие начального согласного в данных словах известно говорам, расположенным северо-восточнее зоны бытования лексем с начальным **л-**, преимущественно архангельским. При этом различные акцентологические, фонетические и морфологические варианты слов употребляются в разных числовых формах: единственное число – ‘десна’ – *áлака* Онеж. Олон., Мез. Арх., *алака́* Мез. Арх., *ала́к* В.-Т., Нянд. Арх., *алако́* В.-Т., Карг., Красн., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Усть-Цильма, Холм., Шенк. Арх., *áлока* Онеж. Арх., Луж. Петерб., Мурман., *олоко́* Плес. Арх.; множественное число – ‘десны’ – *алака́* Мез., Нянд., Пин., Холм. Арх., *ала́ки* Пин., Прим. Арх., *áлаки* Прим. Арх., Тер. Мурман., *олакá* Онеж. Арх. В безударном положении гласный [а] в оказующем говоре может заменяться звуком [о]. Архангельский ареал дополняется двумя точками на

территории Псковской области, а именно: *áлаки* ‘десны’ Остр. Родовое, Н.-Рж. Октябрь.

В смоленских говорах перед гласным развивается протетический согласный **ј-**: *я́лки* ‘десны’ Вел., Дем., Рудн., Смол., Ярц. Смол.

Перед [у] утрачивается звук [р-]: **ру-** > **у-**.

Данное изменение касается сложных слов с корнями *рук-* и *тер-*. Незакономерному фонетическому преобразованию подверглись слова *рукотёрник, рукотёрка, рукотёрок, рукотёрт*, обозначающие полотенце или тряпку для вытирания рук². Вариантами слова *рукотёрник* являются *укотёрник* Черепов. Новг., Вят., Вожгал. Киров., Том., Кемер., *укотёрник* Алт., *укутёрник* Орл., Вят., Черепов. Волог., Свердл., Амур., *укутёрник* Амур., *окутёрник* Шенк. Арх., Слобод. Вят., Перм., *укотельник*³ Кемер. Кемер. Слово *рукотёрка* Медв., Кондоп., Кем., Пуд. Карел., Карг. Арх., Уст., Чаг. Волог. имеет вариант *укотёрка* Уст. Волог. Лексема *рукотёр* Белоз. Волог. явилась исходной для экстенциальных суффиксальных образований *окотёрок* Углич. Яросл., *укотóрок* Чаг. Волог. В первом из них представлено часто встречающееся изменение **у** ~ **о** в безударном положении, во втором отражается замена мягкого согласного твердым в сильной позиции, что незакономерно для русского языка.

В русских говорах Среднего Урала отмечены два слова, близкие географически: *укотёрт* Богд. Свердл. и *укутерáт* Пышм. Свердл. В последней лексеме, возникшей как вариант предшествующей, содержится дополнительный экстенциальный признак – вставной гласный в конечном сочетании согласных. Его появление, вероятно, обусловлено влиянием особой типологии слогов тюркских языков – отсутствием в исконно тюркских словах сочетаний нескольких согласных не только в начале слова и на стыке морфем, но и в абсолютном исходе слова [3: 528]. Соотношение *укотёрт* – *укутерáт* показывает возможность дальнейшего преобразования экстенциального варианта в условиях соприкосновения разных языковых структур. Данные слова, которые в конкретной микросистеме функционируют как самостоятельные, дают основания для рассмотрения экстенциальных лексических единиц с точки зрения количества приобретенных признаков иноязычной структуры: *укотёрт* – вариант с одним экстенциальным элементом, *укутерáт* – вариант с двумя экстенциальными элементами. В этом отношении интерес представляют и такие единицы, входящие в семантическую группу ‘полотенце для рук’, как *котельник, котёрник, лукотёрник, рукотельник* (< *рукотёрник*), более подробно описанные ранее [9]. Если принять в качестве меры один признак экстенциального воздействия на исходное слово, то члены одного этимологического гнезда будут характеризоваться различной степенью (градацией) наличия «неродных» признаков, то есть они могут распределяться по экстенциальной шкале от однокомпонентных до многокомпонентных. Однако

в данной статье вопрос об экстенциальной шкале не рассматриваем.

Обнаружен единичный пример экстенциальной единицы с утратой мягкого плавного перед гласными переднего ряда [и], по схеме **ли-** > **и-**: **илóвый** ‘лиловый; фиолетовый’ Верхне-Тавд. Свердл., ср. *лилóвый*.

Перед гласным [э] звук [р'] заменяется среднеязычными: **р'-** ~ **ј-**. Это явление представлено группами слов с двумя корнями, занимающими разные, но близкие ареалы Восточной зоны севернорусского наречия.

В говорах Костромской группы и некоторых соседних в значении ‘ребро’ известны варианты: **ебрó** Молог., Ростов. Яросл., Белозер. ‘ребро в теле человека или животного’ Аньков., Ильин.-Хован. Иван., Борисоглеб., Некоуз., Переслав., Ростов., Углич. Яросл., Костром., ср. *ребрó*. В этой же зоне отмечены: вариант с переходом **е** > **о** и переносом ударения на первый слог – **ёбро** ‘ребро’ Ильин.-Хован. Иван., Брейт., Борисоглеб., Бурмак., Некрас., Ростов., Рыбинск., Углич., Яросл. Яросл.; уменьш.-ласк. **ёбрышко** ‘ребро’ Ростов. Яросл.; местное новообразование **ебрачóк** ‘узкий край какого-либо предмета, ребро’ Ильин.-Хован. Иван.

В вологодских и архангельских говорах бытуют слова **ёдра** ‘корова красной масти’ Сев.-Двин., **едру́ха** ‘то же’ Тотем. Волог., Сев.-Двин., **ёдры́й** ‘желтый с красным, бурым оттенком’ Арх., Волог., ‘желто-красноватый, бурый, рыжий’ Тот., Вол., Кадн., Вел., В.-Уст., Ярен. Волог.

В пределах архангельско-вологодского ареала употребляется группа слов с исходным корнем *редр-*, перемежаясь с *едр-*: **рёдры́й** ‘рыжий (о рогатом скоте)’ Арх., Шенк. Арх., Волог., **рёдрый** ‘то же’ Беломор., **рёдра** ‘пестрая белоголовая корова’ Сольвыч. Волог., Волог., **рёдра** ‘кличка рыжей коровы’ Волог.; ‘некрасивый, с рыжими волосами (о человеке)’ – **рёдрый** Арх., Вельск. Арх., **рёрый** Арх., Беломор., **рёдра** Шенк. Арх.

2. Появление протетического гласного перед плавным: **ta-** > **ata-**

Предположение о влиянии структурных особенностей слов тюркских языков на внешний облик некоторых лексем русских говоров впервые высказал Ф. П. Филин, отмечавший наличие протетического гласного перед звуками **р**, **л** в словах типа **арепёйник** (< **репёйник**), что характерно и для заимствований в тюркских языках [14: 31–32]. Ученый подчеркивает неоднородное происхождение лексем с протетическим гласным: 1. Такие варианты, как *алачу́га*, *олачу́га*, сопоставляемые с более известным *лачу́га*, «сохраняют структуру слов, как она была представлена в тюркских (в других случаях – в иных) языках, откуда были произведены заимствования» [15: 323]. 2. Наблюдается закономерность наличия начального гласного в большинстве слов в позиции перед плавными **р**, **л**, губными **б**, **м** и сочетаниями согласных [15: 324].

В описываемом материале в большинстве случаев протетический гласный появляется перед одиночным плавным **р-** или **л-**.

Довольно часто модифицируются слова с начальным твердым плавным звуком перед гласным [а]. Значительная доля примеров приходится на слова с начальным **р-**: **ра-** > **ара-**, **ора-**. В словарях зафиксированы следующие варианты: в русских говорах Якутии **ара́ма** ‘рама’ Н.-Кол., уменьш. **ара́мочка** Аллаих., Н.-Кол., **ара́но** ‘рано’ Аллаих., Н.-Кол., **ара́ньше** ‘раньше, прежде, в прошлом, в старину’ Н.-Кол., У.-Ян., ср. *ра́ма*, *ра́но*, *ра́ньше*; в вятских говорах **арахма́нный** и **орахма́нный** ‘вялый, хворый’ Яран. Вят., ‘дурной, не в обычном настроении’ В. Шжм., Б. Хлн., Свт., Ярс. Вят., ср. *рахма́нный* ‘вялый, медлительный, непроторный, нерасторопный’ Вят., Костром., Яросл., Волог., Влад., Калинин., Тамб., Нижегород., Казан., Самар., Орл., Курск., Тул.; в архангельских говорах **ора́йский**, в записи *ара́йский* ‘райский’ Шенк. Арх., ср. *ра́йский*.

Реже протеза обнаруживается в словах с начальным **л-**: **ла-** > **ала-**, **ола-**: **ала́ндыш** ‘ландыш’ Нев. Пск., **ола́ндышек** ‘ландыш’ Вн. Коч. Морд., ср. *ла́ндыш*, *ала́тина* – вариант к *латина* ‘жердь, идущая на устройство крыши, забора’ Оп. Пск., ср. *лати́на* ‘тонкая жердь, слега, идущая на обрешетку стропил; решетина’ Орл., Пск., Смол.

Заметим, что при решении вопроса об исходном элементе в паре слов с протезой и без нее следует учитывать этимологию слова, употребляющегося в русском языке. При формальном сопоставлении общеизвестного слова без протезы и диалектного с протезой можно допускать ошибки в определении исходного слова. Например, слово **урундук** ‘скамья, лавка для сиденья с ящиком; рундук’ Пораб. Том., Иркут., сопоставляемое с широко известным, вошедшим в литературный язык словом *рундук* ‘ларь для зерна, муки и т. п.’ Калуж., Брян., Смол., Саратов., Новосибир., Верхнелен., не следует относить к разряду экстенциальных⁴. По мнению А. Е. Аникина, слово *рундук* произошло «из тюрк. источника типа **orunduq* – *urunduq* ‘место для сидения или лежания’». При усвоении данного слова в русском языке произошло отпадение начального **у-**.

Протеза развивается и перед плавным с последующим гласным [у]. Зафиксированы примеры с протезой **у-** перед **р-** и **л-**: **уру́сый** ‘русый’ Медвежьегор. Карел., ср. *ру́сый*; **улу́пы** ‘глаза’: «*Улу́пы – глаза, которые лупят праздно, из любопытства*» Южн. Горьк., ср. *лу́пы* ‘глаза’ Олон., Перм., Урал, *лу́палы* – о глазах Пск., Смол., Курск., Калуж., Орл. С корнем *луп-* в говорах употребляется много слов для обозначения глаз, а также признаков и действий, с ними связанных: *лу́палки*, *лу́паты́й*, *лу́пастый*, *лу́пать*, *лу́пачи*, *лу́пашы́*. Отмечен единичный случай с протезой **о-**: **олу́чшой** ‘лучший’ Н.-Кол. Якут., ср. *лу́чший*.

Единичный случай – преобразование **ро-** > **аро-**: **арома́шка** ‘ромашка лекарственная’ Алап., Богд., Копт., С.-Лог., Тур. Ср. Урал, ср. *рома́шка*.

Протетический гласный **и-** представлен в слове **пруш** 'рюш' Ст. Уральск., отражающем также мену твердого и мягкого согласного в корне слова.

Протетический гласный развивается и перед мягким начальным **р'**-. При этом в словах с плавным, находящимся перед гласным [а], иногда появляется протеза **а-** или **у-**: **ря-** > **аря-**, **уря-**. Обнаружены единичные примеры: **аря́сный** 'обильный (о ягоде)' и **аря́сно** 'обильно' Лен. Якут., ср. **ря́сный** 'густо, обильно усыпанный плодами, ягодами, кистями ягод; урожайный (о деревьях, кустарниках, растениях)' Южн.-Сиб., Зап.-Сиб., Алт., Том., Кемер., Енис., Краснояр., Прибайкалье, Иркут., Забайкалье, Вост.-Сиб., Сиб., Приамурье, Амур, Вост.-Казах., Рост., Дон., Ворон., Кубан., Ставроп., Краснодар., Зап.-Брян., 'густой, обильный' и **ря́сно** 'обильно, много' Дон., Краснодар., Кубан., Горно-Алт., Кемер., Том., Прииртышье, Краснояр., Прибайкалье, Иркут., Амур., Хабар., Алт., 'густо, обильно' Лен. Якут.; **уря́дно** 'толстый холст'. Ср. Прииртышье, ср. литературное **ря́дно** 'толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи; изделие из этого холста'; **уря́дом** 'один подле другого; рядом' Одесск., ср. **рядом**.

Плавный может находиться перед гласным [э]: **ре-** > **аре-**, **оре-**. Преобразованию подвергаются слова с корнем **рел'**- / **рел-**, в части которых отражается переход **е** > **о**. В русских говорах широко распространены слова с этим корнем: I. **рэли** 'качели' Ряз., Моск., Твер., Пск., Новг., Ленингр., Печор., Яросл., Влад., Нижегород., Казан., Пенз., Симб., Куйбыш., Калуж., Тул., Смол., Брян., Орл., Курск., Липецк., Тамб., Ворон., Дон., Саратов., Волгогр., Том., Краснояр.; **рэ́лины** 'качели' Любим. Яросл.; **рёлка** 'виселица' Колым. Якут.; ласк. **рэ́люшки** 'виселица' Сердоб. Саратов.; II. **рель** 'часть, полоса обрабатываемого участка земли, пашни, луга' Ленингр., Новг., Яросл., Пск., Новорж. Калинин.; **рэ́ли** 'участок земли (какой?)' Масл. Яросл., Яросл.; **рёлка** I. 'возвышенность, холм, обычно продолговатая гряда среди равнины или в лесу' Сев., Вост., Сиб., Пск., Калинин., Арх., Свердлов., Амур., Хабар., 2. 'сухое возвышенное место, гряда среди болота или низменной местности' Мезен., Шенк. Арх., Перм., Вят., Киров., Калинин., Моск., Мурман., Свердлов., Иркут., Север., Вост., Сиб., Поозер. Новг., Олон.; 3. 'небольшой остров' Урал., 4. 'песчаный бугорок в мелководной реке' Арх., 5. 'возвышенное место на берегу' Беломор.

С протезой зафиксированы следующие варианты в двух группах слов с омонимичным корнем: I. **арэ́ли**¹ 'качели' Верх. Орл., 'веревочные качели' Пск.; **орэ́лина** 'качели' Любим. Яросл.; **орэ́люшки** ласк. I. 'качели' Смол., 2. 'виселица' Смол.; **орэ́лка** 'столб, на котором крепится колодезный журавль' Шуйск. Влад.; II. **арэ́ли**² 'участок земли' Первомайск. Яросл.; **орэ́лка** I. 'сухое возвышенное место, холм среди низины (иногда поросший лесом)' Арх., Сев. океан., Беломор., Север., 2. 'мыс в месте слияния рек' Арх., Беломор., Сев. океан., Север.; **орэ́лок** I. 'то же, что орэ́лка I' Север., 2. 'небольшая круглая поляна

среди леса' Северн. часть Твер.; **арэ́лка** 'высокое сухое место на реке' Афн. Вят. Ареал данных экстенциальных лексических единиц рассеянный, охватывает отдельные точки преимущественно Западной и Северной зон.

Протеза развивается и в словах с корнем **репей-**. В южнорусских говорах распространено слово **орепе́й** 'сорное растение репейник' Нижнедев. Ворон., Болх., Лив., Малоарх. Орл., Курск., Тамб., Ряз. Мещера., Ряз., Дон., Калуж., Казаки-некрасовцы, 'татарник колючий' Казаки-некрасовцы, ср. **репе́й** 'колючая головка, соцветие репейника', 'репейник'. Другие образования известны в Южнорусской зоне и в говорах Южного Урала: **арепе́йник** 'репейник' Хот. Орл., **орепе́юшек** 'садовый цветок [какой?] с небольшим шарообразным соцветием лилового цвета' Казаки-некрасовцы, **орепе́йник** 'репейник аптечный' Морш. Тамб., 'бодяк болотный' Курск., 'заросли репейника' Уральск. **орепе́йный**: **орепе́йная трава** 'репейник' Оренб.³ Ср. также **орыпей** 'репейное масло' Введ. Одесск.

Протеза представлена и в слове **орэ́шка** 'при игре в «орлянку» положение упавшей на землю монеты гербом («орлом») вниз («решка»)': *Если пятак упадет «орешкой», значит проиграл*. Кол. Уральск. Исходное слово – просторечное **рэ́шка** 'сторона монеты, на которой обозначена ее стоимость'.

Протеза перед мягким **л'**- отражена в словах: **алэ́нь** 'рыба-линь' Мещов., Жиздр. Калуж., ср. **лень** 'рыба *Tinca vulgaris* L., сем. карповых; линь' Урал., Вят., Перм., Тобол., Ср. Прииртышье, Влад., Костром., Моск., Твер., Калуж., Курск., Пск., Смол., Нижегород.; **алэ́сливый** 'льстивый' Красноуф. Перм., ср. **лесли́вый** 'льстивый' Сиб., Онеж. КАСССР; **алиле́я** 'лилия, настурция' Дон., ср. **лиле́я** 'растение *Lilium* L., сем. лилейных; лилия' Смол., Зап. Брян.; **алило́вый** 'цвета сирени или фиалки; светло-фиолетовый' Вл., Оп. Пск., **алило́венький** 'лиловенький' Соликам. Перм., ср. **лило́вый**; али́па 'липа' Жиздр. Калуж.

В отношении степени вхождения нового слова в лексическую систему говора интересно слово **алима́н** 'низина, заливаемая внешней водой' Дон. 'болотистое озеро, поросшее камышом' Дон., ср. **лима́н** в этих же и близких значениях Азов., Дон., Казаки-некрасовцы, русск. гов. Арм. ССР, Мстин., Новг. Новг., Самар., Саратов., Пестр. Куйбыш., Терск., Исык-Кульск., Новорос. Данная экстенциальная лексическая единица послужила основой для образования новых слов: **алима́нцы** и **алима́новцы** мн. 'соленые озера, месторождения соли' Дон. Этот факт ярко демонстрирует устойчивый характер лексического варианта с иноструктурным признаком в лексической системе донских говоров, его способность к новому словопроизводству, не повторяющему аналогичные модели словообразовательного гнезда исходного слова: в использованных источниках не отмечены единицы без начального **а-**, соответствующие двум последним словам – **алима́нцы** и **алима́новцы**.

Южнорусским говорам широко известно слово **алимон** 'лимон' Ворон. Курск., Орл., Ряз., Дон., Калуж., Тул., Влад.; ограниченную географию имеют лексемы с этим же значением: **алимоний** Мокш., Соликам. Перм., уменьш.-ласк. **алимончик** Дон., Дубен. Тул.

Зафиксированы случаи развития протезы перед сочетанием плавного с другим согласным по формуле **tt- > att-**. Это касается двух исходных слов – *рьяный* и *ртуть*: **орьяный** 'сильный, рьяный' Троснян. Орл.; **артуть** Куеда Перм., **оргуть** Березовский завод Урал., **ортють** без указ. места, **иртуть** 'ртуть' Новос. Тул., **иртутный** 'ртутный' Кот. Уральск. Ср. также известные прибалтийско-финские соответствия: кар. ск. *artut'i* Вьсьегонск Вьсьег. Твер., Валдай Валд. Новг., ливв. *artugo* Кондуши Лод., люд. *artut'i* Галлезеро Кондоп., *artug* Михайловское Олон., вепс. сев., срд., южн. *Artut'*, саам. *Artut*. Вариант **оргуть** был зафиксирован английским путешественником Р. Джемсом в говоре г. Холмогоры: «*ortout, quic-silwer – ртуть – ортуть*» Холмог. Арх. [4: 141].

3. Метатеза начального плавного и последующего гласного

Метатеза начальных звуков отмечена в разных, отдаленных друг от друга говорах. Отмечены преобразования **ро- > ор-**: **оргалина** 'раздвоенный ствол' Люб. Новг., ср. *rogalina* 'деревянная палка с развилкой на конце' Приамурье; **орженица** 'роженица' Фёд. Башкир., ср. *roženica*; **ру- > ур-**: **урбанок** 'столярное орудие для выравнивания, выглаживания дерева; рубанок' Обоян. Курск., ср. *rubáнок*; **ре- > эр-**: **эрбёнок** 'ребенок', уменьш.-ласк. **эрбёночек** Н.-Кол., ср. *rebéнок*; **ли- > ил-**: **ильгература** 'литература' Лен. Якут., ср. *literatúra*.

Яркие случаи подобного явления отмечены в говоре уральских казаков. При этом возможны различные модификации:

1. Сочетание твердого [р] с гласным [о] при метатезе не меняет характера составляющих звуков: **орговой** 'роговой' Р. Урал, ср. *rogovóй* 'рогатый (о скоте)' Новг., Моск.

2. Сочетание мягкого [р'] с гласным [э] в безударной позиции при метатезе сопровождается переходом [э] в [и]: **ирактивный** 'реактивный (?)', **ирматизм** 'ревматизм', **ирмиз** 'ремез, вид синицы', **ирмизин** 'относящийся к ремезу – синице'.

Особо следует остановиться на слове **ирмадить** 'что-либо делать, сооружать, изобретать' Оз., Кирс., Нук., Сер. Уральск. Его исходная лексема *romadít'ь* 'мастерить, сооружать, строить что-либо замысловатое' Р. Урал, 'делать что-либо медленно, копать' Перевол. Оренб., ср. также *romodít'sя* 'хлопотать, много работать' Чаг. Волог., 'суетиться, торопиться, спешить' Выт. Волог. Начальный звук **и-** вместо ожидаемого **о-** (*ор-* < *ро-*) возник, по-видимому, под влиянием параллельно существующих в русских говорах закономерных вариантов лексем с протетическими **и-** и **о-** типа *оржаной* и *иржаной* (< [р']жаной). Данную метатезу – **ир-** < ([ор-]

< *ро-*) – следует считать вторичным экстенциальным признаком, так как в анлауте исходного слова содержалось консонантное сочетание **гр-**: **ромодá** 1. 'беспокойство, заботы' Уст., Чаг. Волог. 'дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; возня, хлопоты' Мош. Новг., 2. 'тот, кто много работает' Чаг. Волог. 'беспокойный человек' Дем. Новг., Тихв. Ленингр. Данное слово этимологически связано с *gromáda*, *gromózdкий*, как считает Фасмер, вслед за Микколой. В южнорусских говорах сохранился глагол *gromádit'ь* 'сгребать сено в кучу' Ворон., Курск., Дон., Новоросс., 'грести веслами' Дон., который имеет родственные образования в славянских языках с ядерной семой 'собирать, складывать', восходящие к праславянскому слову **gromaditi*.

3. При метатезе звуков [р'] и [э], [р] и [а] перед гласными находится звук [j]: **ерэстр** 'реестр' [б: 99], **ярмаг** 'раймаг, районный магазин' Таш., Ур. Уральск, ср. *rajmáг*. При этом существенно отметить наличие звука [j] в середине исходной формы данных слов, что дает основание видеть здесь метатезу не двух, а трех звуков: [р'эj-] > [jэp'-], [raj-] > [jар-]. Наличие [j] перед гласными [э] и [а] продиктовано, вероятнее всего, отсутствием в русском языке исконных приставочных слов с начальными *э-* и *а-*.

4. Метатеза плавного [л] с гласным коснулась и служебных частей речи: **ильбо**, разделит. союз 'или, либо': *Высылай поединчиков, ильбо сам выходи: не то покорись и дань плати*. Скв. Уральск.

5. Реже используется метатеза слогов, первый из которых содержит начальный плавный: **дугара** 'радуга' < *raduga* Ал. Уральск [б: 98].

4. Мена плавных звуков р ~ л

Мена плавных звуков в позиции начала слова отмечена у нескольких слов. Звук **р-** в соответствии с **л-** зафиксирован в слове **рипок** 'бабочка' Чудов. Новг., ср. *lipók* 'бабочка, мотылек' Новг., Волог., Сиб., Верхоян. Якут. Широко известное на Севере слово *lipka* 'бабочка, мотылек', по Фасмеру, связано с олонецк. *lipoi* – то же, фин. *lippo*. Начальное **р-** заменено звуком **л-** в слове **лянда** 'дождь, сырая ненастная погода' Кем. Карел., ср. *rynda* 'снег с дождем; мокрый снег; сырая холодная погода' Мурман., Карел., Арх., Ленингр., восходящее к вепс. *ränd* 'сырая, холодная погода, слякоть, мокрый снег' [10: 6–7]. При рассмотрении слов с меной сонорных и решении вопроса об исходной, первичной лексеме важную роль играют такие факторы, как география каждого из сопоставляемых в русском континууме, наличие или отсутствие формальных и семантических соответствий в соседних неродственных языках, в частности прибалтийско-финских для слов **рипок** – *липок*, **лянда** – *рянда*. Отметим как существенный факт возможное отсутствие в русских говорах одного из элементов пары, отражающей мену сонорных, наличие только модифицированного слова. Примером такого слова, возникшего на прибалтийско-финской базе, является слово **листега**

‘тонкий лед при ледоставе’, этимологически восходящее к карел. *riito, riite* ‘тонкая ледяная корка, пленка льда’ [10: 6]. Данное слово можно интерпретировать как неочевидную, «скрытую» экстенциальную единицу, отражающую неустойчивый характер плавного звука **p-** при адаптации иноязычной лексемы в русском говоре.

Основываясь на противопоставленности относительно узкого и более широкого ареалов, отметим, что начальный **л-** на месте **p-** представлен в словах **ляхлый** ‘больной, вялый, квёлый’ Ост., Фир. Твер., ср. *ряхлый* ‘старый, дряхлый’ Сок. Волог., ‘беспомощный, слабый’ Южн. Урал.; **ляшки** ‘старая, плохая одежда, бельё; тряпки’ Ник. Волог., ‘тряпки’ Ус., Част. Перм., ср. *ряшки* ‘старая, рваная одежда; тряпье’ Сол. Перм., *ряшок* ‘повседневная поношенная одежда’ Плес. Арх., ‘тряпка’ Олон. Оставляем в стороне этимологическую составляющую, по-видимому, связанную со славянскими языками, поиск которой требует привлечения большого по объёму материала с исконными корнями *рух-* / *рях-*. Пока только есть основания предполагать родство обоих слов с *рях-*, а следовательно, и *лях-*. Учитывая функционирование слов с **л-** (< **p-**), можем констатировать появление слов **ляхлый** и **ляшки** в результате влияния иноструктурной языковой системы, для которой непривычны начальные плавные.

5. Модификация слов с вторичным **p-/л-**анлаутом

1. Упрощение **ttat-** > **tat-** с последующим развитием метатезы > **att-**

Метатеза может осуществляться на втором этапе преобразования внешнего облика слова. Это происходит в случаях, когда сначала упрощается сочетание согласного с плавным в позиции анлаута под влиянием агглютинативных языков, не знающих скопления согласных в начале слова [3: 528], [5: 119]. Яркий пример – преобразование сочетания *гл’у-* [> *л’у-*] > *ул’-*: **улькóза** ‘глюкоза’ Лен. Якут., ср. *глюкóза*. Вероятно, подобному изменению подверглась и лексема *с́лово* в говоре уральских казаков, модифицировавшаяся до варианта **óлва** ‘слово’: *слово* – *олва*, *рука* – *граница* (честное слово; формула как бы клятвы)⁶ Ур., Буд. [6: 68]. Предполагаем не зафиксированный в словаре Н. М. Малечи, как и в других словарях, промежуточный вариант: *с́лово* > [*лóво*] > **óлво** > **óлва**, при этом в иноязычном окружении меняется морфологическая характеристика, выраженная окончанием **-а**. Как и в слове **улькóза** (< *глюкóза*), здесь наблюдается чересступенчатое фонетическое преобразование экстенциального характера:

говор не приемлет первого варианта, возникшего в результате упрощения группы начальных согласных, так как в нем начальные плавные согласные также не поддерживаются иноязычной системой тюркского языка, в котором нет исконных начальных плавных [7: 347], [12: 158].

2. Упрощение **tt-** > **t-** с последующим развитием протезы > **at-**

Упрощение сочетания взрывного согласного с плавным и появление протезы отмечено в говорах Южного Приуралья и Прииссыккуля: **арабёльки** ‘грабельки’ Крутой Каменск. Уральск., ср. *грабёльки* уменьш. и ласк. ‘грабли’. Ср. в говорах Западной зоны наличие протезы перед сочетанием согласных в производящем слове: **аграбли** ‘грабли’ Себ. Пск., Бельск., Вел., Дем. Смол. **Орехáть** ‘болтать вздор, пустяки; пусто-словить’, **орехлó** ‘пустомеля’ Прииссыкул. Киргиз. ССР, ср. простореч. *брехáть* ‘лгать, клеветать’, *брехáло* ‘болтун человек, говорящий вздор, пустяки’ Пск., Осташк. Твер., *брехлó* ‘тот, кто имеет привычку ругаться, ссориться’ Пск., Смол. Смол., Тул., ‘лгун’ Мещов. Калуж., Курск., Тул., Барнаул.

3. Метатеза звуков в сочетании носового согласного с плавным с последующим развитием протезы. Действует формула: **nr-** > **rn-** > **orn-**. Примеры единичны: **орна́виться** ‘нравиться’ Куйбыш., **орновистый** ‘с норовом, норовистый’ Ряз. Мещера, ср. **рнáвиться** ‘нравиться’ Горбат. Нижегород., Влад., Казан., Калуж., Саратов., **рнав** ‘нрав’ Переясл. Влад., Нижегород., Казан., Арх., Пск., **рнавный** Пск., при исходных лексемах с корнями *нрав-*, *норов-*.

Итак, представленный материал показывает разнообразие процессов воздействия иноструктурной языковой системы на русскую лексику. Если иметь в виду, что идентификаторами формального варьирования слова являются одинаковая семантика, «незначительность формальных различий, сохранение материальной общности корневой морфемы, наличие в составе колеблющихся форм слова иерархически старшей, эмической единицы – исходной формы слова» [2: 11], то значительная доля лексических единиц, разными путями освободившихся от начальных плавных **p-** и **л-**, следует отнести к самостоятельным лексемам. Основная территория бытования рассмотренной лексики – Урал и восточнее Урала, вплоть до Колымы; лексика европейской части России в меньшей степени подвержена изменениям. Окончательные выводы делать преждевременно: вполне возможны уточнения по составу описываемой лексики.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Географические пометы соответствуют данным использованных словарей, список которых приводится в конце работы. При каждом слове указываются номера тома/выпуска и страницы, фиксирующие представленные в тексте статьи слова. К сведениям областных словарей, в которых указываются только сокращенные названия районов, добавляются обозначения областей (напр., вместо Оп. дается Оп. Пск.).

² О географии этих слов см. [9: 281–283].

- ³ Во второй части слова **укогѣльник** наблюдается замена дрожащего звука боковым, приобретшим закономерную позиционную мягкость; [p] > [л] > [лʹ].
- ⁴ Включение слова **урундук** в «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» [8: 297] считаем ошибочным.
- ⁵ В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малеча в качестве заглавных слов представлены фонетические варианты **арипей** 'репей, репейник' Соб., **арипейник** 'заросли репейника' Ур., **арипейный**, -нь, - 'прил. к арипей' Соб. Уральск.
- ⁶ В словарной статье РУКА Н. М. Малеча используется другой вариант данной поговорки: *Слово – закон, рука – граница. Дай, господи, сродниться (говорится при согласии на свадьбу)*. Нук., 1943. Этот же вариант представлен и в статье СЛОВО.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. 768 с. (С. 466).
- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15. М.: Изд-во Московского ун-та: Наука, 1980–2013 (I: 66).
- Дружинина М. Ф. Словарь русских старожилческих говоров на территории Якутии. Вып. 1–4. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007 (I: 24, 30, 33; 2: 106; 3: 116; 4: 26, 102, 105, 158).
- Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002–2003 (I: 65, 68–69, 442; 2: 125, 130; 3: 68, 76, 561; 4: 107).
- Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1979. 183 с. (С. 19).
- Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–10. Киров: Кировская областная типография, 1996–2016 (I: 29).
- Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. Б. А. Ларина, И. С. Лутвиной, М. А. Тарасовой и др. Вып. 1–24. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2013 (I: 58, 68; 7: 167; 16: 453, 491, 524; 17: 69).
- Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–6 / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2014 (3: 245).
- Словарь брянских говоров. Вып. 1 / Ред. В. И. Чагишева. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. 76 с. (С. 19–20).
- Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская; Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007 (4: 66).
- Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–VI. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014 (I: 140).
- Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун; Под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с. (С. 21, 299).
- Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013 (II: 723).
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (3: 351; 6: 84, 461; 12: 1225, 1300, 1667).
- Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2005 (С. 176).
- Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006 (С. 120, 434).
- Словарь орловских говоров / Сост. Т. В. Бахвалова; К. С. Корниловская и др. Вып. 1–15. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского; Орёл: Орловский гос. ун-т, 1989–2008 (1: 41, 46–47).
- Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000, 2002 (1: 12, 500; 2: 312).
- Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 2008. 405 с. (С. 242).
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005 (3: 178; 4: 195, 234; 5: 530, 581, 617; 6: 599).
- Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1–2. Одесса: АстроПринт, 2000–2001 (1: 354).
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с. (С. 10, 374, 540).
- Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–48. М.; Л.; СПб.: Наука, 1967–2015 (1: 229, 231–232, 238–239, 247–249, 266, 269; 3: 176; 177, 218; 8: 311, 324; 7: 149; 12: 184, 210; 16: 252, 288, 357, 372; 17: 47, 55, 57, 198–199, 221, 222; 23: 178, 189, 326, 330, 334, 335, 336, 345, 346, 349; 34: 341, 343; 35: 22, 47–48, 50, 51, 85, 104, 107, 118, 125, 171, 260, 310–311, 356, 358, 360; 47: 85–86, 106–107, 148, 320; 48: 17–18, 28–29).
- Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005 (1: 63, 267, 268; 9: 150; 11: 176).
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (3: 351; 6: 84, 461; 12: 1225, 1300, 1667).
- Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007. 347 с. (С. 31).
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: ОГИЗ, 1936–1940 (1: 187).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973 (2: 468, 499; 3: 500, 517).
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М.: Наука, 1974–2014 (7: 137).
- Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991 (1: 23; 4: 32; 7: 42).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блинова О. И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 1. Новосибирск, 1972. С. 99–108.
- Богословская З. М. Диалектная вариантиология: Лексикологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 39 с.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 527–529.
- Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 424 с.
- Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.
- Малеча Н. М. О перестановке звуков в словах (На материале диалекта уральских казаков). Уральск: Издание Западно-Казахстанского отдела Географического общества СССР, 1963. 119 с.

7. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л. Г. Зубкова. М., 2003. 395 с.
8. Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013. 352 с.
9. Михайлова Л. П. Экстенциальные и исконные фонетические диалектизмы в русских говорах // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 г.: Избранные труды. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 278–288.
10. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003. 360 с.
11. Сердюкова О. К. К вопросу о взаимодействии русских говоров с языками других систем // Говоры территорий позднего заселения: Межвуз. сб. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. С. 119–127.
12. Тенишев Э. Р., Поцелуевский Е. А., Дыбо А. В. Туркские языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: В 3 т. / Ин-т языкознания. Т. 3. М.: Наука, 2005. С. 154–168.
13. Трубачев О. Н. *lalok/*laloka // Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 14. М.: Наука, 1987. С. 23–24.
14. Филин Ф. П. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования) / Ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1966. С. 27–34.
15. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 335 с.

Mikhaylova L. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MODIFICATION OF RUSSIAN LEXIS IN MULTI-ETHNIC AREA (WORDS WITH INITIAL LIQUID CONSONANTS)

The author describes the lexis of Russian sub-dialects, that originated from the words with initial liquid consonants and modified phonemic structure of the root morpheme. The lexis is classified according to the detected processes of anlaut-transformation from **p-** and **л-**: when the liquid consonant is lost (алаки < лакаки, рукотер < укотерат, иловый < лиловый, ебро < ребро); when a prosthetic vowel before a liquid consonant is manifested (орайский < райский, улупы < лупы); when there is metathesis of initial sounds (урба́нок < рубáнок, ерестр < реестр); exchange of liquid tones (рипок < липок, лянда < рянда). The features given above are found out in the group of words with secondary, “intermediate” **p-/л-**anlaut (арабэльки < грабэльки, улькоза < глюкоза). The author also gives an areal description of modified lexis. The changes are caused by the impact of agglutinating languages on the Russian lexis during the long co-existence of ethnics on the Russian territory.

Key words: dialect lexicography, ethno-lingual contacts, phonetic processes, structural transformations, anlaut

REFERENCES

1. Bliņova O. I. On the problem of the limit of dialectism formal variation [K voprosu o predele formal'nogo var'irovaniya dialektного слова]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Issue 1. Novosibirsk, 1972. P. 99–108.
2. Bogoslovskaya Z. M. *Dialektnaya variantologiya: Leksikologičeskij i leksikografičeskij aspekt: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Dialect variantology: lexicological and lexicographic aspects]. Tomsk, 2006. 39 p.
3. Gadzhieva N. Z. Turkic languages [Tyrkskie yazyki]. *Lingvističeskij entsiklopedičeskij slovar'* / Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 527–529.
4. Larin B. A. *Russko-anglijskij slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)*. [Russian-English dictionary: diary of Richard Dzhems]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. 424 p.
5. Lytkin V. I. Comparative phonetics of Finno-Ugrian languages [Srvnitel'naya fonetika finno-ugorskikh yazykov]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija (voprosy proiskhoždenija i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)*. Moscow, 1974. P. 108–213.
6. Malecha N. M. *O perestanožke zvukov v slovakh (Na materiale dialekta ural'skikh kazakov)* [On hyperthesis in words (As exemplified in Ural Kozaks' dialects)]. Uralsk, Izdanie Zapadno-Kazakhstanskogo otdela Geografičeskogo obščestva SSSR, 1963. 119 p.
7. Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [Holistic typology of languages: principles, methods, models] / Ex. ed. L. G. Zubkova. Moscow, 2003. 395 p.
8. Mikhaylova L. P. *Slovar' ekstsentsial'nykh leksičeskikh edinits v russkikh govorakh* [Dictionary of existential lexical items in Russian dialects]. Petrozavodsk, Izd-vo KGPA; Moscow, ООО “Вариант” Publ., 2013. 352 p.
9. Mikhaylova L. P. Existential and primordial phonetic dialectisms in Russian dialects. [Ekstsentsial'nye i iskonnye fonetičeskije dialektizmy v russkikh govorakh]. *XLIII Meždunarodnaya filologičeskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2014 g.: Izbrannye trudy*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2015. P. 278–288.
10. Myznikov S. A. *Atlas substratnoj i zaimstvovannoj leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of substrate and borrowed lexis of Russian north-western dialects]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 360 p.
11. Serdyukova O. K. On the problem of Russian dialects interaction with languages of other systems [K voprosu o vzaimodejstvii russkikh govorov s yazykami drugih sistem]. *Govory territorij pozdnego zaseleniya: Mezhvuz. sb.* Issue 1. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1977. P. 119–127.
12. Tenišev E. R., Potseluevskij E. A., Dybo A. V. Turkic languages [Tyrkskie yazyki]. *Yazyki narodov Rossijskoj Federatsii i sosednikh gosudarstv: Entsiklopediya: V 3 t. / In-t yazykoznanija*. Vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 2005. P. 154–168.
13. Trubachev O. N. *lalok/*laloka [*lalok/*laloka]. *Etimologičeskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksičeskij fond*. Issue 14. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 23–24.
14. Filin F. P. On lexicalized phonetic- morphologic variants of words in Russian dialects [O leksikalizirovannykh fonetiko-morfologičeskikh variantakh slov v russkikh govorakh]. *Leksika russkikh narodnykh govorov (Opyt issledovaniya)* / Ed. F. P. Filin. Moscow, Leningrad, 1966. P. 27–34.
15. Filin F. P. *Očerki po teorii yazykoznanija* [An outline of linguistic theory]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 335 p.

Поступила в редакцию 30.08.2016

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

ДРАМА Г. ИБСЕНА «ПЕР ГЮНТ»: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ В ПОСТАНОВКЕ ТЕАТРА «ЛЕНКОМ»*

Статья строится на осмыслении феномена актуальности «вечных образов», ставших мифологемами в мировой культуре. Для анализа привлечен скандинавский материал – творчество норвежского классика Генрика Ибсена. Автор статьи с опорой на компаративистский подход и на методы мотивного анализа, онтологической поэтики выявляет особенности воплощения на сцене Московского государственного театра «Ленком» драмы-«загадки» Г. Ибсена «Пер Гюнт» в контексте современной культурной парадигмы. Статья носит междисциплинарный характер. В ходе исследования были обнаружены как точки сближения с каноническим текстом, так и режиссерские трансформации. Ключевые слова: перформанс, мировые образы, мифологемы, театр «Ленком», драматургическое переложение классического произведения, компаративистика, Пер Гюнт

В современной филологической науке прочно укрепилась концепция о так называемых осевых, или сильных, текстах и об их актуализации на разных этапах развития человеческой цивилизации. К таким особо востребованным литературным произведениям относят поэмы Гомера и «Божественную комедию» Данте, трагедии «Гамлет» и «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Дон Жуан» Мольера и философскую драму И.-В. Гете «Фауст», а в XX веке – романы Ф. Достоевского и Т. Манна. Все эти литературные герои становятся стержнеобразующими мифологемами европейской и русской культур, неся в себе, как «взгляд Гамлета», по справедливому наблюдению Л. В. Карасева, и «отпечаток своего времени», и «нечто универсальное, внекультурное, внеисторическое» [8: 111]. Ряд имен-мифологем можно расширять или сужать, но главным остается одно – на том или ином этапе развития человеческой мысли эти художественные произведения вновь и вновь попадают в центр дискуссий, пристального анализа и интерпретации, переосмысления (см., к примеру, [6]), переложения (в театре, кинематографе или иных родах искусства). Приведенный выше пантеон «бессмертных имен и произведений», бесспорно, может быть дополнен именем норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906), поднявшего литературу всего Скандинавского полуострова на мировой уровень, изменившего как структурно, так и тематически жанр драмы, превративший ее в драму-дискуссию, драму с амбивалентным финалом, драму с интеллектуальным каркасом, драму-эпизод.

Драма-«загадка» «Пер Гюнт» (1867) норвежского классика, написанная за границей, в Италии, вобравшая в себя как чисто норвежские фольклорные предания и легенды [1], так и со-

временный автору срез идей и нравственно-мировоззренческих проблем, быстро перешагнула пределы Скандинавии и заняла *неотъемлемое место* в русской культуре, в особенности в культуре Серебряного века. Так, для многих символистов и философов рубежа XIX–XX веков [2] в драмах «Строитель Сольнес» и «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» великого норвежца зарождается символистская поэтика с ее приемами недосказанности, многозначности, суггестивности, символами-знаками. «Все его творчество, – пророчествует Александр Блок, – подобно стремительному бурному потоку, в котором много подводных камней. Все творчество его многозначно, все говорит о будущем, о несказанном»¹. Русский философ Н. Бердяев поместил «Пера Гюнта» в галерею мировой фаустианы. «В форму норвежской народной сказочности облечена мировая тема, – пишет философ, – “Пера Гюнта” нужно сравнивать по значению с гетевским “Фаустом”. Это есть мировая трагедия индивидуальности и личной судьбы» [3].

В чем ценность и смысл человеческой жизни? Этим экзистенциальным вопросом задаются и герой «Пера Гюнта», и сам автор пьесы, а на протяжении более чем столетней истории ее существования размышляют философы, филологи, режиссеры, композиторы, читатели. Последнее десятилетие в России отмечено (после долгих лет молчания) интересом в филологической науке к драме Ибсена [10], а современные режиссеры воплотили ее на сцене. Формальным поводом стало, казалось бы, 100-летие со дня смерти великого норвежского классика (2006). В действительности же новая, современная нам, эпоха востребовала поэтику «несказанности», о которой писал А. Блок, и режиссеры нашли свое драматургическое решение по ее воплощению на

театральных подмостках. Приведем два характерных примера. «Пер Гюнт» на сцене Новосибирского государственного драматического театра «Старый дом» (режиссер А. Лателла), заявленный как «спектакль-путешествие» (2014), и мистерия по мотивам пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт» (режиссер Ю. Панина) в Санкт-Петербургском театре «ОсобняК» (2014). Не вдаваясь в анализ постановок, отметим лишь указанную в афишах трансформацию жанра (причем в ибсеновском духе): «путешествие» как главная траектория судьбы Пера Гюнта и «мистерия» как жанр, соединяющий религиозный сюжет и театральное действо. Жанровая модификация в современных постановках как нельзя лучше отражает главную проблематику норвежской драмы – мучительные, подчас трагические поиски человеком самого себя, но в конечном итоге приближение «к замыслу Бога о тебе». Кроме того, сами по себе эти жанровые новации знаменуют существенные перемены в творческих позициях режиссеров и намечают вехи дальнейших трактовок «Пера Гюнта» в контексте «неостановимо текущего времени».

25 марта 2011 года на сцене Московского государственного театра «Ленком» состоялась премьера спектакля «Пер Гюнт», который в дальнейшем получил премию Правительства РФ и главную премию Союза театральных деятелей РФ «Гвоздь сезона». Знаменитый режиссер, народный артист СССР М. Захаров и хореограф О. Глушков в своей сценической версии по *мотивам пьесы* Г. Ибсена вновь ставят главный вопрос загадочной норвежской драмы: «Зачем вы родились?» [5]. «Кто я такой?» – вопрос, который в разной огласовке звучит из уст главного героя М. Захарова. На этот вопрос герой ленкомовского спектакля ищет ответ, погружаясь в омут наслаждения или обмана, отдаляясь от поисков самого себя, затем его вновь одолевают смутные прозрения, что он живет не так, не тем, что он не нужен людям. Тоска по собственной цельности, поиски себя, собственного призвания на этой земле – все эти ключевые темы творчества норвежского классика обрели художественное воплощение в бесконечных странствиях и бунтарстве деревенского парня Пера Гюнта, в мятеже Норы Хельмер («Кукольный дом») против равноправия в супружеской жизни и нежелании более «жить по лжи», в трагедии ложного величия-самообмана в поздней притче «Строитель Сольнес», где герой, поднявшись «в поднебесье», повторяя свой подвиг юности, разбивается, падая со строительных лесов.

Эстетический и этический идеал Ибсена-художника – это личность, свободно и независимо мыслящая, способная на поступок, строящая свой путь во имя долга и сумевшая найти свое собственное предназначение. Пер Гюнт, по выражению Г. Ибсена, «норвежский норвежец», стал воплощением помыслов целого поколения европейцев, многие из которых увидели в нем самих себя. В фокусе противоречивой природы Пера

Гюнта отразилось целое поколение, тревожащие черты которого – отсутствие целостности, метания без цели, половинчатость натуры. Современный режиссер-новатор и «провокатор в искусстве» М. Захаров разворачивает ибсеновские темы в новом ключе, отступив от привычной характерологии норвежского классика. Спектакль театра «Ленком» имеет важное уточнение – «*по мотивам пьесы*» (для русского зрителя был сделан новый перевод). На настоящий момент мы имеем четыре полных перевода драмы на русский язык. Классическим переводом считается перевод 1905 года А. и П. Ганзенов, выдержавший множество изданий. В 2006 юбилейном году вышло издание², включающее как текст оригинала, так и четыре перевода (А. и П. Ганзенов, Ю. Балтрушайтиса, А. Карпа, А. Шаратовой).

Как соотносить рамки одного театрального вечера и большой стихотворный текст драматической поэмы Г. Ибсена, где соединена лексика разных стилей, есть множество перемещений героя по земному шару и множество персонажей разного плана? Эта проблема была решена М. Захаровым радикально, в ключе «постпостмодернизма»: был выполнен адаптированный новый перевод оригинала на русский язык, открывавший режиссеру и хореографу новые возможности игры со смыслами и выход в виртуальную реальность. Спектакль «Пер Гюнт» – это, с одной стороны, перепевы и продолжение знаменитого «ленкомовского» стиля с его тягой к приемам трагедии, шоу, с эксцентричной музыкой и причудливыми танцами, клоунадой, неожиданными звуковыми и световыми эффектами и умением в канонический текст классического произведения встроить актуальное слово, обозначить свежие и нетривиальные параллели с современностью. С другой стороны, перед нами, скорее, своего рода «перформанс». Режиссер вместе со сценографом и всем блистательным актерским составом переводит сугубо скандинавскую проблематику в наднациональное виртуальное пространство, с завораживающей силой превращая все происходящее на сцене в сновидческую реальность. Характерология Ибсена (настоящий, деятельный, цельный герой-одиночка в столкновении с большинством) уступает место иному видению природы человека: Пер Гюнт – это «человек-луковица», пребывающий в состоянии инфантилизма, растянувшегося на всю человеческую жизнь. В критике выявлена особая атмосфера ленкомовского действия: «Спектакль М. Захарова “Пер Гюнт” просто до неприличия пышет юностью и здоровьем, он весь искрит от разрывающей его изнутри энергии» [9]. Разовьем это положение, но в несколько ином русле. Это постановка *о молодом человеке и постановка для молодых, но воплощенная «ролевым старцем»* – М. Захаровым. В этом видится нам специфика и парадокс спектакля. «Пер Гюнт» создавался режиссером в иную культурную эпоху, нежели мюзикл «Юнона и Авось» и фильм

«Тот самый Мюнхгаузен». Современную эпоху можно обозначить еще не проясненным до конца и во многом условным термином «постпостмодернизм» с его поисками нового языка искусства на современном этапе его существования. Судьба Пера Гюнта подана у М. Захарова как некая круговерть игровых трансформаций. Роль Пера Гюнта исполнил молодой талантливый актер Антон Шагин, который уже показал свои актерские возможности в роли Лопехина («Вишневы сад») в театре «Ленком» и фильме «Стиляги». Антон Шагин создал, по замыслу режиссера М. Захарова, образ сумасбродного мальчишки, умеющего так рассказать историю об охоте (когда его персонаж поймал оленя за хвост и час держал его над пропастью), что вся деревня перестала работать, слушая его рассказы, от которых веет любовью к легендарному прошлому родной Норвегии. Пер Гюнт хочет прожить жизнь, что называется, на полную катушку, вдоволь и всласть погулять, побалагурить, пошутить. Эта история 20-летнего человека, мечтающего о высоте, о звездах, о величии, но растратившего все свои силы впустую. Эта трагедия *понапрасну растратенных сил* подана у М. Захарова как череда впечатляющих картин, сменяющих друг друга в пестром калейдоскопе событий (как не вспомнить тут знаменитое определение Пера Гюнта, данное известным германистом Н. Я. Берковским: он «пестро-безличен» [4]).

Герой в драме Ибсена способен пересечь черту, отделяющую реальный мир норвежской деревни от мира сказочных персонажей, троллей. Артисты на сцене «Ленкома» на глазах у зрителей из селян превращаются в троллей, а восточные красавицы (во время путешествия Пера Гюнта) вдруг перевоплощаются в аллегорические красные фигуры, исполняющие некий сюрреалистический танец. Смещение человеческого и троллевого (способность менять облик) в одном актере отражает подмеченное Н. А. Бердяевым особое толкование норвежским драматургом сути этого фольклорного персонажа. Так, философ заключает: «Всех героев Ибсена мучат тролли. И он говорит, что *жить – значит бороться с троллями души* (выделено мною. – Н. Ш.)» [3]. Тролли – это то, что мешает человеку найти себя, то, что делает его «вечно довольным собой», фиксирует его в состоянии всевозрастной инфантильности. Передать стремительное перемещение-путешествие Пера Гюнта из одного края земли на другой помогает визуальная и динамичная сценография спектакля. В центре сцены находится огромный куб, способный к самым различным трансформациям. Зритель может угадать в его очертаниях внутреннее пространство скандинавского дома, или же сам куб вдруг становится черным, символизируя собой мрачный дом скорби. Театральный критик интерпретирует куб, развернутый к залу фронтальной плоскостью, как «чистый “черный квадрат” Малевича» [9]. В постановке М. Захарова и О. Глуш-

кова весь словесный и сюжетный план «Пера Гюнта» Г. Ибсена, многозначный и многоплановый, «сцеплен» особой пластикой движений героев, их эксцентричными танцами и создан словно по законам перформанса. Режиссер молниеносным перемещением Пера Гюнта из одного места в другое (из норвежской деревни в царство троллей, с Востока на Запад, от непристойной красавицы Анитры к зловещему доктору сумасшедшего дома) словно бы пролистывает перед зрителем человеческую жизнь, которая только с высоты 20-летнего возраста кажется бесконечной и бессмертной. Пер Гюнт «разбазарит» свои дни и годы, данные Богом (как скажет его мать, Осе), растратит свою мужскую силу. Герой в поисках эфемерного первенства, обретения славы и злата все дальше и безвозвратно будет уходить от своего предназначения. Ибсен наделил героя сверхсилой, но Пер растратил ее впустую. Режиссер «Ленкома» усилил в герое трагедийное начало, переводя его в иную плоскость: Пер Гюнт – мученик познания, вечный тип, как Фауст с чертами Мюнхгаузена или Дон-Кихот, но рожденный в эпоху господства вневозрастного инфантилизма. М. Захаров, взяв за основу драму Г. Ибсена, внес в этот сюжет о деревенском парне из норвежской провинции много переосмысленных аллюзий на другие мировые сюжеты: это и антиутопия, и «Тысяча и одна ночь», и «Фауст». Все это органично переплетено в постановке, одни сюжеты наплывают на другие, становясь историей-мифом на все времена. Своей постановкой М. Захаров заостряет главнейший вопрос всего творчества норвежского драматурга – в чем предназначение человека, как найти себя, как быть самим собой?

Особая роль отведена в спектакле Пуговичнику (актер Сергей Степаненко). Пуговичник – вечный спутник и вечный искуситель Пера Гюнта: «*Пер, тебе пора на переплавку! Ведь жизнь твоя не получилась!*» Пуговичник (как Мефистофель) становится посредником между миром живых и миром мертвых (так, вернувшись после кругосветного путешествия, Пер Гюнт достигает отеческих гробов и беседует с призраком матери Осе и Доврским дедом). Пуговичник сопровождает героя в его путешествии во времени и пространстве, становясь его тенью, исполнителем его желаний, дарующим ему наслаждение, его искусителем (в постановке Новосибирского драматического театра даже введен такой персонаж – Мефистофель), в конце пьесы проповедником, отпускающим его грехи.

Пер Гюнт распознал среди прочих других женщин одну, особенную – Сольвейг, но тем не менее погнался и увлек в горы красавицу Ингрид, которую там и бросил и которая, по замыслу режиссера, станет женщиной-троллем, родит мальчика-урода и станет преградой к соединению с Сольвейг. Пер Гюнт у М. Захарова не герой в традиционном смысле этого слова, но он мужчина в смутных поисках своего собственного

предназначения и своей особой женщины. Чтобы обрести ее, ему надо ее выстрадать. Цепочка здесь такова: дайте вначале страдания, а только потом Любовь. Герой подходит к главному в любви – к открытию Другого, его незаменимости и бесценности его существования. «На свете много таких, как Сольвейг», – так говорит Пер Гюнт Пуговичнику, который на это отвечает: «...нет, на свете много женских глаз, коленок и соблазнов, а Сольвейг одна». Когда Пуговичник отмерит последний срок Перу Гюнту, тот скажет о смутном женском видении, которое тревожит его всегда во сне. Финальная сцена у Г. Ибсена (кульминация путешествия героя) не раз становилась предметом интерпретации в литературоведении и шире – в критике, эссе, статьях и рецензиях. Самая знаменитая из них принадлежит философу Н. Бердяеву: «Наибольшую известность приобрели Ибсеновские женщины. Ибсен раскрывает значительность женского начала. “Женщина с моря” есть символ притяжения бесконечности. Женщина вдохновляет у него к творчеству. В женщине раскрывает он и демонизм, и святость. Один из типов ибсеновской женщины есть модернизированная Валькирия. Другой тип – Агнес в “Бранде” и Сольвейг в “Пере Гюнте” – явление святой женственности, на которой лежит отсвет Божьей Матери» [3]. В финале спектакля «Ленкома» Пер Гюнт возвращается к Сольвейг, она ждет его там, где он ее оставил, в сторожке. Режиссер дает свое понимание финальной сцене драмы: герои предстают молодыми, но при этом, как и в каноническом тексте, Сольвейг лишена зрения. Мотив лишения зрения – важнейший и стержнеобразующий мотив многих произведений мировой литературы

(достаточно вспомнить сцену из V акта «Фауста» Гете, где героя ослепляет Забота, или символистскую драму «Слепые» М. Метерлинка). Во всех случаях мотив наделяется добавочными смыслами, выходящими за пределы логических обоснований в этой пьесе-загадке. В драме Ибсена слепота Сольвейг знаменует собой ее внутреннюю святость, внутреннее зрение или ясновидение. Пер Гюнт вымалывает у Пуговичника отсрочку перед переплавкой в пуговицы. Ему нужно вернуться к Сольвейг, еще раз быть подле нее. «*Да она тебя не увидит, – бросает Пуговичник, – ослепла*». Сольвейг, ощупывая лицо Пера Гюнта, восторженно восклицает: «*Вернулся!*» Слово бы на предостережение Пуговичника она отвечает: «*Чтобы узнать тебя, мне не нужны глаза, я чувствую, что это ты, по биению моего сердца!*» В душе Сольвейг Пер Гюнт навсегда остался ее возлюбленным, целым и цельным, и в ее любви герой обретает свое предназначение. М. Захаров, как и Г. Ибсен, лишает концовку однозначного понимания участи главного героя: «С точки зрения человеческого космоса – это не поздно, а с точки зрения здравого смысла – да, поздно» (слова режиссера) [7].

В спектакле М. Захарова Пер Гюнт сюжетно прошел через искушения, через страдания, но остался собой, вернее, вернулся к себе, к своей основе (сути) через свою любовь к Сольвейг, поскольку только *любовь делает нас цельными и дает смысл нашему существованию*. Эта последняя сентенция заявлена, однако, на новом искомом языке постпостмодернизма и вступает в творческий диалог со ставшими вечными образами мировой культуры, от Одиссея и Дон-Кихота до Фауста и князя Мышкина.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. Подпроект «Scandica: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 4. С. 174.

² Ибсен Г. Пер Гюнт: Драматическая поэма в пяти действиях. М.: ОГИ, 2006. 778 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асбьернсен П.-К. На восток от солнца, на запад от луны: Норвежские сказки. Петрозаводск: Карелия, 1972. 160 с.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 511 с.
3. Бердяев Н. А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров) // Журнал «Путь». № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/11/> (дата обращения 19.05.2016).
4. Берковский Н. Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2002. 480 с.
5. История никчемной жизни. Пер Гюнт. Апокриф [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20860/episode_id/154367 (дата обращения 19.05.2016).
6. Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века. М.: Флинта, 2002. 126 с.
7. Каминская Н. Хождение за три горя. В «Ленкоме» поставили «Пер Гюнта» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lenkom-bilet.su/Lenkom-repertoire/per-gunt/125/> (дата обращения 15.03.2016).
8. Карасев Л. В. Флейта Гамлета: Очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. 208 с.
9. Ларина К. Новый герой Ленкома [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lenkom-bilet.su/Lenkom-repertoire/per-gunt/134/> (дата обращения 15.03.2016).
10. Судья и строитель. Писатели России и Запада о Генрике Ибсене / Сост. и автор предисл. Б. А. Ерхов. М.: Рудомино, 2004. 528 с.

Sharapenkova N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HENRIK IBSEN'S PLAY "PEER GYNT": A MODERN INTERPRETATION IN THE PERFORMANCE BY THE LENKOM THEATRE

The article is built on the understanding of the phenomenon of "eternal images" relevance which have become the mythologemes in the world culture. The analysis was drawn on the Scandinavian information – the oeuvre of Norwegian playwright Henrik Ibsen. The author of the article uses a comparative approach, methods of motive analysis and ontological poetics to reveal the particularities of presentation of Henrik Ibsen's riddle play "Peer Gynt" on the stage of Moscow State Theatre "Lenkom". The article has interdisciplinary nature. The analyzed interpretation has some points coinciding with the canonical text, as well as some directorial transformations.

Key words: performance, world images, mythologemes, the Lenkom Theatre, dramaturgic sentence of the classical texts, comparativistics, Peer Gynt

REFERENCES

1. Asb'ernsen P. - K. *Na vostok ot solntsa, na zapad ot luny: norvezhskie skazki* [East of the Sun and West of the Moon: Norwegian fairy tales]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1972. 160 p.
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and arts]. Moscow, Iskustvo Publ., 1994. Vol. 2. 511 p.
3. Berdyaev N. A. Three jubilees (L. Tolstoy, H. Ibsen, N. Fedorov) [Tri yubileya (L. Tolstoy, Gen. Ibsen, N. Fedorov)]. *Put'*. № 11. Available at: <http://www.odinblago.ru/path/11/> (accessed 19.05.2016).
4. Berkovskiy N. Ya. *Stat'i i lektsii po zarubezhnoy literature* [Articles and lectures on foreign literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2002. 480 p.
5. *Istoriya nikchemnoy zhizni. Per Gyunt. Apokrif* [The story of worthless life. Peer Gynt. The apocrypha]. Available at: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20860/episode_id/154367 (accessed 19.05.2016).
6. Ishimbaeva G. G. *Russkaya faustiana XX veka* [Russian faustiana of the 20th century]. Moscow, Flinta Publ., 2002. 126 p.
7. Kaminskaya N. *Khozhenie za tri gorya. V "Lenkome" postavili "Per Gyunta"* [Going over three grieves. "Peer Gynt" represented by Lenkom]. Available at: <http://www.lenkom-bilet.su/Lenkom-repertoire/per-gunt/125/> (accessed 15.03.2016).
8. Karasev L. V. *Fleyta Gamleta: Ocherk ontologicheskoy poetiki* [Flute Hamlet: Essay on ontological poetics]. Moscow, Znak Publ., 2009. 208 p.
9. Larina K. *Novyy geroy Lenkoma* [New character of Lenkom]. Available at: <http://www.lenkom-bilet.su/Lenkom-repertoire/per-gunt/134/> (accessed 15.03.2016).
10. *Sud'ya i stroitel'. Pisateli Rossii i Zapada o Genrike Ibsene / Sost. i avtor predisl. B. A. Erkhov* [Judge and builder. Russian and Western writers about Henrik Ibsen. Rudomino / Author of introduction B. A. Erhov]. Moscow, Rudomino Publ., 2004. 528 p.

Поступила в редакцию 29.06.2016

ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА АБРАМОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 oksana.abramova@yahoo.com

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ХОМЕНКО

бакалавр филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 khomenkomasha@gmail.com

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК*

Анализируется первый перевод романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на шведский язык. Изданный в 1958 году, этот перевод на долгое время определил отношение шведского читателя к творчеству Б. Пастернака. В статье представлены основные наблюдения, сделанные в ходе изучения переводного текста, они сопровождаются историографическими и культурно-историческими комментариями, а также анализом языкового материала. В оформлении переводного текста отмечается наличие дополнительных композиционных элементов: списка героев, краткого словарика, описания фабулы. При анализе содержательной стороны выявлены некоторые лингвокультурологические особенности шведского перевода, связанные со стремлением передачи национально-культурной составляющей оригинала (использование вежливой формы обращения) и неповторимой образности (применение разных приемов перевода фразеологизмов). В 2017 году планируется издание нового перевода романа «Доктор Живаго» на шведский язык, что позволит произведению быть востребованным в новой культурно-исторической эпохе. Сравнительный анализ двух переводов даст возможность выявить новые тенденции в восприятии русской литературы в Швеции.

Ключевые слова: Пастернак, «Доктор Живаго», перевод, шведский язык, обращение, фразеологизм

Работа над новыми переводами произведений признанных классиков в настоящее время является обычной практикой. В современной Швеции русская литература активно издается, в том числе и в новых переводах, что позволяет ей быть актуальной и востребованной в условиях новой культурно-исторической эпохи. Как пишет профессор М. Юнгрен, «новые переводы последних лет охватывают не только неизменно актуального Достоевского: новые публикации его менее известных произведений продолжают появляться, и нет признаков того, что их будет меньше. Гоголь, Чехов и Толстой постепенно обретают современное шведское языковое облачение, но не Тургенев и Горький, они безнадежно отстают. “Мастер и Маргарита” Михаила Булгакова в блестящем переводе Ларса Эрика Блумквиста со своими рекордными 15 изданиями вскоре превратится в шведский культовый роман» [8: 15].

В октябре 2015 года на одном из мероприятий ежегодной книжной ярмарки в Хельсинки широкой публике стало известно о том, что ведется работа над новым переводом романа нобелевского лауреата Б. Пастернака «Доктор Живаго». Подтверждение этой информации мы получили из личной переписки с Я. Орлов, известной переводчицей, работающей с тремя языками – финским, шведским и русским. Крупнейшее в Швеции издательство художественной литературы *Albert Bonniers förlag* поручило заняться новым переводом прозаической части романа именно ей, публикация нового перевода запланирована на 2017 год.

В свете этого обращение к тексту первого перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на шведский язык, впервые изданного в 1958 году и определившего отношение шведской читающей публики к творчеству русского писателя на длительный период, вызывает особый исследовательский интерес. В данной статье представлены основные наблюдения, сделанные в ходе изучения перевода романа, сопровождаемые историографическими и культурно-историческими комментариями, а также анализом конкретного языкового материала.

В 1958 году роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» был издан на шведском языке в переводе С. Вальмарка (поэтическую часть переводили Р. Парланд и Л. Линдберг). По поводу этого перевода, как пишет С. Скотт, разразилась «серьезная шумиха» [11]. На страницах крупнейших изданий Швеции – газет *Dagens Nyheter* и *Expressen* – Х. Ульссон и Г. Йельм-Мильжин раскритиковали перевод, последняя даже выступила с разбором ошибок. Упомянув об этом, С. Скотт добавляет: «... большинство отмеченных недостатков были результатом того, что издательство торопило Вальмарка. Такое небезызвестно в переводческом мире...» [11]. Уже в 1960 году вышла в свет исправленная версия перевода прозаической части. В дальнейшем роман выдержал четыре переиздания (1966, 1970, 1985, 1994), а в 2004 году появилась аудиоверсия.

Обратимся к особенностям оформления текста перевода. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» состоит из двух композиционных частей:

прозаической и поэтической. Последняя представлена циклом, состоящим из 25 стихотворений. Прозаическая часть делится на «Первую книгу» и «Вторую книгу», это деление отсутствует в шведском варианте. Внутреннее деление на озаглавленные части и пронумерованные главы без названий в переводе полностью соблюдено.

Текст романа в шведском переводе предваряют дополнительные композиционные элементы. В первых, это список основных героев, в котором указаны фамилии, имена и иногда отчества, род занятий, а также степень родства или важные данные, определяющие роль персонажа. Очевидно, что переводчик прибегает к такому дополнению не только в связи с разветвленной системой персонажей, но и ввиду сложности восприятия для шведского читателя русских имен. Отметим, что первая англоязычная версия романа, изданная в том же 1958 году в переводе М. Хэйурда и М. Хэрэри, также сопровождается списком героев. И. А. Суханова комментирует это так: «Как известно, система именования людей в разных языках принципиально различна, и та стилистическая окраска, с которой употребляются, например, диминутивы личных имен, в разных языках не совпадает. Заботясь о читателе, переводчики приводят перед началом романа список основных действующих лиц с разными вариантами именований, чтобы избежать путаницы (*“to prevent confusion”*), поскольку русские имеют обыкновение, кроме фамилий (surnames), обращаться друг к другу по имени-отчеству (name and patronymic) и уменьшительными именами (diminutives)» [5: 370–371].

Проблема передачи имен персонажей романа «Доктор Живаго» в переводе на шведский язык требует детального рассмотрения в рамках отдельного исследования. Так, например, с первого взгляда кажется неоправданным, что имя Павла, чернорабочего и сторожа из книгоиздательства, передается на шведском как *Paul*, в то время как другой герой с таким же именем (Павел Антипов) представлен как *Pavel*. Вероятно, таким образом переводчик хотел указать на разницу в общественном положении этих двух персонажей и развести их в читательском сознании.

Вторым дополнительным композиционным элементом является краткий словарь с объяснением следующих слов: атаман, былины, опричник, верста, десятина, пуд. Так как данные лексемы вышли из активного употребления, современный читатель нуждается в дополнительной справочной информации. Для иностранного читателя такого рода пояснение является просто необходимым.

После основного текста дается краткое содержание романа со следующим примечанием: некоторые противоречащие данные о времени происходящих событий указывают на то, что изначально план повествования мог быть иным [10: 567]. Этот элемент также важен с прагматической точки зрения – он представляет фабулу, облегчая таким образом читателю проникновение в художественную ткань произведения.

От формы перейдем к содержанию. В рамках данной публикации мы не имеем возможности описать весь комплекс содержательной стороны

переводного текста (а это информация смыслового, стилистического, эмоционально-экспрессивного, эстетического характера и др.), поэтому сфокусируем внимание на некоторых лингвокультурологических особенностях перевода романа «Доктор Живаго» на шведский язык с оглядкой на такой феномен, как «эквивалентность при существовании различий» (Р. Якобсон). Такой подход находится в русле современного переводоведения [1: 13–14] и позволяет нам представить материал в концентрированном виде.

Если рассматривать художественное произведение в качестве «посредника» при взаимодействии культур [4: 7], то лингвокультурологический аспект перевода выдвигается на передний план. Образные эмблемы культуры, представленные традициями обращения и именования людей, фразеологизмами, становятся важными объектами исследования, позволяющими выявить национально-культурную специфику восприятия инокультурного художественного текста.

Одной из ярких лингвокультурологических особенностей первого перевода романа «Доктор Живаго» на шведский язык является употребление личного местоимения *ni* («вы»; падежная форма *er*) при обращении к одной персоне. Приведем пример:

Оригинал [3: 12]

– Гроза надвигается. Надо собираться.

– И не думайте. Не пуцу. Сейчас будем чай пить.

Перевод [10: 12]

– *Det blir åska. Jag får se till att komma i väg.*

– *Det ska ni inte tänka på en gång. Jag släpper inte i väg er. Nu ska vi strax dricka te.*

В современном шведском языке использование местоимения *ni* в единственном числе наблюдается лишь в ограниченном наборе коммуникативных ситуаций, например для подчеркнуто уважительного обращения; в большинстве же случаев, в том числе в ситуации официально-делового общения, используется местоимение *du* («ты»; падежная форма *dig*). Напомним, что работа над переводом романа велась С. Вальмарком в конце 1950-х годов, в то время маркированное *ni*, подчеркивающее дистанцию между говорящими, еще активно использовалось для обращения в единственном числе. Так называемая *du-reformen* («ты-реформа»), «когда *du* стало стандартным обращением даже в формальном и официальном контекстах» [2: 57], была проведена в конце 1960-х годов. Как пишет Л. Мелин, в современном шведском языке наблюдается тенденция к диалогизации, вместе с этим местоимение *ni* в обращении к одной персоне звучит как «несколько устаревшее, несколько неестественное, безличное и – в восприятии людей старшего поколения – снисходительное» [9]. В этой связи актуальным оказывается вопрос, как проблема выбора местоименных обращений будет решена в новом переводе романа «Доктор Живаго» на шведский язык.

Помимо обращения на «вы» до конца 1960-х – начала 1970-х годов в шведском языке было широко распространено использование титулов,

профессий и обращений *herr* (господин), *fru* (госпожа), *fröken* – в обращении к незамужней даме), как правило, в сочетании с фамилией. В переводе С. Вальмарка эта традиция находит свое отражение в ряде эпизодов, позволяя применять равнозначные с позиций адекватного перевода единицы. Приведем пример:

Оригинал [3: 251]

<...> *Сейчас страшный суд на земле, милостивый государь* <...>

Перевод [10: 260]

<...> *Men nu härskar den yttersta domen på jorden, min bästa herre* <...>

В России до революции 1917 года в устной и письменной практике было принято использовать вежливую форму официального обращения «милостивый государь» или «милостивая государыня». В переводе на шведский язык мы наблюдаем прием культурной адаптации, переводчик использует более близкое переводящему языку сочетание *min bästa herre* (дословно: «мой лучший господин»).

Одной из наиболее сложных переводческих проблем, связанных с попыткой сохранить исходную образность художественного произведения и национальный колорит, является перевод фразеологизмов. Порой неправильное восприятие фразеологизма может привести к искаженному пониманию текста, поэтому переводчик должен обладать не только глубокими знаниями языка и культуры, но и языковым чутьем.

Фразеологизмы представляют особый тип сочетаний, значения которых находятся во внеположенности по отношению к составляющим компонентам. В них отражаются национально-культурные представления, которые могут частично или полностью совпадать или совершенно отличаться у разных народов. Существует три основных приема перевода фразеологизмов с одного языка на другой: подбор полного эквивалента (совпадение по смыслу, образности, компонентному составу и грамматической структуре); подбор в языке перевода фразеологизма, имеющего схожее значение; нефразеологический перевод, то есть объяснение значения фразеологизма с помощью свободного словосочетания. В своем переводе романа «Доктор Живаго» С. Вальмарк использует разные приемы, стараясь передать образность оригинального текста. Приведем примеры.

Оригинал [3: 252]

<...> *Да, [оберегайте] как зеницу ока, лично будете отвечать передо мной.*

Перевод [10: 260]

<...> *Ja, som en ögonsten, ni ansvarar personligen inför mig.*

Выражение «беречь как зеницу ока» означает «с трепетом, с заботой оберегать что-то или стараться это сохранить» [6: 725]. В шведском языке есть полное соответствие в виде композита *ögonsten*, которое сейчас употребляется исключительно в переносном смысле и обозначает «зеница ока, сокровище». На первый взгляд, нет совпа-

дения грамматических форм: «зеница ока» – это субстантивное словосочетание, а в шведском варианте используется лишь одна лексема. Однако следует отметить, что это композит (*ögon* – «глаза», *sten* – «камень»), обладающий одновременно семантической емкостью и выразительной краткостью. В данном случае мы можем говорить о том, что переводчик прибегнул к подбору полного эквивалента.

Следующий пример демонстрирует использование двух приемов – описательный перевод (объяснение) и прием культурной адаптации, то есть подбора сходного по значению фразеологизма.

Оригинал [3: 9]

<...> *и одно время в Москве можно было крикнуть извозчику: «К Живаго!», совершенно как «к черту на кулички!», и он уносил вас на санках в тридцатое царство, в тридевятое государство.*

Перевод [10: 9]

<...> *det var en tid i Moskva, då man kunde skrika «Till Zjivago!» åt kusken alldeles som man skrek «Dra så långt vägen räcker!», och då förde han en i släden till landet östan om sol och västan om måne.*

«К черту (к чертям) на кулички» или «у черта на куличках» употребляется для обозначения «очень отдаленных мест» [6: 529]. Данное выражение используется в современном русском языке и по сей день. В шведском языке отсутствует подобное выражение, переводчик использует описательную конструкцию: «[Поезжай] так далеко, насколько дороги хватит!» Однако стоит отметить, что у выражения *dra så långt vägen räcker* есть синоним *dra dit pepparn växer* (дословно: «иди туда, где перец растет»), что означает «пошел (убирайся) к черту!».

Выражение «в тридцатое царство, в тридевятое государство» составлено из двух отдельных фраз, обычно встречающихся в русских сказках: «за тридевять земель (отсюда)» и «тридцатое царство, государство». Первая означает «в очень отдаленной стране, очень далеко», вторая – «очень отдаленная страна, земля» [7: 535]. В шведском варианте это выражение переведено как *till landet östan om sol och västan om måne* (дословно: «[в] страну на восток от солнца и на запад от луны»). Шведский фразеологизм так же используется в сказках для описания волшебной страны, расположенной очень далеко. Таким образом в переводе сохраняется не только смысл фразеологизма, но и очерчивается специфическая сфера его употребления, что позволяет сохранить эффект воздействия на читателя.

Перевод художественного произведения – это всегда поиск компромисса между языковой точностью и оригинальной образностью. Он может как нести на себе отпечаток времени, в которое он создавался, так и отражать специфические черты идиостиля переводчика. Последнее, в свою очередь, является одной из наиболее обсуждаемых проблем теории перевода последних десятилетий. Изучение истории перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на другие языки, анализ переводческих решений и компромиссов – это

одновременно попытка увидеть классическое произведение русской литературы сквозь призму инокультурного восприятия и возможность оценить потребности принимающей культуры. Так, например, с выходом в свет нового перевода

романа на шведский язык появится возможность провести сравнительный анализ переводов разных культурно-исторических эпох, что позволит выявить новые тенденции в прочтении и восприятии русской литературы шведским читателем.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. Подпроект «Scandica: культурные конвергенции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барина И. А., Нестерова Н. М. Отношение «оригинал/перевод» как один из «вечных» вопросов в теории и практике перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. № 4. С. 11–19.
2. Линеви́ч Н. Ю. Местоименные обращения в шведском и английском языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2009. № 2. С. 54–58.
3. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: В 5 т. / Редкол.: А. А. Вознесенский и др. Т. 3. Доктор Живаго / Подгот. текста и коммент. В. М. Борисова, Е. Б. Пастернака. М.: Художественная литература, 1990. 734 с.
4. Со́йни Е. Г. Русская поэзия первой половины XX века и Финляндия. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 114 с.
5. Су́ханова И. А. Способы передачи имен персонажей в английском переводе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Ономастика Поволжья: Материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / Под отв. ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 370–375.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35 000 фразеол. единиц / Под ред. А. Н. Тихонова; Сост. А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 1: (А–П). 832 с.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35 000 фразеол. единиц / Под ред. А. Н. Тихонова; Сост. А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 2: (П–Я). 832 с.
8. Ljunggren M. När den ryska litteraturen blev svensk // Svenska Dagbladet. 2013. 16 februari.
9. Melin L. Du-reformen som blev en jag-revolution // Språktidningen. Available at: <http://spraktidningen.se/artiklar/2007/10/du-reformen-som-blev-en-jag-revolution> (accessed 01.06.2016).
10. Pasternak B. Doktor Zhivago. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1970. 576 s.
11. Skott S. Sven Vallmark // Svenskt översättarlexikon. Available at: http://www.oversattarlexikon.se/artiklar/Sven_Vallmark (accessed 01.06.2016).

Abramova O. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Khomenko M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TRANSLATION OF BORIS PASTERNAK'S NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO" INTO SWEDISH

The article is focused on the first translation of Boris Pasternak's novel "Doctor Zhivago" into the Swedish language. The book was published in 1958 and governed the Swedish reader's attitude to the Russian author's oeuvre for a long period. The article presents some reflections on historical, cultural and linguistic study of the novel's translation. The composition of the translated text has some additional elements: a list of characters, a short glossary of difficult words and the story line description. The analysis of the content-related level reveals some linguistic and cultural aspects of the Swedish translation, which are connected with the translators striving for rendition of the original's national and cultural components (use of terms of address) and unique imagery (use of various methods of idiom translation). In 2017 a new translation of Boris Pasternak's novel "Doctor Zhivago" into Swedish is going to be published. That can contribute to the original's actualization and being in demand in a new historical and cultural period. A comparative analysis of two translations can reveal new trends in perception of Russian literature by Swedish audience.

Key words: Boris Pasternak, Doctor Zhivago, literary translation, Swedish, term of address, idiom

REFERENCES

1. Barinova I. A., Nesterova N. M. Relationship between Source Text and Target Text as "Eternal" Problem of Translation Theory and Practice [Otnoshenie "original/perevod" kak odin iz "vechnykh" voprosov v teorii i praktike perevoda]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University]. 2009. № 4. P. 11–19.
2. Linevich N. Yu. Pronominal Terms of Address in Swedish and English [Mestoimennye obrashcheniya v shvedskom i angliyskom yazykakh]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University]. 2009. № 2. C. 54–58.
3. Pasternak B. L. Doctor Zhivago [Doktor Zhivago]. *Sobranie sochineniy: V 5 tomakh*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 734 p.
4. Soyini E. G. *Russkaya poeziya pervoy poloviny XX veka i Finlyandiya* [Russian Poetry of the First Half of 20th Century in Relation to Finland]. Petrozavodsk, Karelskiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2011. 114 p.
5. Sukhanova I. A. Ways of Translation of Characters' Names in English translation of B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago" [Sposoby peredachi imen personazhey v angliyskom perevode romana B. Pasternaka "Doktor Zhivago"]. *Onomastika Povolzh'ya: Materialy XIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Yaroslavl, YaGPU Publ., 2012. C. 370–375.
6. *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phrase-Book of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. Vol. 1: (A–P). 832 p.
7. *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phrase-Book of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. Vol. 2: (P–Ya). 832 p.
8. Ljunggren M. När den ryska litteraturen blev svensk // Svenska Dagbladet. 2013. 16 februari.
9. Melin L. Du-reformen som blev en jag-revolution // Språktidningen. Available at: <http://spraktidningen.se/artiklar/2007/10/du-reformen-som-blev-en-jag-revolution> (accessed 01.06.2016).
10. Pasternak B. Doktor Zhivago. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1970. 576 s.
11. Skott S. Sven Vallmark // Svenskt översättarlexikon. Available at: http://www.oversattarlexikon.se/artiklar/Sven_Vallmark (accessed 01.06.2016).

Поступила в редакцию 01.08.2016

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ДЕХТЯРЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 geba13@mail.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Рассматривается вопрос о рецепции библейского текста в поэтическом творчестве Д. С. Мережковского 1880–1890-х годов. Анализируются произведения двух первых сборников поэта: «Стихотворения (1883–1887)» и «Символы». Внимательное изучение стихотворений этого периода приводит к выводу о том, что поэзия Мережковского на данном этапе отражает эволюцию его интересов и мировоззрения – от увлечения гражданскими темами к повороту в сторону христианства. В соответствии с этой тенденцией смещаются и акценты в прочтении библейских текстов. В первой книге стихов преобладает ориентация на образность и пророческую стилистику Ветхого Завета. Рассматривается мотив безмолвия, заимствованный из Книги пророка Исайи. Отмечаются разные интерпретации этого мотива, от знака присутствия Бога до знамения скорого конца мира. Тема божественного возмездия, образы ветхозаветных пророков соотнесены с темой «потерянного поколения» рубежа XX столетия. В стихотворениях второго сборника присутствуют евангельские реминисценции, а также элементы притчевой, молитвенной и житийной формы. Рассматривается обращение поэта к жанру христианской легенды. Легенды Мережковского представляют собой философское осмысление евангельских заповедей в соотнесении с реалиями современной жизни. В разных по жанру и тематике стихотворениях представлена не только художественная обработка ветхозаветных и христианских мотивов и образов, но и своя интерпретация, оригинальное переложение традиционных тем.

Ключевые слова: поэзия Д. С. Мережковского, русский символизм, рецепция библейского текста, евангельские образы и мотивы

Поэтическое наследие Мережковского отражает общие тенденции духовных исканий рубежа веков: путь от увлечения народничеством и гражданскими темами 80-х к возврату к религиозным традициям и непреходящим ценностям культуры. Как отметил М. Л. Гаспаров, Священное Писание становится классическим источником символов для поэтов Серебряного века русской культуры [1: 7]. Одна из интересных сторон поэзии Мережковского – интерпретация им библейских мотивов. Многочисленные реминисценции из Священного Писания, сказания о пророках и святых как вечные образцы жизненного драматизма, а также сама библейская риторика, серьезная и прямодушная, – все это не только увлекало Мережковского с точки зрения художественной, но и было для него сокровенно личным и созвучным его собственным воззрениям. Имея за плечами весьма основательное историко-филологическое образование, Мережковский прекрасно знал текст Священного Писания, и об этом знании свидетельствует частое обращение к нему.

Библейские мотивы и образы присутствуют уже в ранней поэзии, при этом нельзя не заметить, что источником вдохновения для поэта в этот период является прежде всего Ветхий завет. Эпиграф из Книги пророка Исайи («И отдашь голодному душу свою...») открывает

первый поэтический сборник Мережковского «Стихотворения» (1883–1887). Одна из ведущих тем сборника – противопоставление шумной суеты человеческой жизни и мистического молчания природы – отсылает к библейской истории о пророке Илии, которому Бог явился не при вихре, не при землетрясении или в огне, а в таинственной тишине, в «веянии тихого ветра» (1 Цар. 19: 11–13). Эта таинственная тишина является для поэта символом духовной чуткости, позволяющей обрести Божье откровение. «Музыка безмолвия» звучит в стихотворении 1885 года «В Альпах»:

И не доносится ко мне
 В глубокой тишине
 Ни шороха, ни голоса земного:
 Как будто нет людей, и я совсем один,
 Один – лицом к лицу с безвестными мирами (147)¹.

К образу гармоничной, тихой и ясной природы поэт обращается в стихотворении «Молитва природы» (1883):

Когда стихает пыл и гром житейской битвы,
 Слезами падает обильная роса,
 Когда сливаются ночные голоса
 В одну гармонию торжественной молитвы
 И тихой жалобой стремятся в небеса (155).

Этот мотив напоминает цитату из Псалма «Да восхвалят Его небеса и земля, моря и все,

движущееся в них» (Пс. 68: 35), а также известные слова Давида «Все дышущее да хвалит Господа» (Пс. 150: 6). Помимо явной ориентации на библейский контекст, в лирике Мережковского чувствуется сильное влияние образности Ф. И. Тютчева, на что справедливо указывает в своей работе К. А. Кумпан [4: 34].

В стихотворении «Предчувствие» (1884) Мережковский пишет о смене поколений и цивилизаций, противопоставляя недолгий век человека вечности универсума. Природа здесь для поэта является воплощением победы над смертью, символом вечного возвращения, вечной жизни:

Я знаю: грозный час великого крушенья
Сметет развалину веков –
Уродную жизнь больного поколенья
С ее расшатанных основ, –
И новая земля, и новые народы
Тогда увидят пред собой
Нетронутый никем, – один лишь мир природы
С его немеркнувшей красотой (200).

В этом стихотворении описание природы дается в апокалиптическом духе. Природа здесь – это «величественный зал для пира, для пира будущих людей». Она – вечно юное божество, неумирающая весна, величественные черты «для празднества любви, добра и мира». А «кроткая тишина» природы – это ожидание «радостного пира» (200).

Главным источником страданий поэта все же является так называемая «болезнь культуры» – явление, характерное в условиях идеологического хаоса и кризиса традиций на рубеже веков. Она выражалась в стремлении к простоте, вере и в бессилии достичь этой простоты и веры, в бессилии желать и любить. «Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить»², – напишет Мережковский позднее, в 90-е, почувствовав самое важное противоречие своей эпохи. В поэзии этого периода возникнет образ «потерянного поколения» – людей, утративших Бога, и в силу этого пребывающих в «подземелье жизни»:

Теперь мы больше не зовем,
Перед дверями заповедными,
Блуждая призраками бледными,
Мы не стучимся и не ждем (617).

Первые ростки этих будущих мучительных раздумий присутствуют уже в ранней лирике Мережковского. Это попытки понять сущность трагедии современной жизни, где все, что имеет высокий смысл и составляет ее ценность, оказывается пустотой и удушающей скукой.

Одним мучительным вопросом: для чего?
Вселенная полна, как роковым сознаньем
Глубокой пустоты, бесцельности всего,
И кажется, мы с ней больны одним страданьем (130)
(«Когда безмолвные светила над землей...», 1886).

Трагедия бездуховного мира в некоторых стихах молодого поэта обретает апокалиптическое звучание. Размышляя о современности, Мережковский пишет о том, что люди утратили веру, а существование без Бога уподобляется жизни в диком дремучем лесу. Эпиграфом к стихотворению «Развалины» (1884) становится цитата из Книги пророка Исаи («В тот день укрепленные города будут, как развалины в лесах... и будет пусто» (Ис. 17: 9)). Стихотворение построено как описание страшного видения, оно звучит как пророчество.

То был зловещий сон: по дебрям и лесам,
Казалось, я блуждал, не находя дороги;
Ползли над головой, нахмурены и строги,
Гряды свинцовых туч по бледным небесам... (137)

Лирическому герою снится сон, в котором он видит на месте пышной и бурлящей многолюдной столицы – Петербурга – лесные дебри. «И нелюдимый бор, как сумрачное море, Таинственно гудел в пустыне вековой...» (138). Картина дремучего леса, в котором заблудился лирический герой, напоминает начало Дантовой поэмы. Автор «Божественной комедии», создавший величественную картину глубин Ада, поведал миру о неизбежном наказании за грехи. Мережковский заимствует высокий слог, архаичную патетику в своем описании гибели цивилизации:

И ветер завывал, гуляя на просторе,
И ворон, каркая, кружился надо мной;
И нелюдимый бор, как сумрачное море,
Таинственно гудел в пустыне вековой... (138)

Во мраке проступают очертания темных громад «низверженных бойниц», «анфилад разрушенных дворцов», «столбов гранитной колоннады» – все безжизненно, все – «мертвый прах покинутых развалин». Как грозный приговор звучит шум нескончаемого леса: «Тебя я победил, отверженное племя! Довольно вам грозить железом и огнем, Бессильные рабы! Мое настало время...» (138). В ужасе герой устремляется прочь и, наконец, просыпается. Пророческий сон заставил его ценить свои серые будни. Его жизнь, кажущаяся ранее унылой и скучной, приобретает новый смысл.

Тема Божьего суда в первом сборнике поэта представлена прежде всего в стихотворениях с гражданской тематикой, где Мережковский проповедует идеи социальной справедливости и всеобщего равенства перед Богом. В стихотворении «Пророк Иеремия» (1887) перед нами встает трагическая фигура непонятого народом провозвестника истины:

Устал я проклинать насилие и порок;
И что им истина, и что для них пророк!
От сна не пробудить царей и сильных мира... (137)

Мотив одиночества и людского непонимания очень близок Мережковскому и часто встречается в его поэзии. Жизнь пророка Иеремии

осмысливается как подвиг, достойный подражания, как образец самопожертвования, твердой воли и верности Богу. Служение его уподобляет судьбе поэта, страдающего за народ.

Ветхозаветный мотив божественного возмездия представлен и в стихотворном переложении библейской легенды «Пророк Исайя» (1887), которое войдет уже во вторую книгу стихов под названием «Символы». Господь сообщает пророку о том, что он покарает неправедных властителей («...вы все передо мной рассеетесь как прах. Что для Меня ваш скиптр надменный!»). Возмездие за страдания народа постигнет всех, не спасется никто:

И ни корона, ни порфира –
Ничто от казни не спасет,
Когда тяжелая секира
На корень дерева падет (333).

В этом стихотворении перекликаются ветхозаветные мотивы и явные отсылки к новозаветным текстам, например к Евангелию от Матфея, где сказано: «Уже и секира при корне дерев лежит» (Мф. 3: 10). Далее мотив Божьего гнева усиливают метафоры, заимствованные из Откровения – «И поверг ангел серп свой на землю и обрезал виноград на земле и бросил в великое точило гнева Божия» (Откр. 14: 19). Читаем у Мережковского: «О, скоро я войду, войду в мое точило, чтоб гроздья спелые ногами растоптать, И в ярости князей и сильных попирать» (333). Символом утешения и любви к людям в стихотворении является библейский образ скинии. Обращаясь к народу, Господь утешает его: «Я вас от огненных лучей Покрою скинией Моей» (333). В интерпретации Мережковского божья скиния – это, конечно же, душа человека: «Мое святылище – не в дальних небесах, А здесь, в душе твоей, скорбями удрученной» (333).

Итак, первый сборник стихотворений Мережковского демонстрирует тот факт, что Библия для поэта является не только источником образов и метафор, но и формой выражения мысли. Весь спектр волнующих поэта вопросов – от проблем современности до вопросов о смысле жизни – получает философское осмысление путем обращения к Библии, и прежде всего к ветхозаветным текстам. Изучая эту тенденцию русской поэзии Серебряного века, В. Д. Серафимова отмечает, что библейская образность является не столько «интегратором текста, сколько способом связи времен» [6: 16]. Последующее творчество знаменует собой поворот к христианству и соответственно к текстам Нового Завета.

Вторую книгу стихов Мережковского «Символы» (1892) В. Брюсов назвал «книгой предчувствий». Очень показательно то, что эпиграфом книги является цитата из Деяний апостолов, кроме того, сборник открывается стихотворением «Бог» (1890):

Я Бога жаждал – и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, –
Я сердцем чувствовал Тебя (213).

Весь ценностный мир Мережковского организован вокруг библейской символики с ее антитезами добра и зла. Сборник «Символы» интересен тем, что здесь поэт обращается к жанру христианской легенды. Это «Монах» (1889), «Франциск Ассизский» (1890) – написанные в традициях житийного жанра, «Пастырь Добрый» (1892). Кроме того, в книгу включена мистерия «Христос, ангелы и душа» (1890), в которой аллегорически передаются страдания бессмертной души человека, изгнанной из рая.

Легенды «Монах» и «Пастырь Добрый» представляют собой философское осмысление основополагающих идей Евангелия. Герой первой, молодой монах, размышляет над фразой апостола Павла «Как день перед Господом – тысячи лет», пытаясь понять ее смысл. Вдруг слышит он чудное пение неведомой птицы и, забыв обо всем, наслаждается пением. Так проходит триста лет.

Увы, три столетия... о, птичка, певунья лесная!
Казалось – на миг, на один только миг
Забылся я, песне твоей сладкозвучной внимая –
Века пролетели минутой! (352)

Господь даровал монаху озарение: старик понял, что жизнь человека подобна мгновению сладкозвучной песни перед вечностью божественного бытия. Однако понимание это пришло к нему только перед смертью.

Вторая легенда посвящена главной христианской добродетели – милосердию. В ней рассказывается история о Пастыре, который приводит грешника к раскаянию и обращению к праведной жизни:

О сын мой милый, верь: меня Спаситель
Послал тебе прощенье даровать.
Я пострадаю за тебя: на мне
Да будет кровь, пролитая тобою... (662)

В поэмах «Протопоп Аввакум», «Франциск Ассизский», где поэт продолжает активно осваивать элементы житийного жанра, дается образец христианского отношения к жизни и смерти. Стихотворное переложение «Жития», «Протопоп Аввакум» – это первая поэма Мережковского, опубликованная еще в 1887 году. В соответствии с замыслом автора, в образе главного идеолога раскольников преобладают черты жертвенности и смирения: Мережковский не считает необходимым следовать фактам оригинала. Пафос борьбы, огромная воля и энергетика личности Аввакума сведены им на нет, уступая место всепобеждающей христианской любви. Смерть старообрядческого подвижника исполнена великого смысла, она светла и радостна, это избавление от земных страданий и обретение покоя в Царствии небесном.

Вы простите, не сердитесь, – все мы братья
о Христе:
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на
кресте (175).

Благословляя людей перед смертью, Аввакум проповедует любовь как высшую заповедь: «Все в любви – закон и вера... Выше заповеди нет» (175). Сокращенная версия поэмы получила распространение в среде старообрядцев и даже вошла в сборники духовных песен.

Те же самые темы разрабатываются в поэме из второго сборника стихов – о святом Франциске («Да хвалит Господа и Смерть моя родная»). Цель поэта – показать, как вера преображает жизнь и смерть, приблизить мировоззрение современного человека, со сложной душой, сомнениями, с «разорванным сознанием», к чистоте помыслов святых и проповедников.

Теме поиска веры посвящены многие лирические стихотворения Мережковского. Рассуждая о сознательной вере в Бога, о трудности ее обретения, Мережковский пишет о детях. Детская вера самая глубокая, она основана на внутреннем знании, она проста, искренна и нерассудочна: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). Детское ощущение радости жизни передается в стихотворении «Утренний гимн» (1892):

В сердце – умиление,
Веры детской жар.
Каждое мгновение –
Новый Божий дар (600).

Теме гармонии и простоты детской веры посвящен целый ряд стихотворений 1893 года: «Не надо желаний», «Дети», «Бумажные цветы».

Стихотворение «De profundis» (1892) с эпиграфом из Евангелия от Марка представляет собой молитву об обретении веры. По форме это двухчастное молитвенное стихотворение, в котором лирический герой проходит искушение свободой. В первой части раскрывается картина душевного опустошения человека, страдающего от безверия.

Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман – свобода и любовь, и жалость.
В душе – бесцельной жизни след –
Одна тяжелая усталость (489).

Эта свобода превращает жизнь в преисподнюю, вторая часть стихотворения – это молитва Богу о спасении, об обретении веры и любви.

Очисти душу ты страданьем –
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем (489).

Тема мучительных сомнений, противоречий между разумом и верой представлена в стихотворении «Неразрешимые вопросы» (1892):

Если знанье – лишь обман,
Если грех – пытаться и мерить,
Если надо только верить,
То зачем мне разум дан? (598)

Тематика этих стихотворений соотносится со словами Экклезиаста о тщетности человеческого любознания на пути к истине. Все это «затей ветряные, ибо при многой мудрости много раздражительности, и кто умножает познания, умножает огорчения» (Эккл. 1: 17, 18).

Новозаветные образы и мотивы легли в основу целого ряда молитвенных стихотворений, таких как «Царство Божие» (1882) (где рефреном звучат слова «да придет Царствие Твое»), молитва «Stabat Mater» (1899). В «Молитве язычника» (1892) страдания лирического героя, взывающего к Богу, уподобляются страданиям Христа:

Смотри, я падаю, я верю и страдаю,
Под тяжестью креста, весь в терниях и крови,
Молю и требую, и плачу, и взываю:

Не справедливости, о нет, любви, любви!.. (599)

Различные модификации молитвенного жанра в лирике Мережковского исследуются в работе Ю. Г. Иншаковой [3], посвященной поэзии Серебряного века. Рассматривая творчество поэта в рамках христианской литургической традиции, исследователь приходит к выводу, что во многих стихотворениях Мережковского происходит развитие жанровой структуры благодаря переосмыслению идей, заложенных в молитве. На это же обращает внимание в своем монографическом исследовании И. В. Гречаник, которая отмечает особое «религиозное чувство мира» [2: 42], обилие сюжетов из Библии и обращений к Богу в лирике поэта. При этом, как показывает анализ стихотворений, Богом Мережковского часто становится то Фатум, то природа, то сам лирический герой.

Переоценить роль библейского пласта в поэзии Мережковского невозможно. Обращаясь к тексту Библии, поэт ориентируется на определенный пророческий стиль, на жанровую форму (легенды, псалма, молитвы), на определенный ряд образов и мотивов. Преломляя на свой лад библейские мотивы и сказания, поэт переосмысливает их, но неизменным остается их глубинный смысл. В разных по жанру и тематике стихотворениях представлена не только художественная обработка ветхозаветных и христианских мотивов и образов, но и своя интерпретация, оригинальное переложение традиционных тем. Словами Р. Мниха, «в этой способности библейских символов передать локальные и индивидуальные смыслы сказывается одно из основных свойств символизма Священного Писания» [5: 220]. В эстетическом мире Библии общее и единичное слиты воедино: в этом многообразии прочтений отражены поэтическое «Я» Дмитрия Мережковского, его мировоззрение и духовное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитаты из стихотворений Мережковского приводятся по изданию: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. 928 с. (в круглых скобках указаны страницы).

² Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 24 т. Т. 18. М., 1914. С. 212.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 5–44.
2. Гречаник И. В. Религиозно-философские мотивы русской лирики рубежа XIX–XX столетий. М., 2003. 170 с.
3. Иншакова Ю. Г. Литургические жанры в поэзии серебряного века // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. С. 89–94.
4. Кумпан К. А. Д. С. Мережковский – поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 5–116.
5. Мних Р. Категория символа и библейская символика в поэзии XX века. Lublin, 2002. 258 с.
6. Серафимова В. Д. Библейские мотивы и образы в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка // Русская речь. 2006. № 3. С. 14–21.

Dekhtyarenok A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**REMINISCENCE AND INTERPRETATION OF BIBLICAL MOTIFS IN THE POETRY
OF D. S. MEREZHKOVSKY**

The article considers the issues of biblical texts reception in the poetry of D. S. Merezhkovsky of 1880–1890's. It analyzes the works included in the first two collections of poems: "Poems (1883–1887)" and "Symbols". Attentive study of the poems leads to the conclusion that Merezhkovsky's poetry at this stage reflects the evolution of his interests and outlook: from enthusiasm towards civil subjects to the turn towards Christianity. The accents in biblical texts interpretation change in accordance with this trend. Orientation on Old Testament imagery and prophetic style predominate in the first book of poems. The article considers the silence motif, which is adopted from Book of prophet Isaiah. Different interpretations of this motif can be revealed: from the sign of God's presence to the sign of imminent end of the world. The theme of divine retribution, images of the Old Testament prophets are related to the theme of the "lost generation" of the XIX–XX centuries turn. The second collection of poems contains evangelical reminiscences and elements of parable, a prayer and hagiographic forms. The poet's appeal to the genre of Christian legend is examined in the article. Merezhkovsky's legends reflect philosophical comprehension of Gospel commandments in correlation with the realities of modern life. Different genres and themes represent not only literary treatment of Old Testament, Christian motifs and images, but author's interpretation and original arrangement of traditional themes.

Key words: The works of D. S. Merezhkovsky, poetry of Russian symbolists, reception of biblical text, evangelical images and motifs

REFERENCES

1. Gasparov M. L. Poetics of "Silver Age" [Poetika "serebryanogo veka"]. *Russkaya poeziya "serebryanogo veka", 1890–1917: Antologiya*. Moscow, Nauka Publ., 1993. P. 5–44.
2. Grechanik I. V. *Religiozno-filosofskie motivy russkoy liriki rubezha XIX–XX stoletiy* [Religious-philosophical motifs of Russian lyrics at the turn of the XIX–XX century]. Moscow, 2003. 170 p.
3. Inshakova Yu. G. Liturgical genres in the poetry of Silver Age [Liturgicheskie zhanry v poezii serebryanogo veka]. *Zhanrologicheskiy sbornik*. Ed. I. Yelets, 2004. P. 89–94.
4. Kumpan K. A. D. S. Merezhkovsky – a poet (at the source of "new religious consciousness") [D. S. Merezhkovskiy – poet (u istokov "novogo religioznogo soznaniya")]. *Merezhkovskiy D. S. Stikhotvoreniya i poemy*. St. Petersburg, 2000. P. 5–116.
5. Mnikh R. *Kategoriya simvola i bibleyskaya simbolika v poezii XX veka* [Category of symbol and biblical symbolism in the poetry of XX century]. Lublin, 2002. 258 p.
6. Serafimova V. D. Biblical motifs and images in the works of M. Voloshin, A. Platonov, B. Pil'nyak [Bibleyskiye motivy i obrazy v tvorchestve M. Voloshina, A. Platonova, B. Pil'nyaka]. *Russkaya rech'*. 2006. № 3. P. 14–21.

Поступила в редакцию 01.06.2016

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
litgenia@yandex.ru

«НЕПЕРЕВОДИМОЕ» В ПЕРЕВОДЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ*

Статья посвящена актуальному вопросу современного переводоведения, фокусирующего свое внимание на рассмотрении лингвокультурологических и лингвострановедческих аспектов перевода. Исследуется проблема передачи безэквивалентной лексики русского и новогреческого языков. Раскрывается специфика понятия «безэквивалентная лексика». Подробно представлена классификация единичных понятий и реалий с примерами из русского и новогреческого языков. Основными методами исследования стали трансформационный и сравнительно-сопоставительный. Даны основные способы передачи «непереводимых» лексических единиц в изучаемой языковой паре. Рассматриваются переводческие операции, используемые при передаче лексики, не имеющей соответствий, такие как единичные понятия (приемы транскрипции, транслитерации); реалии (фонетические приемы, описательный перевод, семантический неологизм, приближенный перевод, смешанные приемы, трансформационный перевод). На основе изученного материала предлагается сделать вывод, что ни один из используемых вариантов передачи безэквивалентных элементов исходного языка не может выступать полноценной заменой оригинального текста.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, единичные понятия, реалия, перевод, новогреческий язык

Современная теории перевода фокусирует свое внимание на разработке вопросов, связанных с особенностями передачи в иноязычном тексте национально-культурной специфики языка оригинала. Особое место среди лингвокультурологических и лингвострановедческих проблем переводоведения занимает проблема передачи безэквивалентной лексики в силу своей ярко выраженной национальной окрашенности.

Существуют различные подходы в определении границ понятия «безэквивалентная лексика». Но ключевым фактором «непереводимости» той или иной лексической единицы оказывается отсутствие адекватного соответствия, эквивалента в тезаурусе переводящего языка.

Теоретик перевода В. Н. Комиссаров указывает, что безэквивалентная лексика встречается «среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода» [3: 148].

Весь корпус безэквивалентной лексики Л. С. Бархударов подразделяет на три разряда. Первая группа – единичные понятия – имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет и пр. Ко второй группе относятся реалии – слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на ином языке, например названия блюд национальной кухни, виды народной одежды, то есть предметы, характеризующие материальную и ду-

ховную культуру. Третья группа представлена «случайными лакунами» – лексические единицы одного из языков, которым по каким-либо причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка [1: 94–95]. В. Л. Муравьев, используя термин «лакуна», распространяет его в целом на понятие безэквивалентной лексики [6: 6–7].

Расширенную классификацию групп безэквивалентной лексики предлагает А. О. Иванов. В состав безэквивалентных лексических единиц входит референциально-безэквивалентная лексика, к которой относятся реалии, термины, фразеологизмы, индивидуальные авторские неологизмы, семантические (понятийные) лакуны; слова широкой семантики, употребленные в тексте в своем самом широком значении, сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на языке перевода только путем описательного перевода или различных трансформаций. Вторую группу формирует прагматически-безэквивалентная лексика, включающая различного рода отклонения от общезыковой нормы языка: территориальные и социальные диалекты, жаргоны, арго, табуированная лексика, архаизмы, диалектизмы, субстандартная лексика, вольности устной речи, архаизмы, поэтизмы; иноязычные вкрапления; аббревиатуры; слова с суффиксами субъективной оценки; междометия; звукоподражания; ассоциативные лакуны, то есть слова, имеющие в сознании носителей данного языка определенные дополнительные ассоциации, отсутствующие в сознании носителей другого языка («осел» в значении «глупый»).

Третью группу составляет альтернативно-безэквивалентная лексика, включающая следующие элементы: имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов т. д.), реалии и фразеологизмы, специфика которых заключается в том, что, в зависимости от избранного способа передачи в переводящем языке, их безэквивалентность будет либо референциальной, либо прагматической [2: 10–12].

К безэквивалентной лексике исследователь Л. К. Латышев относит слова-реалии, временно безэквивалентные термины и случайно безэквивалентные слова [4: 103–104].

Л. Л. Нелюбин указывает, что безэквивалентные единицы лексики не имеют эквивалентов среди лексических единиц переводящего языка, и относит к этой группе слова-реалии, неологизмы, антропонимы, топонимы, зоонимы и другие имена собственные, временно безэквивалентные термины, случайно безэквивалентные слова [7: 93].

В настоящей статье делается попытка исследовать безэквивалентную лексику русского и новогреческого языков, в первую очередь единичные понятия и реалии, и проанализировать основные способы передачи «непереводимых» лексических единиц в представленной языковой паре.

Основным способом при переводе единичных понятий является транскрипция и/или транслитерация: Ольга – η Όλγα, ο Γιόργος – Йоргос, η Αίγινα – Эгина (остров), р. Двина – η Ντβινά / ο Δβινάς. Но, когда имена собственные в тексте вызывают у читателя определенные ассоциации, приобретают художественную функцию и уже сами становятся предметом описания, как в случае с говорящими именами и фамилиями, одной фонетической транскрипции или транслитерации, конечно, недостаточно. Создание переводчиком метатекста в самом тексте или в примечаниях поможет раскрыть внутреннее содержание переводимой единицы.

Перевод реалий составляет важную проблему передачи национального колорита и исторического своеобразия, заложенного в оригинальном тексте. Все реалии по области применения подразделяются на географические, этнографические и общественно-политические.

Перечислим основные географические реалии с примерами из новогреческого и русского языков: название объектов физической географии, в том числе метеорологии (тундра – η τούντρα / άδενδρες πεδιάδες του βορρά), название географических объектов, связанных с человеческой деятельностью (скоростная автострада – ο αυτοκινητόδρομος); название растений (то φρούγανο – кустарник фригана); название животных (μεσογειακής φόκιας – тюлень-монах).

К числу этнографических реалий относятся следующие группы:

1. Быт: пища, напитки: το τζατζίκι – дзадзики (холодный соус-закуска из йогурта, свежего огурца и чеснока); одежда, обувь: η φουστάνελα –

фустанела (традиционная мужская юбка балканских народов); жилье, мебель, посуда, утварь: ο αμφορέας – амфора; бытовые заведения: η ουζερία – закусовая, рюмочная.

2. Транспорт (средства передвижения и водители): тройка – τρόικα (τρία από τα άλογα), лихач – ο τολμηρός οδηγός.

3. Труд: люди труда: ο περιπτεράς – владелец киоска; орудия труда: ο αργαλειός – ткацкий станок.

4. Искусство и культура: литература (персонажи, афоризмы, крылатые выражения): трагедия – η τραγωδία, «Δείξε μου το φίλο σου να σου πω ποιος είσαι» (Ευριπίδης) – «Покажи мне своего друга, и я скажу, кто ты есть» (Еврипид); фольклор: Ο Καραγκιόζης – Карагиозис (герой традиционного греческого театра теней); музыка и танцы: τα ρεμπέτικα – ребетика (греческая городская песня); музыкальные инструменты: το μπουζούκι – бузюки (греческая гитара); театр: η σκηνή – сцена; искусство и предметы искусства: τα κεραμικά – гончарное искусство, изделия из керамики; обычаи, ритуалы: масленица – η αποκριά (το καρναβάλι); праздники, игры: Επέτειος του «Όχι» – День «Охи»; мифология: ο Φοίβος – Феб (бог Аполлон); культы: το μαντείο – оракул; календарь: το γαϊδουροκαλόκαιρο – бабье лето, золотая осень.

5. Этнические объекты: этнонимы: ο Πόντιος – понтиец; прозвища: хохол – ο χοχόλ; название лиц по месту жительства: ο Αθηναίος – афинянин.

6. Меры и деньги: единицы мер: аршин – το αρσίν; денежные единицы: рубль – το ρούβλι;

Традиционно общественно-политические реалии подразделяются на четыре группы:

1. Административно-территориальное устройство: административно-территориальные единицы: ο νόμος – ном, округ (административная единица в Греции); населенные пункты: η επαρχιακή πόλη – провинциальный город; детали населенного пункта: το συγκρότημα πολυκατοικιών – микрорайон.

2. Органы и носители власти: органы власти: το δημαρχείο – мэрия; носители власти: ο κυβερνήτης – губернатор.

3. Общественно-политическая жизнь: политическая деятельность и деятели – ΣΥΡΙΖΑ (Συνασπισμός Ριζοσπαστικής Αριστεράς) – СИРИЗА (Коалиция радикальных левых); патриотические и общественные движения и их деятели: οι κλέφτες – клефты; социальные явления и движения и их представители: стилига – ο εξεζητημένος μοντερνιστής; титулы, обращения, степени, звания: господин – ο κύριος; учреждения: η βουλή – парламент; учебные заведения и культурные учреждения: το γυμνάσιο – гимназия; сословия и касты: дворянство – η ευγένεια, η τάξη των ευγενών; сословные знаки и символы: пятиконечная звезда – το πεντάκτινο αστέρι.

4. Военные реалии: подразделения: орда – η орδή; оружие: η χειροβομβίδα – артиллерийская граната; обмундирование: кольчуга – ο θώρακας αλυσιδωτός; военнослужащие: ο διοικητής – командир.

Традиционно основными способами передачи безэквивалентных лексических единиц считаются: транскрипция/транслитерация: борщ – то μπόρς; калькирование: небоскреб – ο ουρανοξύστης; описательный (разъяснительный) перевод, когда исходное значение лексической единицы раскрывается с помощью словосочетания: пожарище – η μεγάλη πυρκαγιά; семантический неологизм – создание нового слова или сочетания переводчиком, позволяющее передать смысловое содержание безэквивалентной единицы, в том числе реалии: компьютер – ο υπολογιστής; приближенный перевод (уподобляющий перевод, перевод при помощи «аналога»), при котором осуществляется подбор ближайшего по значению соответствия в пере-

водящем языке для лексической единицы исходного языка, не имеющей в принимающем языке прямых соответствий: техникум – το τεχνικό λύκειο; и наконец, смешанные приемы: комбинация транскрипции и семантического перевода: река Волга – το ποτάμι Βόλγα, и трансформационный перевод, касающийся перестройки синтаксической структуры предложения и/или лексических замен с полным изменением значения исходного слова, то есть лексико-грамматических трансформаций².

Представленный анализ, однако, убеждает нас, что ни один из вышеперечисленных вариантов передачи «непереводимых» элементов исходного языка не может выступать полноценной заменой оригинального текста.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рекомендации по транскрипции см. [8].

² О лексико-грамматических трансформациях в русском и новогреческом языках см. подробнее [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: СПбГУ, 2006. 200 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода: Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Латышев Л. К. Перевод: проблемы практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
5. Литинская Е. П. Основные виды переводческих трансформаций в языковой паре русский – новогреческий // Актуальные проблемы классической филологии: Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 66–74.
6. Муравьев В. Л. Лексические лакуны. Владимир: ВГТШД, 1975. 96 с.
7. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). М.: Флинта, 2009. 216 с.
8. Патсис М. Теория и практика перевода. Русский язык ↔ греческий язык. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 262–268.

Litinskaya E. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“UNTRANSLATABLE” IN TRANSLATION: FEATURES OF RUSSIAN NON-EQUIVALENT VOCABULARY TRANSMISSION INTO MODERN GREEK

The article is devoted to topical issues of modern translation studies, focusing its attention on reviewing linguo-cultural and linguo-regional aspects of the translation. Research is devoted to the problem of transmitting non-equivalent vocabulary of Russian and Modern Greek languages. Specificity of the concept of “non-equivalent vocabulary” is revealed. Classification of individual concepts and realities is presented with examples from the Russian and Modern Greek languages. The main methods of the study were transformational and comparative ones. The author describes the major modes of “untranslatable” lexical units transmission in the studied language pair. Translation operations which are used in the transmission of vocabulary without translation equivalents are considered: individual concepts (transcription methods, transliteration); realities (phonetic methods, descriptive translation, semantic neologism, approximate translation, mixed techniques, transformational translation). The author comes to the conclusion that none of the options used as the transmission sources for non-equivalent elements may serve as a full replacement of the original text.

Key words: non-equivalent vocabulary, individual concepts, realities, translation, Modern Greek language

REFERENCES

1. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod* [Language and Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1975. 240 p.
2. Ivanov A. O. *BezEkvivalentnaya leksika* [Unequivalent vocabulary]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2006. 200 p.
3. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda: Lingvisticheskie aspekty* [Theory of Translation: Linguistic Aspects]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p.
4. Latyshev L. K. *Perevod: problemy praktiki i metodiki prepodavaniya* [Translation: practice problems and teaching methods]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 160 p.
5. Litinskaya E. P. Principal translational transformations in the language pair Russian – modern Greek [Osnovnye vidy perevodcheskikh transformatsiy v yazykovoy pare russkiy – novogrecheskiy]. *Aktual'nye problemy klassicheskoy filologii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2016. P. 66–74.
6. Murav'ev V. L. *Leksicheskie lakuny* [Lexical gaps]. Vladimir, VGTShD Publ., 1975. 96 p.
7. Nelyubin L. L. *Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyy teoretiko-pragmaticheskiy aspekt)* [Introduction to the translation machinery (cognitive theoretical and pragmatic aspects)]. Moscow, Flinta Publ., 2009. 216 p.
8. Patsis M. *Teoriya i praktika perevoda. Russkiy yazyk ↔ grecheskiy yazyk* [Theory and practice of translation. Russian language ↔ Greek language]. Moscow, Izd-vo MGU, 2012. P. 262–268.

Поступила в редакцию 01.06.2016

ИННА НИКОЛАЕВНА МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ruslitemig@mail.ru

**ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА
«АСКАЛОНСКИЙ ЗЛОДЕЙ. ПРОИСШЕСТВИЕ В ИРОВОЙ ТЕМНИЦЕ
(ИЗ СИРИЙСКИХ ПРЕДАНИЙ)»: ИСТОЧНИКИ, ГЕНЕЗИС, ПОЭТИКА***

Представлены наблюдения над творческой историей повести Н. С. Лескова «Аскалонский злодей». Отправной точкой для ее написания послужило не собственно «Слово о купце», с которым писатель познакомился по изданию Пролога 1642–1643 годов, а сделанный в записной книжке конспект неустановленным лицом. В процессе фиксации неизвестный переписчик сохранил концепцию и сюжетную канву Слова. Зафиксированный проложный сюжет получает у Лескова новую актуальность в 1886–1887 годах. На его основе писатель создает «прилог» от 14 июня и включает его в цикл «Легендарные характеры» (1-я редакция). Следуя концепции и сюжетной основе чужого конспекта, Лесков подвергает его редактированию. В центре авторского внимания – образ «некой жены» (подчеркивается ее сострадательность, кротость, целомудрие) и образ «разбойника» (вводится ситуация его внутреннего преображения). Эйдологические изменения сделаны с целью «очеловечить евангельское учение». К отредактированному проложному источнику писатель снова возвращается в 1888 году и создает 2-ю редакцию, получившую название «Аскалонский злодей. Происшествие в Ировой темнице (Из сирийских преданий)». Сохранив и развив намеченное в 1-й редакции идейное ядро, Лесков переработал «прилог» от 14 июня в нравственно-философскую повесть о силе жизни. Подобное истолкование проложного Слова обусловило дальнейшую эйдологическую корректировку образов «некой жены», «купца», «вельможи», «разбойника». Впервые повесть была опубликована в 1889 году в журнале «Русская Мысль» № 11 (1-й вариант 2-й редакции). Писатель вносит лишь незначительные изменения частного характера, не нарушающие общую идейную концепцию произведения (изменяет эпиграф, усиливает в образе «купца» страсть к богатству). В 1890 году Лесков вновь включает повесть (2-й вариант 2-й редакции) в состав Собрания сочинений (СПб., 1890. Т. 10) с незначительной стилистической правкой. В исследовании впервые вводятся некоторые неопубликованные ранее архивные материалы и выявляются неизвестные литературные и исторические источники повести.

Ключевые слова: Пролог, русская литература XIX века, Н. С. Лесков, «византийские» легенды, текстология литературы Нового времени

История повести Н. С. Лескова «Аскалонский злодей» еще не была предметом специального последовательного изучения. Имеются работы, посвященные отдельным источникам и интерпретации идейно-тематического плана произведения [1], [5]. Цель статьи – представить целостную картину создания повести (от конспекта первоисточника – к окончательному тексту), определить своеобразие ее поэтики, выявить те литературные источники, которые еще не были обнаружены.

В середине 1880-х годов в записной книжке Лескова рукой неизвестного лица переписан текст проложного «Слова о купце» от 14 июня (далее – Слово) по изданию Пролога 1642–1643 годов (М., Синод. тип.) [4]. В Слове рассказывается о «неком купце», который во время плавания в Африку потерпел кораблекрушение и погубил свое и чужое имущество. За долги займодавцы посадили его в темницу, «расхитили» дом, ничего не оставив «некой жене». От

«многаго неимения» она работала и приносила в темницу мужу хлеб. Однажды, когда «некая жена» была в тюрьме, вошел «некий вельможа» дать «милостыню сущым». Увидев ее, он «уязвися сердцем виде красота ея: бе бо поистине красна зело», подозвал к себе и спросил, ради какой вины она здесь находится. Когда она рассказала историю своего мужа, вельможа «рече к ней: “аще искуплю весь долг ваш, спиши ли со мною ночь сию”». Жена же, «яко красна душою и целомудрена», сказала ему: «слышал ли еси, господине мой, апостола глаголюща: яко жена не владеет телом своим, но муж, иду и вопрошу мужа моего». Купец, «разума исполнен сый, и верен к своей жене, не восхоте блудным именем свободитися». В то время в темнице был затворен «некий разбойник», который стал свидетелем разговора, и дивился тому, что они последовали евангельской заповеди: «паче богатства чистоте своей восхотеша». И «воздыхая в себе, глаголаше <...> аз же окаянный что сотворю, иже

никогда поневоле суме помыслив, яко есть Бог и того ради и убийству многу повинен бых». Умилясь целомудрию «некой жены», разбойник призвал ее и открыл ей место, где находились сокровища. После его казни она сможет взять золото «во отдание долга». «Некая жена» нашла указанное место, раскопала и обрела скудельник золота. Так милостью разбойника купец был освобожден из темницы. Проложное Слово утверждает христианскую идею, выраженную в заключительных словах «некоего отца»: «яко же сохраниста заповедь Божию, сице и Господь возвеличи милость свою на них» [7].

В ходе фиксации в записную книжку переписчик внес в проложный текст некоторые изменения. Сохраняя идею и сюжетную канву Слова, он наиболее кратко передал его основные события и практически весь текст перевел на современный русский язык. Единственный отрывок, который полностью переписан им на церковнославянском языке, – эпизод пленения вельможей красотой некой жены (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 39 об.). Возможно, в Прологе его выделил сам писатель [4].

В 1886–1887 годах на основе конспекта Лесков создает собственный пересказ Слова под названием «прилог» от 14 июня и включает его в состав цикла «Легендарные характеры» (1-я редакция). На данном этапе переработки писатель следует концепции и сюжетной основе чужого конспекта, но в то же время подвергает его редактированию. В «прилоге» от 14 июня в центре авторского внимания – образ «некой жены». Лесков стремится сделать ее облик более жизненным. За счет введения дополнительных психологических характеристик автор делает акцент на таких качествах героини, как сострадателность, кротость, мудрость. Особенно явно это прослеживается в эпизодах прихода в темницу к мужу и беседы с вельможей: «Женщина остается с ним (мужем. – И. М.) по любви и состраданию, чтоб облегчать его участь... Женщина не обнаружила ни гнева, ни досады, не стала устыждать вельможу за то, как он пользуется затруднениями бедности...»¹. Подобная интерпретация образа «некой жены» обусловлена общей задачей цикла «Легендарные характеры» – «изменить представление о женщинах только как соблазнительницах» (1989: 310), убедить читателя в том, что в византийской книге есть «женские лица», которые не только «останавливали мужчин от их грубых страстей, но даже научили их обуздывать свою природу» (1989: 374).

Кроме того, в 1-й редакции более четко, чем в конспекте, противопоставлены образы «вельможи» и «злодея» путем введения и варьирования слова «милосердие»: «Женщина, не подозревая ничего дурного со стороны вельможи, встала и подошла к нему, чтобы “приятно его милосер-

дие” ... Женщина пошла и нашла золото и купила мужа милосердием разбойника (выделено нами. – И. М.)» (1989: 366–367). В авторском пересказе «приятно милосердие» – псевдоцитата. Путем введения данной формулы Лесков развивает проложный эпизод в духе своего понимания главного смысла христианской этики – «Очеловечить евангельское учение – задача самая благородная и вполне своевременная. Не по душе она только “торгующим благодатью...”»². Наконец, в отличие от конспекта, в «прилоге» от 14 июня писатель особо выделяет момент «обращения злодея», его внутреннего преобразования. Зафиксированный в основном на современном русском языке переписчиком фрагмент у Лескова полностью архаизируется и маркируется кавычками. Архаизация заметна на общем фоне современной лексики. Сравним тексты Пролога, конспекта и 1-й редакции: а) Пролог: «И призвав я к себе оконцем, идеже бе ввержен, и рече им: да ведите, яко аз разбойник бех, многа зла и убийства сотворих <...> убо видя ваше целомудрие, умилихся к вам. И молю вы: яко да по смерти моей, шедше на место имя рек им, в зидании граднем раскопавше возмите злато, елико обрящете, и имейте сие во отдание долга вашего, и в прочую потребу вашу» (Л. 170 об.); б) Конспект в записной книжке: «Призвал жену к окошку, где он б<ыл> ввержен, и сказал: вы знаете, что я разбойник <...> видя ваше целомудрие, я умилихся, прошу вас по смерти своей, пойти на место, “им же имя рек” (в зидании граднем), раскопайте и возьмите золото, какое найдете, и имейте на раздание долга и “прочую потребу”» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 40); в) 1-я редакция: «он “поману к себе жену и рече ей: аз умилихся, видя целомудрие ваше. Аз разбойник есмь и имам злато сокровенно в зидании граднем. Иди на место, имя рек, раскопай и возьми злато там сокровенное на воздаяние долга мужа твоего и иные потребности ваши”» (1989: 366–367).

К отредактированному проложному источнику писатель снова возвращается в 1888 году и создает 2-ю редакцию, получившую название «Аскалонский злодей. Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)». Почему Лесков вновь обратился к Слову? В настоящее время обнаружено два прямых авторских свидетельства. Во-первых, в эпистолярных диалогах с современниками писатель открыто говорил о своем желании продолжить работу по преобразованию проложного текста, приближению его к духовным запросам современности: «обнять и оживить этот 2000 лет уснувший мир <...> погружаться в Сирию и Египет ...» (РО ИРЛИ. Ф. 227. Ед. хр. 62. Л. 126). Во-вторых, в письме В. А. Гольцеву от 14 ноября 1888 года Лесков пишет, что хотел приурочить новый пересказ к событиям «святочного вечера». «Не нужна ли

еще маленькая “сирийская легенда”, – спрашивал он, – в лист с небольшим? Жанр тот же, но приурочено к рождеству» (1956–1958: 399). Очевидно, функциональной приуроченности проложного Слова к святкам способствовала схожесть его душеполезного содержания с диапазоном мотивов святочных рассказов Лескова – следование евангельским заповедям, самоотверженное страдание, ментальное преобразование грешника [2: 182, 186].

В чем состоит «подгонка» нового пересказа проложного Слова к рассказам «святочного характера»? Кого писатель называет в нем «аскалонским злодеем»? Письма Лескова редактору журнала «Русская Мысль» М. В. Лаврову свидетельствуют о многократной правке текста 1-й редакции: «я его опять еще раз измарал <...> я с ним очень заморил себя...» (1956–1958: 435), «...я еще почерчу рукопись <...> еще побьюсь <...> таков уж мой копоткий прием работать, и иначе я не могу работать» (1956–1958: 436). Удалось установить, что авторские колебания обнаруживаются: 1) в выборе названия произведения (в одной из записных книжек фигурируют следующие: *Вельможа и разбойник*, рукою писателя оно зачеркнуто и сверху надписано: *Аскалонский злодей* (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108-а. Л. 1об.); в качестве названия 2-й редакции Лесков выбрал последний вариант); 2) в поиске жанрового определения (варианты: «*сирийская легенда*» (1956–1958: 399), «*рассказ*» (1956–1958: 448), «*из сирийских преданий*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1); окончательным вариантом стало: «*из сирийских преданий*»); 3) в введении / или невведении эпиграфа (писатель все же ввел эпиграф на немецком языке – *Эпиграф к «Аскалонскому злодею». Warum rufst Du mich heraus an meinem dunklen Graben? Auch dass du Zecugnig gibst von einer dunklen Zeit* (РО ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 109. Л. 29)³; 4) в переосмыслении концовки: Лесков намеревался изменить финал – «рассказ лучше кончить “грехом”» (1956–1958: 448), «как бы надо было разрешить в связи с житейской правдой» (1956–1958: 447), – но сохранил все же проложную концовку: «я ведь держался жанра и потому ближе написал к той развязке, какую дал Пролог...» (1956–1958: 448), «Ключевский одобряет мой домysel и находит, что это “сделано в духе того времени”» (1956–1958: 448).

Авторская работа над текстом 2-й редакции шла в двух направлениях: 1) воссоздание исторического колорита раннехристианской эпохи; 2) углубление нравственно-философской основы проложного повествования. В отличие от «прилога» от 14 июня, во 2-й редакции Лесков конкретизирует время событий – «*при царе Иустиниане и жене его Феодоре*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3); воссоздает фон эпохи «царя Иустиниана», включает сведения об исто-

рии города, пространные описания сирийских пейзажей, интерьеров домов, Иродовой темницы; приводит данные об утвари и яствах жителей Аскалона; описывает ритуальные танцы. Удалось установить, что некоторые сведения писатель заимствует и творчески претворяет в новый пересказ из романов немецкого египтолога Г. Эберса «*Дочь египетского царя*» (СПб., 1883), мемуаров В. Андреевского «*Египет. Александрия. Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. Описание путешествия в 1880–1881 гг.*» (СПб., 1884), монографии киевского ученого Ф. А. Терновского «*Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов*» (Киев, 1883) и др. Так, описывая происхождение города Аскалона, его географическое расположение и характеризуя религиозную ситуацию в период царствования императора Иустиниана, Лесков практически дословно цитирует соответствующие фрагменты из труда Ф. А. Терновского. Авторские описания в деталях совпадают с фактами, изложенными киевским профессором: «...на восточном берегу Средиземного моря, севернее Газы и южнее Азота, стоял город Аскалон... По-еврейски он назывался Джора... Аскалон... был основан в глубочайшей древности филистимлянами и разрушен турецким султаном Салладином. В долгий век этого города ему привелось быть языческим, христианским и мусульманским... в один из этих переходов от одного положения к другому там случилось... следующее характерное происшествие...» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1). Другой пример. Во 2-ю редакцию введены многочисленные описания сирийской темницы. Писатель перенасыщает текст подробностями о местонахождении тюрьмы, времени и особенностях ее постройки; детально, натуралистически вырисовывает эпизоды, характеризующие лютую жестокость в содержании людей, воссоздает картину ужасной процедуры «прожигания» тюремной ямы, во время которой «забывали тех, кого хотели избыть безотложно» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 11). В письме в редакцию «Русских Ведомостей» Лесков настойчиво заявлял о том, что в изображении сирийской темницы он пользовался только материалами Пролога и Четий-Миней (1956–1958: 310). Между тем во 2-й редакции обнаруживаются скрытые цитаты из книги бесед пастора Э. Берсье «*Придворный проповедник*» (СПб., 1880): «*Иродова темница в Аскалоне была посреди города на главном базарном месте. Она была рытая в землю в рост очень большой погребной ямы... обширный мрачный подвал, подобно тому, в каком при Ироде был долго томлен и без суда, в минуту пьяного разгула, зарублен Креститель... в дальнем конце погребной ямы... находился тесный лаз в особую низкую глиняную ямину, по названию*

«прокаженную»» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 5, 10, 28)⁴.

Соблюдая основную линию сюжетного развития 1-й редакции, писатель вносит новые акценты в ее нравственно-философскую концепцию. Смысл нового пересказа выражен в вопросе «В чем заключается благо жизни?» и варьирующейся на протяжении всего повествования сентенции – *«кто сильно любит жизнь, тот ее потеряет, а кто не дорожит ею, тот ее не только найдет для себя, но и может дать силу жизни другому»* (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 31). Подобное истолкование проложного Слова обусловило его эйдологическую корректировку образов «некой жены», «купца», «вельможи» и «разбойника».

Во 2-й редакции наиболее сложная творческая работа была также посвящена правке образа «купца». Его облик индивидуализируется: персонаж получает имя – Фалалей, «имеет тридцать пять лет», «отважный и искусный мореходец» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1). В отличие от «прилога» от 14 июня, теперь Лесков прямо называет героя «христианином» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1), но при этом особый акцент делает на то, что при всей искренности своей веры Фалалей недостаточно вник в смысл практической евангельской этики. Долгие годы он «заблуждался в понимании христианского учения», «запрещающего» «желание большого богатства» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3). «Купец» же был «алчен», «не знал сытости и хлопотал иметь еще более золота» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3). «*В нашей вере есть то, что тебе непонятно, – оправдывая себя, он говорит жене, – чтобы быть добрым, надо иметь, чем людям помогать. Я богатею с тем, чтобы... начать благотворить своим по вере*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3). Если в исходном тексте образ персонажа статичен, то во 2-й редакции происходит его внутреннее преобразование. Перед фрагментом спасения супружеской четы «злодеем» писатель вводит диалог «купца» и «некой жены», в котором Фалалей признается: «*Ты умела быть всем довольна, – вот это и есть то, что нужно и что дает счастье, а я был жаден к приобретению богатства, – это то, что не нужно и в чем сокрыто несчастье жизни. Я за это страдаю*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 24), «*Я испортил себя, когда прикоснулся к богатству... желая богатства, нельзя не забыть об истинном благе*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 33).

Та же тенденция детализации прослеживается в воссоздании образа «некой жены». Ее облик индивидуализируется, психологически углубляется. Безымянная в исходном тексте «некая жена» получила имя – Тения, она «оставалась язычницей» (ср. в Прологе «некая жена» – «христианка») (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4), «двад-

цать четыре года, обладала замечательной красотой и превосходила кротостью доброго характера», «благоразумная жена» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4), «женщина отличного образования, обладала приятным искусством прекрасно петь и играть на многострунной арфе» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4). В новом пересказе Лесков значительно осложняет положение Тении. Ей предстоит претерпеть «чрезвычайно тяжелое и большое испытание ее добродетели» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 7). Большая драматизация достигается за счет развития проложных ситуаций и введения в повествование новых. Назовем основные: а) Тения добывала пропитание себе, мужу, детям и старухе Пуплии игрой на арфе в саду Эпимаха; б) героиня непреклонна к предложениям «мореходцев» продать им за золото свои ласки; в) злобный доимщик Тивуртий употреблял разные меры к отягчению положения Фалалея в темнице, чтобы тем самым вынудить Тению сдать на искомое вельможи; г) все ее осуждали, все ей говорили, что не тот «ключ благодетелен, который хранит свою чистую воду в своем водоеме, а тот, который разбегается далеко потоком и поит всех, кого томит жажда» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 13). «Все искушающие доводы почетных и близких людей мутят в ней ясность сознания» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 27). По сравнению с «прилогом» от 14 октября, во 2-й редакции писатель дает психологическую и этнографическую мотивировку поступку героини, стремящейся разрешить появившееся «недоумение»: «*права ли она, охраняя свое целомудрие с непреклонным упорством?*». В Тении «*пробудилось заложенное с детства суеверие: при больших недоумениях вопрошать кости мертвых <...> мертвый череп: как он ей скажет – она так и поступит*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28). Героиня отыскала в «*песчаной долине могилу, из которой торчал наружу провещательный череп <...> и, не зная того, что в земле закопан христианин, молчалик, старец Фермуфий, затрепетала от страха, когда тот начал вещать*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28)⁵. Удалось установить, что писатель вкладывает в уста аскета Фермуфия древнерусскую притчу об «инорозе»⁶, включенную в «Повесть об Варлааме и Иоасафе», а также легенду о горном источнике, вошедшую ранее в роман-хронику «Соборьяне» (1874). В истолковании аллегорических образов притчи и легенды Лесков одновременно показывает борьбу добродетели и греха в душе отчаявшейся было героини и ее утверждение в окончательном выборе – «*отдать <...> жизнь за друзей, но <...> дух возвратить <...> чистым*», «*не искупать несчастных постыдными сделками*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 27). Прочитанные интересные нас фрагменты «Аскалонского злодея» в сравнении с первоисточниками:

2-я редакция

«Из уст, завешенных звериной шерстью, грязные космы которой сплелись с слюною и глиной, слышатся звуки, но совсем не похожие на человеческий голос. Можно понять, что он бредит известною восточною притчею о двух мышах, белой и черной, которые точат ветку, торчащую из стены страшного обвала. На этой ветке висит человек... внизу под ним пропасть, над ним пропасть, над его головой другая – беспредельное небо... Белая и черная мышь все, чередуясь, точат... ветка лопнет... человек оборвется в темную пропасть... Сердце сжалось... руки слабеют... тошно... мыши все друг дружку сменяют... все точат – вверх, вверх над собою гляди! – воскликнул молчальник и продолжает тише: – Нет края здесь и нет края там, но вниз глядеть тошно, – вверху освежает... (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28–29).⁷

Лесков дает новое, по сравнению с притчей, толкование аллегорическим образам: «мышь черная и белая» – борьба греха и добродетели в душе человека; «ветка» – жизненный путь человека; «пропасть

2-я редакция

– Бил хрустальный ключ у предгорья... Струи его свежи и светлы... Пустыня вокруг... зной... полдень... бредет воин усталый... Воду видит, утолил свою жажду... Охлажденная вмиг голова отуманилась... Воин бежит и оставил здесь наполненный золотом пояс... Приближается юноша... и его томит зной и он чувствует жажду... Пьет... Забирает пояс с золотом и уходит... Шествует медленно старец... зной опалил и его... Старец тоже напил и здесь опочил... Горный источник! Зачем ты поил их? Воин хватился, где пояс и золото! Старец не брал золота, – старец невинен... Воин не внемлет его уверениям... Старец убит... Кровь его льется в ручей... Лучше б не тек он... Лучше б он не манул к себе воина, юношу и старца... Храни чистоту!» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28–29).

Лесков интригует читателя и не сразу сообщает о последнем решении кроткой Тении. Только значительно позже во введенном во 2-ю редакцию эпизоде, когда героиня возвратилась в темницу с целью покончить страдания мужа, автор говорит о ее опасном намерении «очутиться в прокаженной яме» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30). От страшного поступка Тению спасает «разбойник»: «...очутилась у лаза в прокаженную яму, и через мгновение она была бы там, но в то же самое мгновение зазвенели цепи разбойника и его скованные руки обхватили стан Тении...» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30).

Писатель дополняет смысл проложного фрагмента – «спасение злодеем супружеской четы». Если в 1-й редакции «умиление» верностью супругов побудило «разбойника» сказать «некой жене» о месте, где хранится золото, то во

Притча об «инорозе»

«Жизнь человека на земле скоротечна и может быть уподоблена человеку, спасающемуся от разъяренного единорога. Пытаясь избежать ярости страшно ревущего и бешено скачущего чудовища и не достать ему на растерзание, человек проваливается в глубокую яму. Падая, он хватается широко раскинутыми руками за ветви растущего дерева и держится за них, пытаясь в то же время нащупать ногами выступ, и ему уже кажется, что он стоит на твердой почве, как вдруг, поглядев вниз, он видит, что две мыши, белая и черная, беспрестанно грызут корни дерева, на которых он держится. Еще немного и мыши совсем подгрызут дерево. Взглянув в глубину ямы, человек видит страшного дракона... Приглядевшись к выступу, человек замечает четыре змеиные головы, появившиеся из стены, к которой он прислонился. Подняв голову, человек видит в ветвях дерева немного меда и вмиг забывает об обступающих его опасностях... соблазнившись медом. Толкование: Подобно этому человеку, ведут себя люди, поддающиеся обольщениям земной жизни. Единорог – смерть, яма – весь мир, полный смертельных опасностей. Дерево – жизненный путь. Четыре змеи – стили, составляющие человеческое тело, но и разрушающие его. Дракон – чрево ада. Мед – соблазны жизни. Мыши – день, ночь» [б: 74].

вверху» – пространство вечных, высоких ценностей; «пропасть внизу» – пространство сиюминутных ценностей. Отметим, что в поверьях, сказках, иконописи образ мыши олицетворяет душу [8].

Роман-хроника «Соборяне»

«...Овраг, из которого бурливым ключом бил гремучий ручей... прохладой повеяло на спаленную зноем голову Туберозова... Туберозову приходит на память легенда, прямо касающаяся этой воды... Люди верят, что в воде <...> сокрыты великие силы... легенда <...> утверждает... Отсюда этим ключом бьет великая сила. Сюда к этим водам ради сил обновленья бредет согбенный летами старец, в эту хрустальную чашу студеной воды с молитвой и верой мать позружает младенца...»⁸.

2-й редакции Лесков так говорит о его поступке: злодей открывает тайник, потому что Тения «надорвала» его «сердце своим тяжким горем»: «Ты такая добрая и верная, что мне тебя стало жаль, а я еще не знал, как жалеют... Я не знал... как отрадно жалеть человека... Возьми за это себе мое золото и выкупи мужа» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30). В отличие от 1-й редакции, на золото «разбойника» Тения выкупает из темницы не только своего мужа, но и всех должников.

В новом пересказе проложного Слова Лесков индивидуализирует облик «разбойника». Герой получает имя – Анастас-душегубец, вводятся его предыстория (береговой злодей, всех убитых им на суше и на море сорок душ) и портретная характеристика. По сравнению с 1-й редакцией теперь автор сильнее делает акцент на

ситуации чуда преображения грешника путем включения в повествование варьирующихся формул – «Он сделал много зла, но не угасил в сердце своем сожаления, а кто умеет жалеть, тот еще не мертв для доброй жизни» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 29), «поддержал меня (Тению. – И. М.) <...> человек, который сам более жить не думал <...> обреченный на смерть Анастас» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30).

Изменения претерпевает и образ «вельможи». Писатель именует безымянного персонажа Милицем, теперь он «ипарх», «знатный сановник», изменяет причину посещения героем темницы. Если в 1-й редакции «вельможа» приходит подать милостыню заключенным, то во 2-й редакции «ипарх» приезжает из Дамаска, чтобы произвести суд и казнить Анастаса. В повествовании о нем исключаются мотивы милосердия. Напротив, в результате переработки в облике «знатного сановника» отчетливо выделена главная черта – жестокость. Наиболее полно она обнаруживается во введенном в текст 2-й редакции эпизоде «свершения ипархом самого бесчеловечного дела» – «приказе сжечь живым разбойника». Данный фрагмент является ключевым для понимания смысла названия нового пересказа. По логике сюжета знатный сановник оказыва-

ется более страшным злодеем, чем разбойник Анастас, погубивший множество душ. Отметим и другое важное поновление текста 2-й редакции. Лесков присочиняет еще один сюжетный ход. Жестокость «ипарха» не осталась безнаказанной: Милия «зарезали два никому не ведомых отчаянных разбойника», когда тот стоял во время «огненного пала» у темницы.

Известно, что в 1888 году Лесков предложил рукопись «Аскалонского злодея» литературному критику В. А. Гольцеву (см. письмо от 14 ноября 1888 года). Между тем под этим названием повесть была опубликована только через год в журнале «Русская Мысль» № 11 (1-й вариант 2-й редакции). Сравнение 2-й редакции и ее варианта показало, что писатель вносит лишь незначительные изменения частного характера, не нарушающие общую идейную концепцию произведения: 1) изменяет эпиграф: вместо изречения на немецком языке появляются два высказывания из сочинений античного философа Лукреция и известного психиатра XIX века Ломброзо, которые проясняют, кого из героев с большим правом следует называть «аскалонским злодеем» – разбойника Анастаса или сановника Милия; 2) в образе купца Фалалея усиливается страсть к богатству за счет дополнения текста 2-й редакции некоторыми психологическими подробностями. Например:

Было:

Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но чем он больше богател, тем сильнее увеличивалась в нем алчность и ему хотелось иметь более золота. Тении это причиняло большое беспокойство и она не раз предостерегала Фалалея, чтобы он жил спокойнее и довольствовался тем, что уже приобрел (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4).

В 1890 году Лесков вновь включает повесть (2-й вариант 2-й редакции) в состав Собрания сочинений (СПб., 1890. Т. 10) и вносит в него не-

Стало:

Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но [богатство сделало его безрассудным:] чем он больше богател, тем сильнее увеличивалась в нем алчность, и ему хотелось иметь еще более золота. [Такая жадность к богатству] причиняло [кроткой Тении] большое беспокойство и, она не раз предостерегала [мужа, чтобы он не поддавался этой страсти] и жил спокойнее, [потому что и того, что он уже успел приобрести было довольно для жизни без нужды и лишений] («Русская Мысль». 1889. № 11. С. 35).

значительную стилистическую правку. Сформированная ранее идейная основа и сюжетная канва остались неизменными.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Биб-ка «Огонек», 1989. С. 366. Далее цитируется по этому изданию с указанием года издания и страниц в круглых скобках.
- 2 Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: Худ. лит., 1956–1958. С. 456. Далее цитируется по этому изданию с указанием года издания и страниц в круглых скобках.
- 3 Пер. с нем.: «Зачем ты меня вызываешь из моей темной могилы? Этим ты также даешь свидетельство о смутном времени». Исследовательница В. М. Клочкова отмечала, что эпиграф на немецком языке не сохранился [3]. Этот же эпиграф в записной книжке. См.: РО ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 109. Л. 30.
- 4 Переосмысленный фрагмент из книги пастора Берсье «Придворный проповедник»: «...блистающий огнями полный, оживленный дворец, в котором идет пир и веселье, – и под ним мрачное, сырое подземелье... В той тишине томится человек... убитый, мертвый Креститель... Иоанна не стало, но голос его звучит в ушах преступного царя...». См.: Берсье. Придворный проповедник. СПб., 1880. С. 30–32. В письме А. С. Суворину от 29 ноября 1888 года Лесков упоминает об «очерках Берсье “О придворном проповеднике” (Иоанне, который кричал царю Ироду из погребца)...» (РО ИРЛИ. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 145). В библиотеке Лескова была книга «Избранные беседы пастора Берсье / Пер. А. Забелина» (СПб., 1881). В настоящее время хранится в ОГЛМТ 610/169 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 246.

⁵ В ОГЛИМТ 610/21оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 54 хранится вырезка из журнала «Русская Мысль» (1889. № 11), где впервые был опубликован 1-й вариант редакции-1888. На полях около слов «старец Фермуфий» рукой, вероятно, сына писателя А. Н. Лескова написано: «Атава. Тетка Фермуфия». В настоящее время точный смысл надписи установить не удалось. Между тем можно предположить влияние на текст Лескова произведений С. Н. Терпигорева, так как Атава – это его псевдоним. Известна также рецензия Лескова на II том сочинений С. Н. Терпигорева «Потревоженные тени» (СПб., 1890), в состав которого вошел рассказ «Тетенька Клавдия Васильевна». См.: Лесков Н. С. [Рецензия] // Исторический Вестник. 1890. № 12. С. 817–818. Рец. на: Терпигорев С. Н. (Атава) «Потревоженные тени». СПб., 1890. Т. II.

⁶ Притча «об инорозе» вошла и в состав Пролога под 19 ноября.

⁷ В вырезке из журнала «Русская Мысль» (ОГЛИМТ 610/21оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 54) на полях около слов «восточную притчу» рукой, вероятно, сына Лескова написано: «толст<овская> притча». В частной переписке профессор ЕУ СПб Г. А. Левинтон высказал предположение о том, что возможным источником для Лескова в данном фрагменте послужила «Исповедь» Л. Н. Толстого. Благодарим за высказанное предположение профессора Г. А. Левинтона. К сожалению, в настоящее время не удалось обнаружить каких-либо авторских свидетельств, поэтому невозможно точно определить, каким именно источником пользовался Лесков, их актуальность и иерархию – собственно текстом притчи, ее проложной версией или толстовской «Исповедью».

⁸ Лесков Н. С. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М.: Terra, 2012. 800 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов А. А. О «византийских» легендах Лескова // Русская литература. 1983. № 1. С. 129–131.
2. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 181–194.
3. Клочкова В. М. Рукописи и переписка Н. С. Лескова. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год. Л.: Наука, 1973. С. 1–12.
4. Mineeva I. N. Записная книжка Н. С. Лескова с выписками из «Прологов» (опыт текстологического комментария) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Т. 13. С. 401–420.
5. Опульский А. И. Жития святых в творчестве русских писателей XIX века. Michigan, 1986.
6. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. М.: Наука, 1985. 296 с.
7. Пролог. М.: Син. тип., 1642–1643. Л. 170–170об.
8. Сумцова П. Ф. Мышь в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 49–95.

Mineeva I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE CREATIVE HISTORY OF THE N. S. LESKOV'S NOVEL "THE EVILDOER OF ASKALON": THE SOURCES, GENESIS AND POETICS

The article presents author's observations of the creative history of N. S. Leskov's novel "The Evildoer of Askalon". It has been established that the starting point for writing the story was not Prologue (1642–1643), but an outline in the writer's notebook made by an unidentified person. In the process of fixing the unknown person kept its concept and plot. Leskov refreshed the fixed story in 1886–1887. On this basis the writer created the 1st edition and included it in the series of The Legendary characters. Following the concept and plot of the borrowed story Leskov edited it. In the center of author's attention were the images of "some woman" (her appearance became more vital, it emphasized compassion, humility, chastity) and of "a robber" (the author added the situation of his inner transformation using archaisms instead of modern vocabulary). Leskov changed the images order to humanize the Gospel. The writer returned to the edited source in 1888 and produced the 2nd edition titled "The Evildoer of Askalon". Leskov rewrote the 1st edition into a moral and philosophical novel. The story was to answer the question "what is a good life?". Such interpretation of the original text caused a further adjustment of images of "some woman", "merchant", "great men", "robber" (endowing the characters with names and biographies). The story was published in 1889 ("Russian idea" № 11 – the 1st version of the 2nd edition). The writer made only minor changes that did not violate the general ideological concept of the work. In 1890 Leskov included the novel (the 2nd version of the 2nd edition) in the Collected edition (SPb., 1890. Vol. 10) with minor stylistic corrections.

Key words: Prologue, Russian literature of the XIX century, N. S. Leskov, the Byzantine legend, textual criticism

REFERENCES

1. Gorelov A. A. On Leskov's "Byzantine" legends [O "vizantiyskikh" legendakh Leskova]. *Russkaya literatura*. 1983. № 1. P. 129–131.
2. Dushechkina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: Stanovlenie zhanra* [The Russian Christmas story: The formation of the genre]. St. Petersburg, SpbGU Publ., 1995. P. 181–194.
3. Klochkova V. M. The N. S. Leskov's manuscripts and correspondence. The scientific description [Rukopisi i perepiska N. S. Leskova. Nauchnoe opisanie]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1971 god*. Leningrad, Nauka Publ., 1973. P. 1–12.
4. Mineeva I. N. N. S. Leskov's notebook with extracts from "Prologue" (the experience of textual comments) [Zapishnaya knizhka N. S. Leskova s vypiskami iz "Prologov" (opyt tekstologicheskogo kommentariya)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2015. Vol. 13. P. 401–420.
5. Opu'skiy A. I. *Zhitiya svyatykh v tvorchestve russkikh pisateley XIX veka* [The lives of the Saints in the Russian writers' works of the XIX century]. Michigan, 1986.
6. *Povest' o Varlaame i Ioasafe. Pamyatnik drevnerusskoy perevodnoy literatury XI–XII vv.* [The tale of Barlaam and Joasaph. The monument of ancient Russian translated literature of the XI–XIIth centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 296 p.
7. *Prolog* [Prologue]. Moscow, Syn. tipografiya Publ., 1642–1643. Fl. 170–170 rev.
8. Sumtsova P. F. The mouse in folklore [Mysh' v narodnoy slovesnosti]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1891. № 1. P. 49–95.

Поступила в редакцию 28.03.2016

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
annnilova@yandex.ru

ГОМЕРОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»*

Вопрос о месте стихотворения Лермонтова «Бородино» среди поэтических произведений, посвященных Отечественной войне 1812 года, неоднократно становился предметом исследований, однако проблема развития в этом стихотворении гомеровских традиций даже не ставилась. Лермонтов отходит от канонов ближайших по времени батальных описаний. Изменяя текст от раннего «Поля Бородина» к более позднему «Бородину», поэт вводит измененную цитату из «Илиады», а также использует гомеровские приемы строения батального эпизода, описание его «изнутри», понимание смысла происходящего, противопоставления поколений по принципу принадлежности к великому историческому событию. Отказываясь, в отличие от ближайшей традиции, от прямого и декларированного сопоставления Бородинской битвы с великими сражениями прошлого, поэту тем не менее удается вписать ее в их число исключительно при помощи художественных средств; стремясь к максимальной достоверности, он мифологизирует ее. Внешне отказываясь от продолжения кажущейся устаревшей традиции, Лермонтов находит новые пути для ее развития.

Ключевые слова: Лермонтов, Гомер, «Бородино», «Илиада», образ, композиция

В статье 1914 года «Лермонтов и античность» ее автор А. Я. Краков указывает на «почти полное отсутствие античных образов, мотивов» [5: 792] в творчестве Лермонтова. Однако материал статьи противоречит ее автору: А. Я. Краков отмечает около сорока случаев обращения Лермонтова к античному материалу, выбирая при этом лишь очевидные, продекларированные самим поэтом примеры использования греко-римской тематики. Менее очевидные варианты развития античной топики в лермонтовском творчестве, органическое вплетение классических сюжетов, мотивов и образов в ткань произведений русского автора исследователем даже не рассматриваются. Тем не менее эта точка зрения настолько прочно закрепилась в лермонтоведении, что почти 70 лет спустя к ней возвращается А. И. Журавлева, называя Лермонтова «первым крупным русским поэтом, в чьем творчестве почти полностью исчезла античность – и не только как общеевропейский арсенал поэтической образности, но и как культурная традиция, на которую привычно ориентировалось европейское искусство в течение нескольких столетий» [4: 481]. Только в последние годы стали появляться работы, посвященные исследованию развития античного наследия в творчестве русского поэта. Цель нашей работы – отметить неуказанное ранее влияние поэмы Гомера «Илиада» на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Перевод «Илиады» Гнедича, полностью опубликованный в 1829 году (отдельные его фрагменты издавались и раньше), стал одним из ярчайших культурных событий первой четверти

XIX века, еще в процессе своего создания он вызывал живейший интерес и оказался в центре нескольких литературных дискуссий. Кроме Гнедича в это время к тексту Гомера так или иначе обращались А. С. Шишков, Н. Ф. Кошанский, В. В. Капнист, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский и др. В 1824 году А. Ф. Мерзляков, будущий учитель Лермонтова на дому и в университете, перевел гекзаметром начало VII песни «Илиады» – описание единоборства Гектора и Аякса. О том, что Лермонтов был знаком именно с гнедичевым переводом «Илиады», свидетельствует цитата из поэмы в стихотворении «Валерик» и пародирование стиля этого перевода в эпиграмме «Се Маккавней-водопийца...» [6].

К теме Бородинской битвы Лермонтов возвращался дважды: в 1830–1831 и 1837 годах. В более позднем стихотворении он изменяет поэтическую форму, увеличивает объем, вводит обращение к рассказчику – «дяде», изменяет стиль произведения. В результате получается сдержанный, очень правдивый и искренний рассказ об одном из важнейших исторических событий от лица его участника. Ко времени Лермонтова в русской литературе уже сложилась традиция батального описания в произведениях на военную тематику. Еще Л. Пумпянский отметил, что и в допушкинской баталистике, и у Пушкина «война есть выражение деятельности государства» [7: 419], поэтому описание битвы ведется с точки зрения «командного пункта». Подчеркнуто, что именно Пушкин вводит в героический эпос любовную, то есть частную, линию [2: 171–191], однако еще Гомер показывал грандиозные события истории

через личные человеческие отношения (частный конфликт Ахилла и Агамемнона в «Илиаде») и череду личных человеческих трагедий.

То, как Лермонтов трансформирует традиционную структуру батальной сцены, уже подробно описано [7: 420–421], мы отметим сходство организации отдельных военных эпизодов у Гомера и Лермонтова. «Илиада» рассказывает не о всех девяти годах Троянской войны, а только о пятидесяти днях последнего, десятого, года. Тем не менее это тоже значительный временной отрезок, внутри которого свершилось много событий и произошла не одна битва, несколько сражений начинались и с наступлением темноты заканчивались, чтобы утром начаться вновь. Так, например, в переведенной Мерзляковым VII песне описываются начало очередной битвы, ее апогей, главным событием которого становится поединок Гектора и Аякса, затем завершение битвы, погребение погибших и ночная трапеза. Сходную организацию повествования о каждом из дней сражения мы находим и у Лермонтова: начало первой битвы (*Забил заряд я в пушку туго*), ее ход (*Два дня мы были в перестрелке*), завершение с наступлением ночи (*И вот на поле грозной сечи Ночная пала тень*), ночной отдых (*Прилеж вздремнуть я у лафета*), после этого следует более подробное описание второй битвы: начало сражения (*И только небо засветилось, // Все шумно вдруг зашевелилось*), сама битва, ее завершение с наступлением сумерек, подсчет погибших товарищей. Характеризуя структурную симметрию «Илиады», Р. В. Гордезиани отмечает, что для поэмы в целом характерна круговая замкнутая композиция, отдельные же ее эпизоды организованы по принципу параллельного повторения [3: 38], причем каждый следующий из параллельных фрагментов более эмоционален, чем предыдущий, что создает постоянное драматическое напряжение текста. Подобное параллельное повторение мы находим и в лермонтовском стихотворении, где первое сражение описано предельно кратко и даже несколько снисходительно, основное же внимание уделяется второму эпизоду, который решил исход сражения. Не давая подробных развернутых картин, лишь намечая, как в карандашном наброске, наиболее яркие моменты, Лермонтов создает очень динамичную и впечатляющую картину боя. *Сквозь дым летучий // Французы двинулись, как тучи, // И все на наш рудут* – необыкновенно точная психологическая деталь, характеризующая восприятие участника страшного сражения, тем более удивительная, что сам поэт к этому времени еще не имеет боевого опыта. Здесь же используется и измененная цитата из Гнедичева перевода XI песни «Илиады». Обращаясь к Гектору, троянец Кебрион говорит: *«Смесились и кони и вои»* (XI: 525). *«Смешались в кучу кони, люди»*, – вспоминает дядя-рассказчик.

У Гомера мы видим постоянное смещение точки зрения с вершины Олимпа, откуда боги наблюдают за происходящим, в центр битвы: поэт дает описание как сражений целиком, так и мельчайших деталей доспехов воинов, их движений, мимики, а также разговоров героев во время поединков. Хорошо известно, что Гомер, не зная психологизма в современном понимании, индивидуализировал своих героев, используя для этого в том числе и особенности их речи, каждый из гомеровских персонажей отличается собственным стилем и манерой разговора. Сходное внимание к изображению речи персонажа мы наблюдаем и у Лермонтова: изменение текста от «Поля Бородина» к «Бородину» (поэт практически полностью его меняет, отказываясь от излишней эмоциональности и романтической условности, оставляя только наиболее удачные и точные фразы) – это прежде всего изменение речи рассказчика. Само же изменение точки зрения, смещения восприятия событий с «командного пункта» предшествующей батальной традиции в центр этих самых событий изменяет и мотивировку всего происходящего. Если традиционное героическое описание, включая пушкинскую «Полтаву» и «Путешествие в Арзрум», воспринимало справедливую победу как закономерный результат совпадения воли полководца с волей Творца, то дядя Лермонтова, не знающий стратегических и тактических замыслов командования, дает простое и в высшей степени правдивое объяснение случившегося: *«Не будь на то Господня воля // Не отдали б Москвы»*. По воле богов началась и закончилась Троянская война, по воле богов начались и закончились события «Илиады» и «Одиссеи», «на все воля Божья», – говорится в русской пословице, и в полном соответствии с этой пословицей воспринимает события и участник Бородинской битвы, упоминанием Господней воли начиная и заканчивая свой рассказ.

Обращение к дяде, вводящее не только образ рассказчика, но и его слушателя, то есть противопоставляющее два поколения, появляется в стихотворении 1837 года. В. Г. Белинский увидел в этом противопоставлении жалобу «на настоящее поколение, дремлющее в бездельствии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» [1: 238]. Однако, как кажется, дело здесь не только и не столько в этом, ведь не только о поединках, ранениях и смертях рассказывает Гомер. Дядю и его слушателя, как и героев греческого поэта и слушателей его поэм, разделяет принадлежность к великой битве, слава о которой сохраняется в веках и потомках. Персонажи Гомера – герои не в литературоведческом, а в мифологическом смысле – сильнее и могущественнее простых смертных, не случайно Гесиод выделит их в отдельное поколение и поместит между поколениями

медным и своим, железным. «*Богатыри – не вы!*», – говорит об участниках Бородинской битвы Лермонтов, помещая их в один ряд с героями греческого эпоса. Это стремление встроить описываемое событие в ряд великих побед прошлого вообще характерно для батальной литературы. Так, Херасков в «Чесмесском бою» сравнивает Орлова с великими полководцами древности, а само сражение – с величайшими античными битвами; воспоминания о великой славе россов, обращения к наследникам скифов и варягов красной нитью проходят через стихи, посвященные войне 1812 года, с Петром I и Суворовым срав-

нивает А. Ф. Воейков Александра I, Лермонтов сам в «Поле Бородина» вспоминает про Чесму, Рымник и Полтаву, однако в «Бородине» отказывается от этого сопоставления, и тут возникает специфически лермонтовский парадокс: не упоминая о великих сражениях далекого и близкого прошлого, поэт тем не менее встраивает описываемое событие в их число исключительно его пониманием и восприятием, давая слово реальному участнику битвы, мифологизирует ее. Внешне отказываясь от продолжения кажущейся устаревшей традиции, он находит новые пути для ее развития.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 327 с.
2. Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней: в 2 т. М.: Художественная литература, 1979. 511 с.
3. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. 394 с.
4. Журавлева А. И. Лермонтов и русская литература 19 века // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 481–485.
5. Краков А. Я. Лермонтов и античность // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 792–815.
6. Нилова А. Ю. Гомеровские традиции в лирике М. Ю. Лермонтова // Проблемы анализа художественного текста: К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 52–54.
7. Пумпянский Л. Стиховая речь Лермонтова. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 389–424.

Nilova A. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HOMER'S TRADITIONS IN LERMONTOV'S POEM "BORODINO"

The issue of the place of Lermontov's "Borodino" poem among the poetic works devoted to the War of 1812 has frequently been the subject of research but the problem of Homeric tradition development in this poem has not even been posed. Lermontov diverges from the principles indicative for battle descriptions at his time. He transforms the text from the early "Borodino Field" to the later "Borodino" and introduces a modified quote from the "Iliad", used Homeric techniques of a battle scene construction, a description of its "inside", understanding the meaning of what was happening, opposes the generations on the principle of belonging to the great historical event. The poet discards a direct comparison of the Borodino battle with the great battles of the past, but enters it in their numbers only by using artistic means, he seeks to maximize the vividness of the battle, and mythologises it. Outwardly discarding the seemingly outdated tradition, Lermontov finds new ways for its development.

Key words: Lermontov, Homer, "Borodino", "Iliad", image, composition

REFERENCES

1. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy: V 2 t.* [Collected works: In 9 t]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Vol. 3. 327 p.
2. Blagoy D. D. *Ot Kantemira do nashikh dnei: V 2 t.* [From Cantemir to the present day: in 2 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979. 511 p.
3. Gordeziani R. V. *Problemy gomerovskogo eposa* [Problems of the Homeric epics]. Tbilisi, Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1978. 394 p.
4. Zhuravleva A. I. Lermontov and Russian literature of the 19th century [Lermontov i russkaya literatura 19 veka]. *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1981. P. 481–485.
5. Krakov A. Ya. Lermontov and Antiquity [Lermontov i antichnost']. *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva v chest' prof. V. P. Buzeskula*. Harkov, 1914. P. 792–815.
6. Nilova A. Yu. Homeric tradition in the Lermontov's lyrics [Gomerovskie traditsii v lirike M. Yu. Lermontova]. *Problemy analiza khudozhestvennogo teksta: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya M. Yu. Lermontova*. Petrozavodsk, Isd-vo Petrozavodskogo un-ta, 2014. P. 52–54.
7. Pumpyanskiy L. *Stikhovaya rech' Lermontova* [Poetic speech of Lermontov]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1941. Book I. P. 389–424.

Поступила в редакцию 06.06.2016

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СКОРОПАДСКАЯ
кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
san19770@mail.ru

И. С. ТУРГЕНЕВ О ВЕРГИЛИИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ПИСЬМА)*

В современном литературоведении недостаточно исследованным оказывается вопрос о значении античной традиции в творчестве И. С. Тургенева. Между тем в силу своего блестящего образования Тургенев был хорошо знаком с античной классической традицией, прекрасно знал древние языки. В своем эпистолярии русский писатель нередко цитирует античных авторов, причем эти цитаты зачастую содержат в себе важные философские и эстетические постулаты. В настоящей статье рассматривается один из примеров обращения Тургенева к поэзии Вергилия, автора, отношение к которому со стороны Тургенева было неоднозначным. Критически отзываясь о поэзии Вергилия в своих ранних письмах, зрелый, состоявшийся как писатель, Тургенев обращался к римскому поэту в том числе и как к образцу высокого поэтического искусства, не теряющего актуальности с точки зрения совершенства художественной формы и глубины психологизма. Наиболее ярко это показывают цитаты в письме А. Фету от 13 сентября 1873 года, в котором Тургенев привел несколько выражений из «Энеиды», демонстрируя то, что Вергилий «не только поэт, но и смелый новатор и романтик», и показывая его поэтическую чуткость и глубокий психологизм в построении образов. Несмотря на то что отношения между литераторами после этого письма вскоре разладились, Фет, по всей видимости, не забыл комментарии Тургенева по поводу поэтического языка Вергилия и использовал их в своем переводе «Энеиды», к которому он обратился уже после смерти своего друга-врага. Анализ двух вергилиевых цитат не просто показывает хорошее знание Тургеневым латинского текста, но вскрывает глубину понимания писателем важности античной классической традиции для современной литературы.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Вергилий, «Энеида», античная традиция

И. С. Тургенев, получивший блестящее классическое образование, несомненно, был хорошо знаком с античной литературной традицией, которая сильно повлияла на его художественный метод и философские воззрения. Помимо богатого литературного наследия русский писатель оставил после себя обширнейшую переписку, содержащую в себе в том числе ключи к пониманию Тургеневым роли античности. Среди имен упоминаемых и цитируемых Тургеневым античных авторов особое место занимает Вергилий. Ранний Тургенев позволяет себе критически отзываться в адрес римского поэта. Так, в письме Полине Виардо от 4 июля 1849 года он следующим образом отзывался о переводе «Георгик» Вергилия: «Я не мог его закончить; право, это слышит какое чудо; вся эта латинская литература искусственна и холодна, настоящая литература для литераторов» (ПСС в 30 т. Т. 1. С. 316)¹.

Между тем в тургеневских письмах 70-х годов (на которые приходится львиная доля латинских цитат из Вергилия) содержатся теплые отклики на творчество римского поэта. Так, в письме Юлиану Шмидту от 17 августа 1873 года Тургенев пишет: «Я положительно вошел во вкус ничегонделанья или, вернее, неработания и занят лишь тем, что читаю Вергилия, Овидия (не

знаю сам, почему я пристрастился к римлянам» (ПСС в 28 т. Т. 10. С. 140)². Почти то же встречаем в письме А. Фету от 23 августа 1873 года: «... снова и с немалым удовольствием перечитываю Вергилия» (ПСС в 28 т. Т. 10. С. 142). Нужно сказать, что это не первый случай «латинomanии» Тургенева. В 1856 году он писал А. Герцену: «Зато я читаю пропасть. Проглотил Суэтония, Саллюстия (который мне крайне не понравился), Тацита и частью Тита Ливия. Ты спросишь – что за латинomanия на меня напала? Не знаю; может быть, она навеяна современностью» (ПСС в 30 т. Т. 3. С. 151). Итак, если первый период «латинomanии» объясним тем, что древнеримские историки кажутся Тургеневу современными, то «латинomanия» 70-х годов связана уже с римскими поэтами, особое место среди которых отводится Вергилию. Именно его творчество становится не просто образцом высокого поэтического стиля, но еще и примером литературного новаторства.

Примечательна полемика, развернувшаяся вокруг Вергилия между Тургеневым и Фетом. Письма Фета, отражающие его точку зрения на значение этого римского автора, не сохранились, но по письмам Тургенева можно судить, что спор был достаточно серьезным. Возможно, его возникновение связано с тем, что отношения между Тургеневым и Фетом стали

натянутыми на почве творческих и идеологических разногласий. Спор этот, по всей вероятности, затронул и вопрос о ценности поэзии Вергилия. 13 сентября 1873 года Тургенев пишет следующее: «Вы напрасно так строго отзываетесь о Вергилии. Постройка, характеры и пр. его “Энеиды” не имеют значения; но в отдельных выраженьях, в эпитетах, в колорите он не только поэт – но смелый новатор и романтик. Напомню Вам “per amica silentia lunae” (хоть бы Тютчеву) – или “futura jam pallida morte” (о Дидоне, когда она с яростью восходит на свой костер, чтобы покончить с собою) и т. п.» (ПСС в 28 т. Т. 10. С. 152). Замечания Тургенева о Вергилии отражают в том числе и те противоречивые оценки, которые получал античный поэт в XIX веке. Характеризуя Вергилия как «смелого новатора» и «романтика», Тургенев во многом сам предлагал «новаторский» взгляд на древнего поэта, которого многие считали певцом Августа, сочинителем панегириков имперской власти, подражателем Гомера. И только просвещенный читатель мог увидеть за содержанием и сюжетными линиями поэмы ее свежесть и новизну в плане языка, слога, поэтики, психологизма. В XX веке М. Гаспаров так охарактеризовал новаторство «Энеиды»: «Эпическое любование минувшим должно было заменить драматической заинтересованностью в предстоящем, обилие подробностей – обдуманном отбором, величая плавность – патетической напряженностью. Все это Вергилий сделал: мотивы, из которых соткана его поэма, – гомеровские, но ткань, в которую они сплетаются, – новая» [1: 30].

В очередной раз античная литература являет свою современность и актуальность для Тургенева: обращение к поэзии Вергилия для русского писателя становится одним из доказательств приобщенности Тютчева (оценка творчества которого стала основным предметом спора между Тургеневым и Фетом в приводимых нами письмах, об этом подробнее см. [2: 454–508]) к западноевропейской культуре. При этом он обращается к Фету не только как к литератору и поэту, но и как к талантливому переводчику античных авторов, который не просто знает, но и чувствует античную литературу. Именно поэтому цитаты из «Энеиды» Тургенев дает без перевода, сопровождая их краткими отступлениями, призванными объяснить направление своей мысли. Первая цитата «per amica silentia lunae» (*при дружественном безмолвии луны*) – 255 стих II песни, рассказывающей о захвате Трои греками, – стала не только возможным источником стихотворения Тютчева «Silentium!» (о чем намекает Тургенев). Ее образная афористичность была использована в последующей европейской литературе: это латинское выражение стало, например, заглавием стихотворения П. Верлена (1889 год) и прозаической книги ирландского поэта-символиста У. Йейтса (1917 год).

Вторая приводимая цитата – 640 стих из IV книги «Энеиды», повествующей о любви Дидоны и Энея, самой страстной и яркой части поэмы. По словам С. В. Шервинского, «для описания страсти Дидоны у Вергилия оказались в избытке и сила воображения, и психологическая наблюдательность» [6: 18]. Тургенев, тонкий художник в изображении чувств, не мог не оценить того мастерства, с которым Вергилий описывал душевные состояния своих героев, в нескольких деталях, штрихах давая целую психологическую картину. Примером такой манеры служит как раз приводимая строка, в нескольких словах рисующая душевное состояние Дидоны, намеревающейся умереть. В цитирование латинского стиха у Тургенева снова закралась неточность: в оригинале – «et pallida morte futura» (*и бледна от смерти предстоящей*). Уже отмеченная нами в других цитатах перестановка подтверждает то, что латинская фраза была в активном использовании у Тургенева, о чем может свидетельствовать и ритм тургеневского латинского варианта, полностью соответствующий латинскому гекзаметру, которым написана «Энеида». Примечателен комментарий, который в скобках дается вслед за цитатой: «(о Дидоне, когда она с яростью восходит на свой костер, чтобы покончить с собою)». Тургенев выделяет слово, антонимически подчеркивающее указанную в латинском тексте бледность Дидоны. Выделение можно было бы объяснить тем, что это цитирование русского текста. Однако, скорее всего, Тургенев читал «Энеиду» в оригинале, так как в 1873 году еще не был создан признанный (как переводы «Илиады» и «Одиссеи» Гомера Н. И. Гнедичем и В. А. Жуковским) полный перевод поэмы³. Следовательно, он мог выделить свой вариант перевода на русский язык. Приведем контекст:

*at trepida et coeptis immanibus effera Dido,
sanguineam volvens aciem, maculisque tremantis
interfusa genas, et pallida morte futura,
interiora domus intrumpit limina, et altos
conscendit furibunda rogos... (IV, 642–646)⁴.*

Подстрочный перевод: Трепещущая и начинаниями чудовищными обезумевшая Дидона, / налитыми кровью вращая глазами, пятнами на дрожащих / растекшаяся щеках, и бледная пред будущей смертью, / во внутреннюю дома врывается дверь и на высокий / восходит неистовая костер...

Скорее всего, «с яростью» Тургенев перевел определение *furibunda*, которое, согласно словарю И. Х. Дворецкого, имеет значения: «1) бешеный, неистовый (*homo, impetus C; taurus O*); 2) восторженный, исполненный дикого восторга, экзотический (*praedictio C*)»⁵. Например, Цицерон использует это определение для описания духа прорицателя: *mens furibunda* (Cic. De div. I, 114) – *неистовый, восторженный*. В современной психиатрической терминологии данное определение применяется для обозначения состояния *mania*

furibunda «резко выраженного психомоторного возбуждения со злобностью или яростью, склонностью к агрессивным и разрушительным действиям»⁶. Интерпретируя эту сцену, А. Ф. Лосев замечает следующее: «Самоубийство Дидоны изображено в мрачных, сильных и безумно экзотических тонах: трепещущая (“*trepida*”, 642), она “обращает кровавый взор, покрытая пятнами на дрожащих щеках и бледная от предстоящей смерти” (“*sanguineam volvens aciem maculisque tremantis interfusa genas et pallida morte futura*”, 643–644); “буйная” (“*furibunda*”, 646), она изнемогает от безумной страсти (650–662); последние же ее слова полны горечи и отчаяния» [4: 112]. Как видно, прилагательное *furibunda* А. Лосев переводит как «буйная», вслед за составителями латинско-русских словарей указывая на неистовство Дидоны, ее болезненное возбуждение, не поддающееся самоконтролю.

Заменив определение (*furibunda*) обстоятельством («с яростью»), Тургенев больший акцент делает на образе действия, сопоставляя «бледную» Дидону с тем, как она *яростно* восходит на костер⁷. Ярость – чувство, несущее в себе не только отрицательную (гнев), но и отчасти положительную (наивысшая степень качества, интенсивность) коннотацию. В отличие от бешенства и буйства, оно не имеет явного указания на болезнь. Кроме того, этимологически слово «ярость» восходит к праслав. *jaгъ, от которого в числе прочего в славянских языках произошли слова со значением «сиять», «греть», «жар»⁸. Подобное, в определенной степени антонимическое, сочетание бледности и ярости наиболее точно соответствует «тайному психологизму» – художественному методу Тургенева, по утверждению которого «писатель должен быть психологом, но

тайным» (ПСС в 30 т. Т. 1. С. 135). Примечателен следующий факт: уже после смерти Тургенева, обратившись к переводу «Энеиды», Фет, скорее всего, не забыл тех комментариев, которые его друг-враг давал в письме. Фетовский перевод сцены самоубийства Дидоны выглядит так:

Но трепеща и от дум одичав ужасных, Дидона,
Взором кровавым кружа и на дрожащих ланитах
В пятнах вся, и бледна уже предстоящею смертью,
В сокровенный покой ворвалась и в ярости страшной
На костер поднялась...⁹

Как видим, Фет сохранил тот перевод прилагательного *furibunda*, который предложил Тургенев, тогда как ни до¹⁰, ни после¹¹ переводчики «Энеиды» подобного варианта не применяли.

Н. Добролюбов так оценил образ вергилиевой Дидоны: «В создании этой женщины Вергилий далеко опередил свой век: здесь он как бы положил начало развившемуся впоследствии романтизму. По силе, живости чувства это лучший характер во всей поэме; она привлекает к себе своею энергией и стремительностью, которые в поэме Вергилия выдаются ярче и обрисованы гораздо естественнее, нежели у всех его подражателей-трагиков, бравших Дидону за сюжет своих произведений» [3]. На наш взгляд, это суждение талантливого русского критика во многом совпадает с той оценкой, которую Тургенев в письме Фету дал творчеству Вергилия. Это сближение двух оппонентов (революционера-демократа Добролюбова и либерала Тургенева) требует отдельного исследования, но предварительно можно сказать, что их непримиримая полемика о современной им литературе теряет свою остроту, когда речь идет о классических, высокохудожественных произведениях античности.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тексты ранних писем Тургенева приводятся по изданию: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 18 т. М.: Наука, 1982 – по наст. время (с указанием тома и страницы).

² Тексты писем Тургенева 70-х годов приводятся по изданию: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма в 13 т. М.: Наука, 1960–1968 (с указанием тома и страницы).

³ В это время существовало два полных перевода «Энеиды» на русский язык: перевод В. Петрова «Еней. Героическая поэма Публия Вергилия Варона» (1770 год) и И. Г. Шершеневича (1851 год), на который, в частности, откликнулся Н. Добролюбов в своей подробной рецензии «О Вергилиевой “Энеиде” в русском переводе г. Шершеневича» [3].

⁴ Латинский текст с указанием книги и стихов приводится по изданию: P. Vergilii Maronis, Opera... Albertus Forbiger. II (Aeneidos I–VI) Lipsiae, 1852 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/stream/pvirgiliimaronis02virg2#page/n3/mode/2up> (дата обращения 17.05.2016).

⁵ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. С. 342.

⁶ Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Э. Г. Улумбекова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. С. 937.

⁷ Ср.: в классическом труде И. М. Тронского «История античной литературы» дается следующее объяснение этой сцены: «...ею в последний раз овладевает приступ мстительной ярости, и в иступленных проклятиях по адресу Энея и его потомков она предсказывает непримиримую вражду народов и грядущее рождение мстителя (Ганнибала). Затем она всходит на костер; царица и основательница Карфагена, в спокойном сознании величия (выделено мною. – А. С.) своей деятельности, пронзает себя мечом, который некогда подарен был ей Энеем» [5: 378].

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. С. 562–563.

⁹ Вергилий М. П. Энеида Вергилия: В 2 ч. Ч. 1. Кн. I–VI / Пер. А. Фета. СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1902. С. 151.

¹⁰ Помимо приводимых нами выше примеров перевода этого прилагательного, предлагаемых комментаторами учебных изданий, процитируем вариант перевода этой сцены И. Шершеневича:

Въ страхъ и въ страшномъ какомъ-то восторгъ Дидона вбъжала
На середину двора, гдѣ огромный костеръ возвышался:

Очи, налитыя кровью, быстро ходили повсюду;
Пята покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
Быстро въ волненьи взошла на костеръ...

(Энеида Вергилия. Песнь четвертая. Перевод И. Г. Шершеневича // Современник: Литературный журнал. Т. XXXI. СПб.: В типографии Э. Праца, 1851. С. 79).

¹¹ Наиболее значимые после перевода А. Фета – перевод В. Брюсова (1933 год) и С. Ошерова (1971 год). Вариант Брюсова:

Но, трепеща и в безумье от замыслов страшных, Дидона,
Взор обращая кровавый, вся в пятнах, что на ланитах
Распространились дрожащих, бледна от будущей смерти,
Перебегает пороги дома внутри, на высокий
Всходит костер в испугленьи...

(Вергилий М. П. Энеида / Пер. В. Брюсова. М.; Л.: Academia, 1933. С. 130).

Вариант Ошерова:

Замысел страшный меж тем несчастную гонит Дидону:
Мчится она, не помня себя, с блуждающим взором
Кровью налитых очей; на щеках ее бледные пятна –
Близкой гибели знак; в глубине дворца на высокий
Всходит царица костер...

(Вергилий. Энеида / Пер. С. Ошерова. М.: Лабиринт, 2001. С. 80).

Как видно, переводчик оставил за рамками своего перевода прилагательное *furibunda*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Вергилий – поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 5–34.
2. Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2003. 584 с.
3. Добролюбов Н. О Вергилиевой «Энеиде» в русском переводе г. Шершеневича [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/zolot/dobrolubov_o_virgilievoy_eneide.html (дата обращения 17.05.2016).
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. V. Кн. 2. М.: Мысль, 2002. 538 с.
5. Тронский И. М. История античной литературы. Л.: Учпедгиз, 1946. 496 с.
6. Шервинский С. В. Вергилий и его произведения // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 5–26.

Skoropadskaya A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IVAN TURGENEV ABOUT VIRGIL (BY THE EXAMPLE OF A LETTER)

The issue of ancient traditions significance in the works by I. Turgenev is researched insufficiently in contemporary literary criticism. Due to his excellent education Turgenev was familiar with the ancient classical tradition and had great command of ancient languages. This affected his work and philosophy. Extensive correspondence of Turgenev gives great opportunities to explore the creative method of the writer, as he often mentioned important issues of philosophy and art in his letters. The Russian writer often quoted ancient authors and these quotes often contained important philosophical and aesthetic postulates. The article reviews one example of Turgenev's ambiguous attitude to Virgil's poetry. While he treated Virgil's poetry critically in his early writings, a mature and accomplished writer Turgenev turned to Virgil's poetry among other things as the example of high poetic art that always retained its relevance from the point of view of art form perfection and depth of psychologism. The quotes from the letter to A. Fet of September 13, 1873 are of the most interest for the study. Turgenev cited several phrases of "the Aeneid", demonstrating that Virgil "is not only a poet but also a daring innovator and romantic" and showing his poetic sensitivity and deep psychologism in creation of images there. Despite the fact that the relationship between writers after this letter went wrong soon, Fet, apparently, did not forget Turgenev's opinion about the poetic language of Virgil and used it in his own translation of the "Aeneid", which he made after the death of his friend-enemy. Analysis of the two quotes from Virgil shows not only Turgenev's good knowledge of the Latin text, but reveals the depth of his understanding of ancient classical tradition importance for modern literature.

Key words: I. Turgenev, Virgil, "Aeneid", ancient traditions

REFERENCES

1. Gasparov M. Virgil – the poet of the future [Vergiliy – poet budushchego]. *Vergiliy. Bukoliki. Georgiki. Eneida*. Moscow, 1979. P. 5–34.
2. Generalova N. P. *I. S. Turgenev: Rossiya i Evropa. Iz istorii russko-evropeyskikh literaturnykh i obshchestvennykh ot-nosheniy* [I. S. Turgenev: Russia and Europe. From the history of Russian-European literary and public relations]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2003. 584 p.
3. Dobrolyubov N. *O Vergilievoy "Eneide" v russkom perevode g. Shershenevicha* [About Virgil "Aeneid" in the Russian translation of mr. Shershenevich]. Available at: http://dugward.ru/library/zolot/dobrolubov_o_virgilievoy_eneide.html (accessed 17.05.2016).
4. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki* [History of ancient aesthetics]. Moscow, Mysl' Publ., 2002. Vol. V. Book 2. 538 c.
5. Tronskiy I. M. *Istoriya antichnoy literatury* [The history of ancient literature]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1946. 496 p.
6. Shervinskiy S. V. Virgil and his works [Vergiliy i ego proizvedeniya]. *Vergiliy. Bukoliki. Georgiki. Eneida*. Moscow, 1971. P. 5–26.

Поступила в редакцию 01.06.2016

ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА АГАПИТОВА
старший преподаватель кафедры классической филологии
филологического факультета, Петрозаводский государствен-
ный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ithaelin@mail.ru

ЦЕНЗУРНАЯ И АВТОРСКАЯ ПРАВКА РОМАНА И. А. ЕФРЕМОВА «ТАИС АФИНСКАЯ»*

Как недавно стало известно, роман известного советского писателя И. А. Ефремова «Таис Афинская» существовал в двух редакциях (не считая укороченной версии в журнале «Молодая гвардия» за 1972 год), которые вошли в собрания сочинений 1986–1989 и 1992 годов соответственно. Причем редакция 1992 года названа «полной авторской», в то время как абсолютное большинство изданий романа отдельным томом ориентируются на ту же редакцию, что и СС 1989 года. Статья посвящена сравнению этих редакций, выявлению и систематизации разночтений. Большая часть исправлений связана с цензурными купюрами вопросов отношений полов (насколько это возможно было сделать в романе, главной героиней которого является гетера). В статье приводятся наиболее интересные группы разночтений и дается краткий анализ примеров редакторской правки.

Ключевые слова: Иван Ефремов, «Таис Афинская», цензура, две редакции романа, авторская правка текста

Литературный стиль известного советского писателя И. А. Ефремова формировался под влиянием его работы в Палеонтологическом институте (написание научных статей и отчетов геологических и палеонтологических экспедиций), и именно поэтому одной из особенностей его языка стало обилие описаний, создающих «наглядную картинку». При написании своих произведений Ефремов старался, чтобы «каждое слово было весомым и необходимым для создания зрительного образа или точного выражения мысли» [6: 194], это и создавало своеобразный, четкий и ясный, может быть, несколько отстраненный стиль¹. В итоге такой тщательной работы произведения Ефремова приобретали своеобразную «наглядность» и «фактичность», образы места и героев становились зримыми и «оживали». Если один раз представить какой-нибудь эпизод, забыть его потом уже невозможно. Не мог забыть раз появившуюся перед глазами картинку и сам автор, что иногда приводило к самоцитации, бывало что и дословной. Такой скрупулезный подход автора к своей работе необходимо учитывать при анализе эволюции текста в процессе движения от замысла к изданию. Применительно к роману «Таис Афинская» этот путь занял более 20 лет, о чем мы уже говорили в своих исследованиях², но в итоге автор так и не увидел своего последнего романа в виде отдельного издания.

В 1972 году в июльском номере журнала «Молодая гвардия» начата публикация «Таис Афинской», продолжавшаяся до ноября с перерывом в августе (автор не застал только последний номер, поскольку скончался 5 октября 1972 года). Журнальные варианты традиционно являются сокращенными, и издание «Таис Афинской» не стало исключением из этого правила: были удалены несколько, самых спорных и провокаци-

онных, но и самых интересных, глав. Авторы биографии Ефремова [1: 574] говорят, основываясь на письме самого Ефремова А. С. Иванову (с 1972 года главному редактору журнала «Молодая гвардия») [7: 1423], о трех исключенных главах, но тщательный подсчет показал, что речь идет о пяти удаленных полностью (12 в журнале и 17 в тексте) и одной частично. В частности, отсутствуют, как отдельно выделенные, не только главы 9, 12, 14, которые указал изъять Ефремов, но и главы 3, 5, 6, 16, хотя некоторые эпизоды из них и вошли в другие. Например, эпизод с поцелуем змея из 14-й главы «Мудрость Эриду» вошел в виде воспоминания в разговор Таис и Александра в 15-ю главу. Но в то же время глава 9-я «У Матери Богов» из журнального варианта согласно воле автора вырезана целиком, и даже появление новой героини – Эрис – отмечено буквально в одной вставной строчке. А именно эти две главы (наряду с 1-й) представляют наибольший интерес в отношении развития авторского замысла, поэтому именно на них мы остановимся подробнее.

В дальнейшем, уже после смерти писателя, в издательстве «Молодая гвардия» в 1973 году выходит книжное издание романа, о котором критики по каким-то причинам стараются забыть³, ограничиваясь упоминанием в библиографии (как это сделано в СС 1986–1989). Главы, не вошедшие в журнальный вариант, в нем восстановлены, хотя и с некоторыми купюрами и изменениями, но именно этот вариант закрепляется в книгоиздании, и он же впоследствии входит в собрание сочинений 1986–1989 годов (в дальнейшем мы будем называть его стандартным)⁴. А вот в собрание сочинений 1992 года издательства «Современный писатель» попадает более полный вариант с аннотацией, что именно в этом

издании роман «впервые дается в полной авторской редакции». К сожалению, издатели нигде не указали, откуда именно они взяли текст для этого издания, хотя единственный возможный вариант источника – та рукопись, что когда-то была передана в «Молодую гвардию». В современных же изданиях, как ни странно, в основном пользуются стандартным вариантом, который легко отличить от полного буквально по третьему предложению: «Неарх с Александром и Гефестион уплыли далеко вперед» [3: 14] – в полном издании Гефестион упоминается только в конце абзаца [4: 16].

Кроме того, при анализе авторского замысла было бы полезно учитывать еще и рассказ Ефремова «Каллиройя», написанный в 1946 году, который по цензурным соображениям тогда опубликован не был, а впервые увидел свет в 2007 году в октябрьском номере журнала «Студенческий меридиан», а затем в 2008 году в юбилейном выпуске журнала «Сверхновая», посвященном столетию Ефремова. К сожалению, формат статьи не позволяет подробно остановиться на этом рассказе и проследить все текстовые эволюции, но на некоторых моментах остановиться просто необходимо. Сюжет рассказа стал основой 1-й главы романа, при этом переходе были изменены только имена героев и их профессии: художник-скульптор Антенор стал воином-полководцем Птолемеем, а свободная молодая женщина Каллиройя, «не гетера, но живет одна после того,

как была замужем» [2: 98], превратилась в гетеру Таис. Именно знание начального варианта, первичной авторской идеи позволяет понять эпизод на поле Скирона, куда героиня приводит любовника для свидания, чтобы «ночью, на трижды вспаханном поле, обнажёнными, как сама Гея... принять в себя могучую плодоносную силу... пробудить ее...» [2: 101], [4: 33]. Очень странное желание для молодой, только что обретшей славу гетеры, которая в дальнейшем как раз весьма беспокоится о том, чтобы в результате свидания с Александром не появились дети [3: 271]. Но в рассказе это же поведение героини абсолютно понятно – Каллиройя встречается с любимым мужчиной и соглашается стать его моделью для создания будущих скульптур во славу Эллады, то есть логика сюжета подразумевает дальнейшую счастливую жизнь семейной пары. Таким образом, смена профессии героини привела к нарушению психологической достоверности образа, и только знание первоисточника позволило снять возникающие вопросы. Также надо отметить, что в рассказе эпизод на поле потрясающе красиво написан, с великолепными описаниями, настолько натуралистичными, что достаточно большой отрывок в роман включен не был изначально, а еще один – вычеркнут цензурой из стандартного издания (см. № 1 табл.). Но, несмотря на все изъятия, большая часть описаний все-таки перешла из рассказа в роман и даже удержалась в нем после редакторской правки.

Эротические описания в романе «Таис Афинская»

№	С.	1992 год	1989 год	С.
1	34	Таис выпрямилась и, подняв руки к голове, сняла ленту и распустила волосы. <i>Птолемей бросился на колени, обнимая юную гетеру, на миг прижался к её животу, откинулся назад и, не опуская рук, с восторгом взглянул в лицо Таис, как богине.</i> Она молчала. Пальцы ее рук сжимались и разжимались, лаская волосы Птолемея, скользя по его затылку и шее.	Таис выпрямилась и, подняв руки к голове, сняла ленту и распустила волосы. Она молчала. Пальцы ее рук сжимались и разжимались, лаская волосы Птолемея, скользя по его затылку и шее.	33
2	34	Схватив Таис на руки, он поднял ее к сверкающим звездам, бросая ее красотой вызов равнодушной вечности. <i>Горячие руки обняли его шею, громадные, ставшие чёрными глаза взглянули в самую глубину души, губы слились с его губами, и звёздное небо исчезло. Земля приняла обоих на своё просторное мягкое ложе. Таис и Птолемей забыли обо всём, кроме своей страсти, неистощимой как море и чистой как огонь.</i>	Схватив Таис на руки, он поднял ее к сверкающим звездам, бросая ее красотой вызов равнодушной вечности.	33
3	35	Но я поняла – ты далек от Урании, тебе лучше быть с Геей. <i>Держи меня крепче... – И Таис обвилась вокруг Птолемея с такой силой, что у македонца перехватило дыхание и он в самом деле будто погрузился в чёрную и тесную глубину земли. Когда Птолемей опомнился и снова притянул к себе голову Таис, он увидел ее ресницы, пряди волос на лбу и темные круги вокруг глаз.</i>	Но я поняла – ты далек от Урании, тебе лучше быть с Геей. Птолемей увидел ее ресницы, пряди волос на лбу и темные круги вокруг глаз.	34
4	38	Скорее всего он терял Таис навсегда, <i>ибо как могла Афродита не дать новой женской службы такой дивной её помощнице? Покоряясь неодолимой силе Эроса, он удлился мгновение и, поймав Таис, притянул её к себе.</i>	Скорее всего он терял Таис навсегда.	36
5	38	Птолемей вытянул шею, чтобы поцеловать Таис <i>в узкую ложбинку между грудей</i> , и заметил новое ожерелье.	Птолемей вытянул шею, чтобы поцеловать Таис, и заметил новое ожерелье.	36

Вообще, эротические описания – самый пространственный объект правки, если сравнивать две редакции романа (см. таблицу), хотя автор до последнего боролся за их сохранение, думая даже об отзыве романа из печати: «Убрать “эротическую” не позволю, пусть постоит», – пишет он В. И. Дмитриевскому 16 декабря 1971 года [7: 1361] и добавляет через две недели в письме З. И. Рычковой: «...если они будут настаивать на своем, я возьму роман обратно» [7: 1367]. Ефремов даже писал директору издательства «Молодая гвардия» В. Н. Ганичеву о необходимости описания «чистой физической любви» в противовес западной порнографии [7: 1357]. Автор указывал, что, на его взгляд, «эротическое напряжение романа минимально, однако, возможно, широкий читатель (а особенно – критик) окажется к этому непривычен» [7: 1358]. Так и произошло. Некоторые эпизоды были убраны, и вырезание этих описаний «чистой физической любви» иногда не дает сформироваться так ценному писателем зрительному образу (см. № 1 табл.). И сам автор очень беспокоился по этому поводу. Например, Спартак Ахметов, вспоминая последний разговор с Ефремовым (в последний день его жизни – 4 октября), так передает его возмущение [1: 581]: «Не говоря уже о так называемом редактировании... Сколько напортили! И то им слишком откровенно, и это чересчур соблазнительно. Почти все любовные сцены испохабили... Например, у меня герой целует возлюбленную в ложбинку между грудой (см. № 5 табл. – Е. А.). Вымарали, оставили абстрактный поцелуй»⁵. Из-за таких «вымарываний» внимательный читатель время от времени может обнаружить у героини романа запавшие щеки и темные круги под глазами, казалось бы, вне всякой логики сюжета. Именно это происходит в 14-й главе романа «Мудрость Эриду», откуда был вырезан 3-страничный эпизод посвящения Таис и Эрис в Тантру [4: 399–403]. И именно отсутствие этого эпизода не дает правильно понять реакцию Лисиппа: «Приглядываясь к ним, ваятель не заметил никаких перемен, кроме западинок на щеках и воистину олимпийского спокойствия обеих» [3: 395]. Равно как странно воспринимается сначала заявление жрицы, что без посвящения в Тантру «Поцелуй Змея» смертельно опасен, а потом допуск к обряду «непосвященных» Таис и Эрис – на самом деле они уже посвящены, просто описание было вырезано из текста.

Кроме правки (а чаще – удаления) собственно эротических эпизодов цензурные изменения коснулись анатомических описаний фигур и здоровья героини, где тоже были удалены слишком откровенные подробности. Приведем несколько самых ярких примеров (невошедшее в стандартную редакцию выделено курсивом). Описание Эгесихоры – «Сильные мышцы играли под гладкой кожей, *толстыми квадратиками окаймляли*

срединную борозду живота, углубляя её» [4: 27]. Разговор делосского философа с Таис – «Твои месячные в соответствии с Луной? *Всегда точны и четырёхдневны?*» [4: 116]. Причем иногда такое удаление происходит вместе с дополнительными деталями, что рушит стройную логическую картину реакции персонажей, что хорошо видно на примере первой встречи Таис с Гесионой, где вместе с описанием из речи сирийского работоторговца пропала мысль о подвохе: «Взгляни на очертания бедер, груди. Плачу мину, ладно, две – последняя цена! – *Возмущённый или хорошо притворяющийся торговец подскокил к девушке, ударил пальцами по поднятым вверх девичьим соскам её грудей, заставив их упруго затрепетать. Девушка яростно оттолкнула торговца, отворачиваясь от жадных глаз, и продолжала цепляться за одежду.*

– *Что-то неладно, чувствую!* – воскликнул опытный сириец. – Таких рабыню не будут продавать в Пирее, а поставят в Афинах. Ну-ка обнажи ее!» [4: 47].

Также пострадали все, даже самые легчайшие, намеки на однополые отношения (даже если на самом деле ни намек, ни отношений нет). Так исчезают поцелуи Таис с подругами [4: 276] и «тяжелая рука Птолемея», легшая на плечи Нерарха [4: 27].

Но такой тип изменений вполне объясним, и реакция автора на него известна. Очень интересно и фактически необъяснимо удаление в 9-й главе «У Матери Богов» из описания храма всех намеков на то, что святилище Астарты стоит не посреди пустыни, а в городе Гелиаполе. В первом варианте Ефремов точно следует за описаниями Лукиана Самосатского, где сказано, что храм воздвигнут «на холме, который находится в самой середине города» [5: 166], а вот в стандартном уже все упоминания удалены: нет ни жителей, ни города за стенами святилища – только жрецы, Таис и македонцы. В частности, изначально Таис предлагает оставить раненого Ликофона в городке и заплатить за уход [4: 250], в дальнейшем этот эпизод исчез. Так же как исчезла и «собравшаяся у храма толпа жителей городка», которая «разразилась приветственными криками, когда афинянка ловко вскочила на лошадь, подняла ее на дыбы и повернула» [4: 253]. Это тем более удивительно, что Ефремов очень бережно относился к труду Лукиана. Достаточно взглянуть на описание статуи Кибелы в первоисточнике и в романе, особенно на ее украшения: «...изображение выложено золотом и украшено драгоценными камнями... Среди них много сердоликов, гиацинтов и смарагдов... Несколько подробнее стоит остановиться на камне, который находится на голове... ночью он светит так ярко, что освещает собой весь храм как бы множеством светильников. Днем, когда этот свет ослабевает, камень по внешнему виду становится похож на

огонь» [5: 168]. В романе же все описание короче, но не теряет ни одной значимой детали: «Сетчатые цепочки из золота, униженные фиолетовыми гиацинтами и изумрудами, спускались с плеч статуи, а на ее лбу горел живым огнем какой-то невиданный камень. Позднее Таис узнала, что камень ночью светится ярко, озаряя святилище» [3: 215]. Таким образом, можно предположить, что исчезновение города вряд ли является авторским замыслом.

Также присутствует плохо объяснимое удаление эпитетов. Таких примеров в тексте достаточно большое число, и они носят систематический характер. Приведем лишь несколько: Таис «попрощалась с *могущественной* властительницей знаменитого храма» [3: 251]; «не рискуя больше задерживать *важных* жрецов» [3: 250]; «прищуренные глаза, светлые и бесстрашные, *весело*

смеялись» [3: 249]; «не зная ничего о *медносердечных* законах Кибелы» [3: 240].

Кроме того, в тексте есть различные орфографические и пунктуационные изменения, не влияющие на смысл высказывания (или влияющие очень незначительно). Впрочем, есть и изменения, действительно улучшающие стилистику высказывания, которые стоило бы оставить, если бы издавался некий идеальный вариант произведения. Например, «старый жертвенник, находившийся в забросе» [4: 36] превратился в «старый заброшенный жертвенник» [3: 34], что, определенно, звучит лучше. В основном же, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что редакторская правка существенно обеднила авторский замысел, убрав эпизоды не только эротические (написанные, кстати, прекрасным литературным языком), но и важные для понимания тонкостей сюжета и психологии героев.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Н. Толстой, например, при первой встрече с молодым писателем (но уже признанным ученым) говорил об «изыском и холодном стиле» [1: 249], [6: 192]. Но этот легко узнаваемый, хотя, возможно, несколько тяжеловесный стиль вызывал у читателей, критиков и даже собратьев-писателей весьма противоречивую реакцию: от восторга до резкого неприятия. Так, очень высоко оценили стиль И. А. Ефремова Лев Кассиль [7: 1296] и Р. Штильмарк [7: 1476–1477], а П. П. Бажов сравнивал его с «белым золотом» – платиной, которой уральские мужики заряжали ружья вместо дроби, не понимая ее ценности [7: 1297]. С другой стороны, Л. Успенский в своей статье «Приключения языка» так отзываясь о романе «Туманность Андромеды»: «...синтаксис романа небрежен, дефектен, туманен, слаб. С этим пороком весьма близко сочетается и другой: автор часто употребляет самые обычные слова в каком-то смещенном, невыверенном значении, безнадежно “одвуязычная” содержание своей речи» [8: 241]. И это пример одной из многих его претензий к стилю И. А. Ефремова, при этом не самых злых. Хотя надо сказать, что друзья и истинные ценители таланта писателя как раз восхищались точностью и тщательностью подбора слов. Например, друг и коллега Ефремова А. П. Быстров в письме от 24 ноября 1944 года пишет: «...изумительно-литературный русский язык; огромный словарь <...> ни одной, хотя бы неряшливо построенной фразы; я уже не говорю о неправильных построениях фраз – их вообще нет...» [7: 131].
- ² Подробнее вопрос о сроках и методах написания «Таис Афинской» рассматривается в нашей статье: Агапитова Е. К. Исторические источники в романе И. А. Ефремова «Таис Афинская» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 103–106.
- ³ Возможно, это связано с замалчиванием имени Ефремова, последовавшим после обыска в его квартире через месяц после смерти.
- ⁴ В собрание сочинений 1975 года «Таис Афинская» не вошла, поскольку, как говорит сам автор в письме своему биографу Е. П. Брандису, собрание сочинений должно состоять из вещей, уже издававшихся и «имеющих прессу» [7: 1456], а все возражения автора, что к моменту печати последнего тома «Таис» уже дважды будет издана и, соответственно, «прессу» иметь будет, во внимание приняты не были. Хотя в 1976 году роман вышел отдельным томом в серийном оформлении, но без номера тома.
- ⁵ Скорее всего, правку проводил С. Г. Жемайтис – заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия» в 1957–1973 годах, который, по словам Ефремова, «враждует с эротикой» [7: 1358], что было их «вечным камнем преткновения» [7: 1361].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерѣмина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 682 с.
2. Ефремов И. А. Каллиройя // Сверхновая. F&SF. 2008. № 41–42. С. 89–105.
3. Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Кн. 3. Таис Афинская. М.: Молодая гвардия, 1989. 494 с.
4. Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Таис Афинская: Ист. роман. М.: Современный писатель, 1992. 496 с.
5. Лукьян Самосатский. О сирийской Богине // Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001. С. 158–172.
6. Материалы к творческой биографии И. А. Ефремова. Жизнь ученого и писателя. Интервью с И. Ефремовым // Вопросы литературы. 1978. № 2. С. 187–208.
7. Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Авт.-сост. О. А. Ерѣмина. М.: Вече, 2016. 1536 с.
8. Успенский Л. Приключения языка (О языке приключенческой и научно-фантастической литературы) // Звезда. 1958. № 9. С. 235–243.

Agapitova E. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IVAN EFREMOV'S NOVEL "TAIS ATHENIAN": CENSORED AND EDITED BY THE AUTHOR

It has been recently discovered that the novel of a famous Soviet writer I. A. Efremov "Tais Athenian" existed in two editions (apart from a shortened version published in magazine "The Young Guard" in 1972). These two editions were included into the Collected works of 1986-89 and 1992. The edition of 1992 is called a "full author's" one while the absolute majority of the novel published as a separate book are guided by the edition of 1989. The article compares these two editions, identifies and systematizes the revealed discrepancies. The bigger part of corrections is connected with censor's cuts associated with sex-relations issues (as far as it was possible to do in the novel where the main character is the hetera). In the article we present the most interesting groups of discrepancies and a short analysis of examples of editorial changing.

Key words: Ivan Efremov, "Tais Athenian", censorship, two editions of the novel, author's editing of the text

REFERENCES

1. Eremina O. A., Smirnov N. N. *Ivan Efremov* [Ivan Efremov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2013. 682 p.
2. Efremov I. A. Kalliroya [Kalliroyya]. *Sverkhnovaya. F&SF*. 2008. № 41–42. P. 89–105.
3. Efremov I. A. *Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 5. Kn. 3. Tais Afinskaya* [Collected works in 5 vol. Vol. 5. Book 3. Tais Afinskaja]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1989. 494 p.
4. Efremov I. A. *Sobranie sochineniy: V 6 t. T. 6. Tais Afinskaya: Ist. roman* [Collected works in 6 vol. Vol. 6. Tais Afinskaya: Hist. novel]. Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1992. 496 p.
5. Lukian Samosatskiy. De Syria Dea [O siriyskoy Bogine]. *Sochineniya: V 2 t. T. 2*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. P. 158–172.
6. Materials on Ivan Efremov's biography. Life of a scientist and a writer [Materialy k tvorcheskoy biografii I. A. Efremova. Zhizn' uchenogo i pisatelya]. *Voprosy literatury*. 1978. № 2. P. 187–208.
7. *Perepiska Ivana Antonovicha Efremova* [Ivan Antonovich Efremov's correspondence] / Avtor-sostavitel' O. A. Eremina. Moscow, Veche Publ., 2016. 1536 p.
8. Uspenskiy L. Language's adventure (About adventure and science fiction) [Priklyucheniya yazyka (O yazyke priklyuchencheskoy i nauchno-fantasticheskoy literatury)]. *Zvezda*. 1958. № 9. P. 235–243.

Поступила в редакцию 01.06.2016

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 286 с.

Тридцать лет назад увидела свет статья Алексея Петровича Конкки, оставившая заметный свет в карельской этнографии, – «Карельское и восточно-финское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом» [2]. Обращали на себя внимание и новизна темы, и эрудиция автора, и зрелость его суждений. В 2011 году в Санкт-Петербурге А. П. Конкка защищает кандидатскую диссертацию [3]. Читаем в автореферате: научный руководитель – К. В. Чистов (1919–2007). До триумфа своего талантливого ученика Кирилл Васильевич не дожил. О чем говорят эти разрывы во времени? О том, что перед нами исследователь, который работает не ради регалий, а во имя истины как таковой. Книга А. П. Конкки «Карсикко» – дело всей его жизни. Не боясь преувеличения, скажу так: это классический труд. Здесь все отточено – выверено – доведено до кондиции. Каждое слово весомо. Ответственный – добросовестный – настоящий ученый! Тематика монографии связана с дендролатрией – это культ деревьев; он исключительно важен для понимания духовной жизни народов Севера. Связь человека и природы здесь отличается особой глубиной и напряжением. Дерево входит в картину мира многоаспектно – с включением его и хозяйственных, и экологических, и мифопоэтических аспектов. Карсикко – это дерево, ставшее знаком: оно принадлежит одновременно и природе, и социуму, являясь своего рода средоточием между ними. Эта его амбивалентная сущность представляет огромный и этнографический, и философский интерес.

Слово, первенствующее в лексиконе автора, образовано от *karsia*: обрубить сучья. Среди различных модификаций карсикко выделим две наиболее распространенные формы: это *просто* заломы веток, это *просто* затесы на коре. Предел простоты! Ее нижний порог! Ее экстремум! Хотя с формальной точки зрения коммуникативные возможности карсикко кажутся крайне бедными, но на поверку мы видим: их информационная емкость – огромна. Подчеркнем: карсикко способно к эволюции – к прогрессирующему усложнению. Однако даже на этой исходной стадии – все-таки ее не хочется назвать примитивной – с помощью карсикко северянам дано сказать о многом.

Форма – природная, сущность – человеческая. Характерное двоение! В природу вписывается новый план – встраивается новое измерение. Биосфера здесь переходит в ноосферу (В. И. Вернадский). Или – если угодно – в пневмосферу (П. А. Фло-

ренский). Какие-то эмбрионы знаков существовали от века. Их проявление мистериально. Эта тема волновала художника Б. А. Смирнова-Русецкого. Мы видим на его полотнах, как из природных явлений выступают некие начертания – они вызывают чувство чьего-то неисповедимого присутствия.

Деревья, ставшие карсикко, – это уже артефакты. Среди лесов закладывается своеобразная знаковая система. Тут имеются свои коды и шифры, своя тайнопись. Востребованы переводчики. Считывая информацию, они делают ее доступной для других – скажем, для необученной молодежи. Но роль толмачей должна неуклонно уменьшаться. Круг знающих становится все шире. Слишком сильной харизмы здесь не надо. Языком карсикко овладевает вся община, хотя какое-то место для криптологии всегда остается. Это был довольно богатый язык. Он передавал весьма дифференцированные сообщения. Живы и отец, и мать? Или один родитель? Или оба умерли? Карсикко со всей определенностью отвечает на подобные вопросы.

Знаковая реальность начала формироваться еще в биосфере. Вспомним явление энтомофилии. Вспомним про территориальное поведение животных. Человек на этой стезе продолжает природу, разумеется, на качественно ином уровне. Очень точный термин: *доместикация* пространства – его своеобразное *одомашнивание*. Человек норовит мир превратить в дом. Отсюда соответствующие изоморфизмы. Карсикко работает на такое вочеловечивание пространства.

Обряды перехода: сколь успешным оказалось это понятие Арнольда ван Геннепа! Хочется его соотнести с гегелевской *узловой линией мер* – она фиксирует, как что-то ломается внутри системы, прорываясь к небывалым возможностям. Это своего рода диаграмма кризисов. Карсикко часто вырастают в узлах этой линии. Понятие перехода показало свою замечательную универсальность. А. П. Конкка внес весомую лепту в раскрытие его богатейшего потенциала. Феномен карсикко оказался на редкость выигрышным для этого. Смерть человека – разумеется, переход, по современному – катастрофа. Несмотря на то, что часто принимает спокойную – умиротворенную – форму. Стараются быть незаметной. Что из этого? Хайдеггеровское *бытие-к-смерти* – основа нашей экзистенции. Проведенная Танатасом черта – при любых обстоятельства – непреложна. Карсикко – ретушь этой черты: ее визуальное усиление.

Читаем в рецензируемой книге: «Переход из одного состояния в другое как самих объектов, так и окружающего их мира – порождает необходимость использования “сквозных” универсальных предметных и акциональных символов» [4: 6]. Выявление этого сквозения – сущностных подобий – очень значимо для науки. Дерево – в мифопоэтическом измерении – как бы чреватое человеком.

Иногда кажется, что великие мастера деревянной скульптуры – Степан Эрзя и Сергей Конёнков – всего лишь принимали роды, помогая стволу разрешиться: в нем таился готовый образ. Этот эффект усиливается в работах современного мастера Бориса Сергеева. Обработка дерева у него минимальная. Два-три удара топора – будто колдовское мановение: чурка превращается в статую. Монография А. П. Конкки заставила меня задуматься о генезисе славянской языческой скульптуры. Деревянные идолы волновали воображение замечательных живописцев – Николая Рериха, Юрия Ушакова, Виктора Никитина. Сохранилась летописная память о древних капищах. О них выразительно свидетельствует Ибн-Фадлан: «Святилище русов располагалось под открытым небом. Оно представляло собой некий участок земли, усеянный воткнутыми резными “деревяшками”, верхняя часть которых грубо изображала подобие человеческого лица» [1].

Штудии А. П. Конкки эвристичны. Читаешь про финно-угорское – и ищешь параллели к славянскому. Затес на коре – намек на личину – высокий пенёк, принявший человеческие черты, – и вот завершающая фаза: готовая – самодовлеющая – скульптура. Этот процесс можно истолковать как нарастание антропоморфности. Или как движение в сторону натурализма. *Мера условности*: этот критерий очень важен для понимания знаковых систем, взятых в развитии. Условное убывает! Знаковую функцию может нести что угодно. Главное – договоренность: понимание строится на конвенциональной основе. Оно возможно лишь для круга посвященных. Ты заламываешь ветку – и этим даешь знак другому: постороннему трудно догадаться о смысле обращения. Что абстрактней такого знака? Но вот под моим ножом появляется нечто образное. Уже почти реалистическое! Это крайне важная – многое предопределяющая и раскрывающая – тенденция. Культура именно финно-угорских народов дает исключительные возможности для пристального исследования этой тенденции. Тут многое еще живо – не стало преданием.

Человек и дерево – как сообщающиеся сосуды: тут возможны взаимоперетоки витальной энергии. И сакральной информации тоже! Хвоя с *карсикко*, посвященного умершему, – ее надо класть под подушку: возможно установление сновидческой связи. Контакты с потусторонним, осуществляемые посредством *карсикко*, несут на себе печать двойственности. Оттуда можно ждать и поддержки, и подвоха. Упование пережегается с опаской. Понятно охранительное значение *карсикко*. Нельзя сказать, что это жесткая

оборона – скорее упреждающая защита. Дух умершего должен оставаться в локусе, назначенном ему от века. Не может быть и речи о полном прекращении контактов. Таковые должны отлаживаться. Эту миссию и выполняет *карсикко*.

Очень интересно рассуждает А. П. Конкка о жизненной силе, представления о которой связываются с *карсикко*. *Народный витализм*: это очень и очень серьезно. Пращуры были уверены, что существуют некие источники, привносящие в наш мир – со скрытых планов бытия – дополнительную энергию. Законы сохранения здесь нарушаются. Но что без таких нарушений народный космос? Вспомним *прану* индусов. Или *ману* полинезийцев. Благодаря этим неуловимым реалиям в мире уменьшается энтропия. Через *карсикко* в наш мир притекает нечто подобное.

В отношении северного человека к природе всегда была мера. Или как лучше сказать – *мудрый оптимум? Тонкий баланс?* Случалось, что равновесие нарушалось – причем резко. К примеру, это могло происходить на фоне так называемых *волн жизни*, когда фантастически увеличивалась численность организмов. Это бывало и с птицами, и со зверьми. Люди понимали – взяли лишнее. Ощущали вину перед природой. Сие душеполезное состояние тоже отмечалось *карсикко*.

Предмет исследования получает у А. П. Конкки очень широкий контекст. В локальном высвечивается всемирное. Компаративистика работает на полную мощь. Подчас ее ходы непредсказуемы. Так, несколько неожиданным кажется обращение автора к Мирче Элиаде: процесс инициации он связывал с подъемом – вскарабкиванием – на дерево. Приобщение к высоте тут имеет много смыслов. Это и акт очищения, и испытание мужества. И даже почти что *теозис*: попытка подняться в верхний мир – примериться к позиции божества. Автор мыслит системно. Он любит аналогии, параллелизмы. Принимая этот стиль, мы бы сравнили обряд инициации по М. Элиаде с известной магической практикой: шаман в экстазе восходит и нисходит вдоль оси Мирового древа – обеспечивает жизненно важную связь разных уровней бытия. Что-то подобное могло иметь место в случае с *карсикко*? Но уже наяву – в живом обряде. Ведь для манипуляций с вершиной дерева надо было подниматься на приличную высоту. Акциональное сходство налицо. Было бы интересно его уточнить. *Arbor Mundi* – великая универсалия. Уже поэтому нечто предельно типизированное – схематически обобщенное – почти абстрактное. *Карсикко* – проекция Мирового древа на житейский план бытия; его чувственно доступный *алломорф* – или *ипостась*, данная в непосредственном созерцании. Яркость Мирового древа может пониматься очень наглядно. Еще раз подчеркнем: его трехуровневая структура – весьма отвлеченное представление. Однако у северных народов оно иногда получает предельную конкретизацию. Задействуем условный высотомер – и вместе с манси войдем в его родной лес. Мировое древо тут осуществило

самопосев? Размножилось? Мы входим в насаждение Мировых древ. Каждое – представительно: всецело сохраняет семантику первообраза. Но как бы заземлено и занижено. Это тебе не гигантский Иггдрасиль: нечто и впрямь сомасштабное размаху Вселенной. Никакой гиперболизации! Перед нами уменьшенные копии Мирового древа? Его фрактальные подобию? Условные замещения? *Верхний мир* у манси – вот он озирается в своем волшебном лесу – начинается с высоты 7 м. *Средний мир* – 5 м. *Нижний мир* – 2 м. Укороченные интервалы! Это адаптация к восприятию человека, к его потребностям? Размеры тут не имеют принципиального значения. Достигается главная цель: пространство структурируется – намечается его зональность [5]. Причем не только в интересах умозрительной космологии, но прежде всего – ради практических действий человека, осваивающего и видимый, и невидимый мир. Это прагматизация символа. Его внедрение в непосредственный опыт человека.

Карсикко промысловика – *карсикко* неопита – *карсикко* умершего: сколь ни разнообразны эти проявления одного архетипа, но во всех случаях мы видим сохранение следующих функций:

– это медиаторы (скрепы между явным и скрытым, старым и новым, живым и мертвым и т. д.);

– это обереги (нужна охрана от экстраординарного – от чужеродного – от трансцендентного и т. д.);

– это факты языка (деревья-нарративы, деревья-вопрошания, деревья-ламентации и т. д.).

Собственно, третье сечение объединяет собой два первых, ибо во всех случаях мы имеем дело с *деревьями-текстами*, желающими нам нечто сообщить и что-то растолковать; о чем-то напомнить и куда-то направить; предупредить – насторожить – одернуть и т. д.

Исследования А. П. Конкки открывают новый класс *письменности*. Именно так! Эта форма *письма* не знает аналога. Назвать ее зачаточной? Но посмотришь с другой стороны – и увидишь нечто гибкое, изощренное.

Карсикко связано с идеей пути. Часто это *веха*, отмечающая не столь расстояния, сколь важные для личности и общины события. Это жизненный *путь*. Дорога жизни! Ведь не всегда движение по ней будет скучным и рутинным. случается яркое, запоминающееся. *Карсикко* и отметит его. Особо значим *путь* на кладбище. Здесь маркировка отсылит не только к профанному, но и к сакраль-

ному пространству. *Путь* в царство мертвых! Где-то он обрывается для нашей сенсорики – и его уже нельзя проследить топографически: так сказать, отложить на карте местности. Оборвавшись *здесь*, он продолжается *там*. *Карсикко* обозначит эту точку разрыва. А. П. Конкка показал: карельские кладбища – это порой целые рощи *карсикко*. Разглядываешь деревья – как листаешь страницы. Есть ли более удивительная книга?

Переход в мир мертвых предполагает различные *инверсии*, скажем, зеркальное обращение признаков – сотворение наоборотной реальности. Приведем цитату из ранней статьи А. П. Конкки: «Э. Леннрот сообщает в своих путевых заметках, что в сосновых лесах к северу от Кандалякиши он на многих деревьях вдоль дороги видел вырезанные в коре “человеческие изображения”, перевернутые вниз головой» [2]. Здесь намечается интересная проблематика. Каждая культура знает свой *антимир*. Как он видится финно-уграм? *Карсикко* – это как бы представительство пращура. Он продолжает участвовать в наших делах, но снестись с ним можно только опосредованно. *Карсикко* принимает от нас просьбы, жалобы, пожелания – и передает их адресату. С ним здороваются. Ему приносят пищу. *Замещение* ушедшего человека *карсикко* осуществляет с предельной полнотой. Это важнейшая регуляторная функция, позволяющая гармонизировать два уровня бытия: ныне здравствующих – и обретших вечный покой. Сама граница между ними становится предельно условной. Происходит столь важная для народного космоса релятивизация вроде бы противоположных смыслов. Они обнаруживают свою взаимоперетекаемость. О семиотике *карсикко* в книге сказано так: «По нашему мнению, на первый план здесь выступает не антропоморфность, а функция знака, в котором заложены гораздо более широкие смыслы. Человекоподобное изображение есть лишь одна из форм отражения семантики ритуального символа» [4: 32]. *Зарубка* – совсем не портрет. Но в знаковом аспекте эквивалентна портрету! Денотат здесь один и тот же. *Кукла – дерево – человек – текстильное изделие*: выстраивая этот весьма разнородный ряд, А. П. Конкка показывает, что все его члены изоморфны друг другу. Сюда хотелось бы ввести и *резную прялку*. Элементарный затес тоже входит в эту череду. Инвариантность пронизывает несхожие вещи. Такое возможно лишь в мире знаков – *семиосфере* Ю. М. Лотмана. А. П. Конкка открыл ее новое измерение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибн-Фадлан. «Записка» о путешествии на Волгу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oldrus.livejournal.com/157552.html> (дата обращения 08.07.2016).
2. Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом. Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85–112 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/9.asp> (дата обращения 08.07.2016).
3. Конкка А. П. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2011. 28 с.
4. Конкка А. П. Карсикко: Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 206 с.
5. Мансийский след. Часть третья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/p/piskarewa_m_l/mansled3.shtml (дата обращения 08.07.2016).

Поступила в редакцию 08.08.2016

НАУМ ФАДДЕЕВИЧ СЛАВИН

(19.09.1916–10.03.1980)

К 100-летию со дня рождения
ученого, педагога, архивиста

Н. Ф. Славин родился в г. Черикове Могилевской губернии. В 1931 году окончил семилетку в г. Москве. В 1932 году поступил в трамвайный техникум, в 1937 году – в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), который окончил с отличием в 1941 году. Его направили на работу в казанский Центральный государственный архив (ЦГА) Татарской АССР в качестве начальника отдела Октябрьской революции. В Казани он познакомился с известным советским историком Е. В. Тарле, находившимся в эвакуации.

В конце 1942 года, после завершения ускоренного курса Арзамасского пулеметно-минометного училища и присвоения звания лейтенанта, Н. Ф. Славин был направлен в действующую армию. С ноября 1942 до июня 1944 года командовал минометным взводом 25-го Островского Краснознаменного стрелкового полка 44-й Чудовской Краснознаменной стрелковой дивизии, входившей в состав 54-й армии Волховского фронта. В 1943 году на фронте вступил в партию, в 1944 году был переведен на партийную работу. Войну Н. Ф. Славин закончил в звании старшего лейтенанта, был награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями.

В 1946 году вернулся к профессиональной деятельности, поступил в аспирантуру МГИАИ. По окончании аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 1949 году был направлен в Карело-Финский государственный университет, которому отдал тридцать лет своей жизни. В 1950 году был принят старшим преподавателем на кафедру истории народов СССР исторического отделения историко-филологического факультета. В 1954 году получил звание доцента, в 1962–1970 годах возглавлял кафедру истории СССР. Он читал лекции по истории СССР, архивоведению, истории Карелии, вел специальный курс и семинар по теме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

Научные интересы Н. Ф. Славина были связаны с изучением истории Октябрьской революции. Он автор 61 печатной публикации (45 научных трудов). В научных кругах был известен как глубокий исследователь политической ситуации в России накануне революции и потрясенный 1917 года. В качестве специалиста по этой теме работал в авторских коллективах двух

изданий энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1968, 1977). Им был написан ряд статей о непролетарских партиях России периода лета и осени 1917 года для «Советской исторической энциклопедии» и «Большой советской энциклопедии».

В круг его научных интересов входило и изучение истории Карелии в советский период – он написал около двадцати научных работ по различным аспектам этой темы. Прежде всего ученый исследовал малоизученные проблемы истории борьбы за советскую власть в Олонецкой губернии. Им была разработана программа курса лекций по истории Карелии (советский период), которую с годами он перерабатывал и дополнял. Под его редакцией (совместно с Я. А. Балагуровым) вышли в свет два издания хрестоматии «История Карелии в документах и материалах» в двух частях, увидевшие свет в 1970-е – начале 1980-х годов.

Активно сотрудничая с Институтом усовершенствования учителей, он выступал перед учителями истории Петрозаводска и республики. Написал несколько методических пособий для студентов и преподавателей. Как профессиональный историк Н. Ф. Славин понимал необходимость изучения истории вуза, создания университетской летописи. В 1963 году он выступил с предложением создать музей истории ПГУ. Однако воплотить эту идею в жизнь его коллегам удалось лишь в 1987 году.

Несмотря на активную научную и педагогическую деятельность, Н. Ф. Славин никогда не терял интереса к архивному делу. С первых лет своего пребывания в Петрозаводске он активно сотрудничал с ЦГА КФССР (КАССР). Стал научным редактором ряда сборников архивных документов.

Как член КПСС он нес большую общественную нагрузку: являлся секретарем партбюро факультета, внештатным лектором Петрозаводского горкома КПСС, лектором общества «Знание», на факультете на протяжении многих лет отвечал за политико-воспитательную работу со студентами. Многогранная деятельность Н. Ф. Славина нашла свое отражение в документах его личного фонда (Р-58), находящегося на хранении в Национальном архиве РК.

*Н. А. Басова
кандидат исторических наук,
сотрудник Национального архива РК*

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Antoshchenko A. V.*
GEORGE FEDOTOV'S ROLE IN TRANSFORMATION OF ST. VLADIMIR'S ORTHODOX SEMINARY INTO AN ACADEMY 7
- Butvilo A. I.*
INTERNAL POLITICAL FACTORS OF KARELO-FINNISH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC ABOLITION IN 1956 16
- Dianova E. V.*
FOLK THEATER AND COOPERATION OF THE EUROPEAN NORTH (ON MATERIALS OF THE 1910-s) 24
- Pashkova T. V.*
PERSONALIZED DISEASES AND METHODS OF THEIR TREATMENT IN RARELIAN FOLK-LIFE CULTURE 31
- Ruzhinskaya I. N.*
THE HEGUMEN LUKE (ZEMSKOV): ORTHODOX MONASTICISM IN THE REALITIES OF THE XXTH CENTURY 35
- Urvantseva N. G.*
OLONETSKY DEPARTMENT OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY IN THE RELIGIOUS LIFE OF OLONETS PROVINCE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES 44
- Filimonchik S. N.*
THE ACTIVITIES OF KARELIAN UNION OF SOVIET WRITERS IN THE 1930s 49

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Guseva E. R.*
PRONOMINAL ADVERB *ZDE* AND ITS DERIVATIVES IN RUSSIAN DIALECTS OF KARELIA AND ADJACENT REGIONS 57
- Kyurshunova I. A.*
THE PERSON'S NAME STRUCTURE IN WRITTEN MONUMENTS OF KARELIA OF XV–XVI CENTURIES (NAMING MODELS) 62

- Mikhaylova L. P.*
MODIFICATION OF RUSSIAN LEXIS IN MULTI-ETHNIC AREA (WORDS WITH INITIAL LIQUID CONSONANTS) 70
- Sharapenkova N. G.*
HENRIK IBSEN'S PLAY "PEER GYNT": A MODERN INTERPRETATION IN THE PERFORMANCE BY THE LENKOM THEATRE 78
- Abramova O. G., Khomenko M. V.*
TRANSLATION OF BORIS PASTERNAK'S NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO" INTO SWEDISH 83
- Dekhtyarenok A. V.*
REMINISCENCE AND INTERPRETATION OF BIBLICAL MOTIFS IN THE POETRY OF D. S. MEREZHKOVSKY 87
- Litinskaya E. P.*
"UNTRANSLATABLE" IN TRANSLATION: FEATURES OF RUSSIAN NON-EQUIVALENT VOCABULARY TRANSMISSION INTO MODERN GREEK 92
- Mineeva I. N.*
THE CREATIVE HISTORY OF THE N. S. LESKOV'S NOVEL "THE EVILDOER OF ASKALON": THE SOURCES, GENESIS AND POETICS ... 95
- Nilova A. Yu.*
HOMER'S TRADITIONS IN LERMONTOV'S POEM "BORODINO" 102
- Skoropadskaya A. A.*
IVAN TURGENEV ABOUT VIRGIL (BY THE EXAMPLE OF A LETTER) 105
- Agapitova E. K.*
IVAN EFREMOV'S NOVEL "TAIS ATHENIAN": CENSORED AND EDITED BY THE AUTHOR 109

Reviews

- Linnik Yu. V.*
The book review: Konkka A. Karsikko: trees as omens in Finnic peoples' rituals and beliefs 114
- In memory of N. F. Slavin** 117